

Словесница искусств

Хабаровский краевой благотворительный
общественный фонд культуры

10/2002

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ХАБАРОВСКА

Словесница искусств

№ 10 2002

Журнал Хабаровского краевого
благотворительного
общественного фонда культуры

Выходит 3 раза в год.
Хабаровск

Свидетельство Дальневосточного
территориального управления МПТР
ПИ № 15-0009 от 29 мая 2000 года.

Лауреат конкурса 1999г. среди провинциальных изданий,
пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и
журналистики» совместно с Фондом Форда.

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов
«Золотой Гонг - 2001»

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Корректор	Наталья ЗУБКОВА

Общественный совет	М. БУРИЛОВА В. ВАСИЛИНЕНКО Л. ВАРАКСИНА О. ИВАНОВА Т. МЕЛЬНИКОВА С. МОНАХОВА Н. СОЛОВЬЁВА С. ЧЕРЕПАНОВА <u>Ю. ШЕСТАКОВА</u>
--------------------	---

Фотографии	С. АЛЕКСЕЕВА И. КРАВЧУКА В. КУЦОВА В. МАЙОРОВА В. ИВАНОВА Г. ПЕРШИНОЙ
------------	--

Благодарим Госархив Хабаровского края, Хабаровский краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, Дальневосточный художественный музей и музей Хабаровского радио ДВТРК за предоставленные фотографии.

Адрес редакции:
680000, Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, 17.
Телефоны: (4212) 32-73-85, 32-73-42.
E-mail: haki@pop.redcom.ru
Тираж 500 экз.

На первой странице обложки — здание бывшей Городской Управы (Думы).

Фото Игоря Кравчука.

На четвертой странице обложки — «Дерево жизни».
Настя Меженкова, 11 лет.

СОДЕРЖАНИЕ

Елена Глебова
**РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО
ЛЮБИМОГО ГОРОДА**
Стр. 2

МОНОЛОГИ О ХАБАРОВСКЕ
Стр. 4

Елена Глебова
**В ДАР ХАБАРОВЦАМ-
ОТ КРАЕВЕДА ЖУКОВА**
Стр. 7

Владимир Иванов
**ДРЕВНЕЕ ГОРОДИЩЕ С ХОЛМАМИ
«ВЕЧНОГО РИМА»**
Стр. 9

Татьяна Мельникова
АБОРИГЕННАЯ ИСТОРИЯ
Стр. 10

Владимир Василенко
ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА ВЕНЮКОВА
Стр. 13

Лидия Вараксина
СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА И ГОРОДА
Стр. 15

Тамара Косицына
**ХРОНИКА СОБЫТИЙ
1858-1926**
Стр. 17

Ольга Иванова
**В ХАБАРОВСК, С ЛЮБОВЬЮ,
ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА**
Стр. 20

Анатолий Жуков
**СТРОИТЕЛЬ ХАБАРОВСКА -
ГЕНЕРАЛ АЛЕКСАНДРОВ**
Стр. 21

Анатолий Жуков
**ПОТОМКИ ПОЛЬСКОГО
ПОВСТАНЦА**
Стр. 22

Мария Бурилова
ИЗ РОДА БОГДАНОВЫХ
Стр. 25

Юлия Шестакова
**«И ЛУЧШЕЙ НАГРАДЫ ПОЭТУ
НЕ НАДО...»**
Стр. 28

Александр Лепетухин
**СБЫВШАЯСЯ МЕЧТА
ХУДОЖНИКОВ ФЕДОТОВЫХ**
Стр. 32

Виктор Буря
«НУ, ЯШКА, ТЫ И ВЫЛЕПИЛ!..»
Стр. 36

Валентина Катеринич
**РОМАН ВАСИЛИЯ АЖАЕВА
«ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ» -
КЛАССИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
РЕАЛИЗМА?**
Стр. 39

Людмила Миланич
ГОВОРIT ХАБАРОВСК!
Стр. 42

Клара Зилова
МЫ ВСЕГДА ДОЛЕТИМ...
Стр. 44

Светлана Соловьева
**КОГДА ДЕРЕВЬЯ БЫЛИ
МАЛЕНЬКИМИ**
Стр. 46

Светлана Жук
**ПАЛИТРА ХАБАРОВСКОЙ
КЕРАМИКИ**
Стр. 50

Светлана Фурсова
**ХАБАРОВСК ПО-МОСКОВСКОМУ
ВРЕМЕНИ**
Стр. 52

Сталина Стукова
ШЕМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА
Стр. 54

Елена Добровенская
«НЕ ЖАЛЕЙ МЕНЯ, БЕРЕГ...»
Стр. 56

Наталья Соломонова
**НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК
ТВОРЧЕСТВА**
Стр. 57

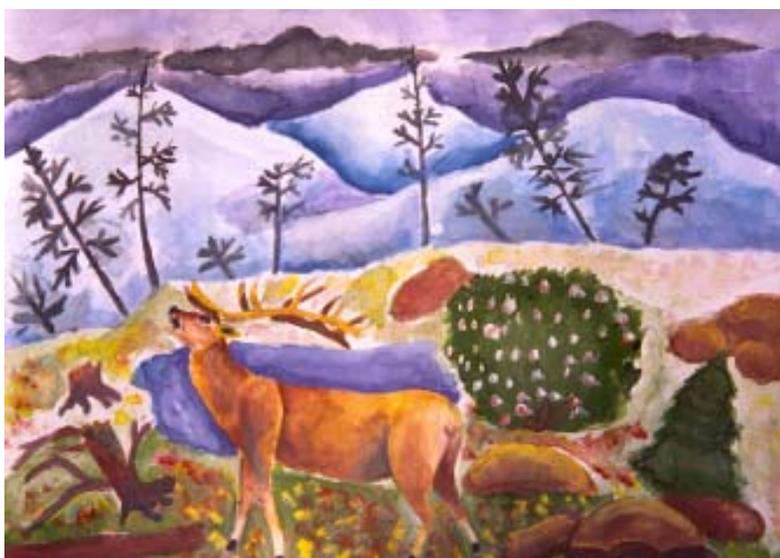
Елена Добровенская
**ПЕЩЕРА-ХРАМ
ПАВЛА ОГЛУЗДИНА**
Стр. 58

Елена Глебова
**БЕЗБРЕЖНАЯ РЕКА
ХАБАРОВСКОЙ ВЕСНЫ**
Стр. 60

Людмила Козлова
**ГДЕ-ТО ЕСТЬ ГОРОД,
ПОХОЖИЙ НА СОН...**
Стр. 62

Ярослав Угрынив, 11 лет. «Родной край»

Панно с куклами. Коллективная работа. Эколого-эстетический центр «Хехцирские узоры» (с. Бычиха), Рук. Л. М. Овчинникова

Анисья Кучерова, 12 лет. «Люди»

«Салют старому, новому, будущему Хабаровска».

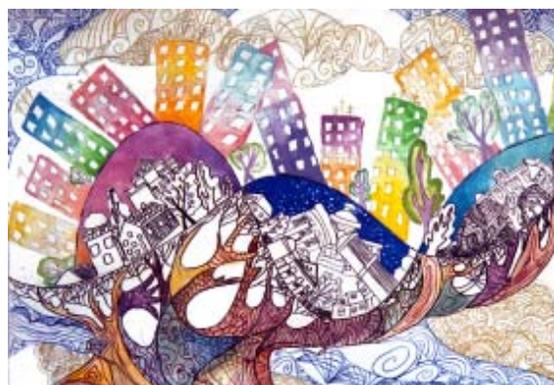
Коллективная работа. Хабаровская детская художественная школа. Преп. И. М. Карташова

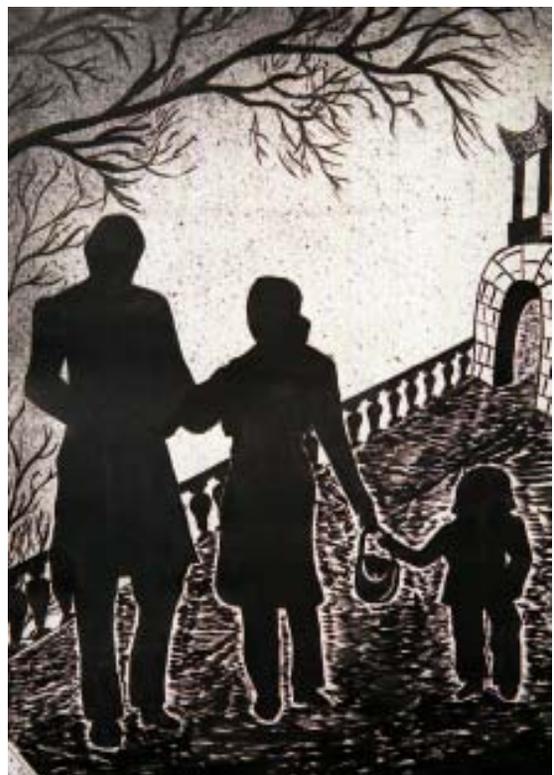
ческих коллективов создавали свои деревья.

Детская фантазия лишена штампов, и потому каждая конкурсная работа отличалась индивидуальностью, яркостью, была наполнена глубоким философским смыслом. В одной из них на крепких корнях, у основания родословного дерева разместились коренные жители земли приамурской, первые переселенцы. Средние ветви увенчаны церковью с золочеными куполами, а там, где крона встречается с солнцем, — современный Хабаровск с разноцветными фонтанами и величавым утесом.

Невероятно трудной задачей оказалось определить победителей. Да и как оценивать искренность и чистоту детских сердец? И все же первое место и главный приз достались эколого-эстетическому центру «Хехцирские узоры» села Бычиха, второе — Хабаровской художественной школе, третье — студии межшкольного учебного комбината Железнодорожного района. Однако проигравших в конкурсе не было: все участники получили памятные дипломы и подарки. А главное, юные хабаровчане получили возможность сказать о родном городе языком красок и чувств.

Даша Крюкова, 11 лет. Эколого-эстетический центр «Хехцирские узоры» (с. Бычиха), Рук. Н. Н. Михеева

МОНОЛОГИ

о Хабаровске

**Вадим
ГОГОЛЬКОВ,**
режиссер,
художественный
руководитель
театра пантомимы
«Триада»

В Хабаровск я попал в 1966 году. Окончив среднюю школу в поселке Архара Амурской области, оказался перед выбором, куда направить свою судьбу. Поехал поступать на актерский факультет во Владивостокский институт искусств, но, к счастью, меня туда не приняли. Тогда я приехал в Хабаровск и два года проработал на заводе «Энергомаш» у токарного станка. А когда в 1968 году открылся институт культуры, поступил туда уже на режиссерское отделение. С тех пор Хабаровск всегда со мной. Существует мнение, что если провинция в сердце, то ты будешь ощущать себя провинциалом даже в Париже. Я не считаю, что мы живем в провинции. Напротив, может, эта отдаленность от столичных благ накладывает на нашу жизнь и творчество свой отпечаток. Во всяком случае, театр «Триада», которым я руковожу, театр со своим лицом, со своим видением мира, он не похож ни на какой другой. Конечно, создание профессионального театра — дело трудное и долгое. Однако жизненный и преподавательский опыт помог мне в этом. Театр стал моей судьбой и страницей в истории города. Бывая в Японии, мы не ощущали себя провинциалами. Уже одно то, что японцы из всех хабаровских театров выбрали наш, говорит само за себя. В Токио на наших спектаклях была очень взыскательная публика, высокие отзывы в прессе. Когда я проводил мастер-классы с токийскими актерами и режиссерами и чувствовал их неподдельный интерес к нашему искусству, гордился, что дальневосточник. Дальнейшие совместные планы — тому подтверждение. На следующий год я буду ставить пьесу современного японского драматурга с участием в нашем спектакле японского мима. Вообще в Хабаровске какая-то удивительная аура. То ли влияние Амура, то ли природа наша потрясающая тому виной, но такое впечатление, что все время разговариваешь с Космосом.

**Людмила
МИЛАНИЧ,**
член Союза
писателей России

Говорить о родном городе так же трудно, как говорить о своей любви. Проще, когда уже написаны стихи... Я хабаровчанка по рождению и знаю одно: даже если бы мне предложили большие деньги и попросили поменять место жительства, уехать туда, где круглый год растут фрукты, — я бы отказалась. Я уезжала работать в Южно-Сахалинск, бывала во многих местах Дальнего Востока. Но Хабаровск — это мой город. И как особенки человека, которого любишь, бывают дороги, так и в Хабаровске есть у меня дорогие места — Амур, родной переулочек, который когда-то именовался Киселевским, потом был Парковым, а теперь носит имя капитана Дьяченко. И эти стихи я посвятила ему:

Переулочек этот мой —
Он причалил у восхода.
От Амура, как по сходям,
Я иду к себе домой.

В парках плещется листва —
То деревья бьют в ладоши
И одаривают прошлым
Так, что кругом голова.

Поднимаюсь на чердак,
Выше, чтоб увидеть с крыши,

Как спокойно город дышит —
Тот, что дан мне навсегда.

Вот стою, обняв трубу,
Проплываю через годы.
Разным помню этот город,
Подаривший мне судьбу.

И в подробности лица
Все стараюсь я взглядеться...
Не мое ли это детство
Расшумелось у крыльца?

Игорь КРАВЧУК,
художник

Мне кажется, что когда люди по-настоящему любят свой город, они стараются сделать его лучше, красивее, комфортнее. Было время, когда в культурной жизни Хабаровска произошел заметный всплеск: Дальневосточный художественный музей наконец обрел свое постоянное помещение на берегу Амура, театры стали реконструироваться, появились новые. Это продолжается, потому что люди понимают: без духовности невозможно развитие человека.

Я нахожусь в художественной среде и понимаю, что в городе должны возникать новые галереи, выставочные залы. Нужно продвигать творчество дальневосточных художников, которое сегодня, кстати, вызывает интерес и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и за рубежом. И если до недавнего времени российские арт-критики могли знакомиться с работами наших художников только по каталогам, то сегодня проходят выставки дальневосточников в разных городах России, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге. Расширяются рамки, которые довольно долго нас сковывали и заставляли жить в отрыве от центра. Именно с этой целью я создал выставочный зал «Вернисаж», где проходили интересные выставки не только хабаровских художников, но и питерских. А сейчас готовится к открытию новый зал — в исторической части города, на Соборной площади. Когда-то, в 1993 году, я написал работу, посвященную разрушенному Успенскому собору, о котором мне рассказывал еще мой дед. Хотелось выразить надежду, что поруганный храм вернется. И сегодня это осуществилось. Появляется архитектура, которой нам не доставало. С одной стороны, возвращается утраченный облик Хабаровска, с другой — он приобретает новое лицо. Наш город получил статус столицы Дальнего Востока, и хочется, чтобы культурная жизнь тоже соответствовала столичной. Необходимы праздники, фестивали, крупные культурные проекты, которые объединят творческих людей и сделают нашу жизнь яркой.

Вера ДУБОВИК,
заслуженная артистка
России, первая
скрипка Дальневос-
точного симфоничес-
кого оркестра

Я люблю свой город. У меня с ним все связано. Здесь был дом, родные, педагоги. Еще студенткой музыкального училища проходила стажировку в Дальневосточном симфоническом оркестре. И хотя потом уехала учиться в Свердловск, и все так складывалось, чтобы остаться там, судьба вернула меня в родной город. Виктор Зигфридович Тиц, главный дирижер симфонического оркестра, приехал в Свердловск и сказал: «Мы вас забираем». И я была очень рада, что еду в родной город, в оркестр, с которым у меня в итоге связана вся жизнь.

У меня всегда такое ощущение, что ты растешь вместе с городом. Ты меняешься, и город меняется, твоя семья растет, и город разрастается. Так что Хабаровск — это моя судьба.

Любовь к городу у каждого начинается с собственных ощущений. Когда мне было 6 лет и я впервые приехал с родителями в Хабаровск, был декабрь, всюду снег. У нас в Курской области, откуда прибыли, совсем другая зима, оттепельная, а здесь сразу почувствовал, как легко дышится, и парок изо рта. И эта улица, ведущая от вокзала, с круглыми крышами фанз, и само здание вокзала, похожее на терем, — все было для меня, западного ребенка, необычным. А когда вошли в здание вокзала, меня поразила сидящая прямо на полу нанайка в наброшенной на плечи шкуре, кормящая грудью чумазого ребенка... Так что, можно сказать, для меня любовь к Хабаровску началась с этой полуголой нанайки.

Владимир БАБУРОВ,
художник,
скульптур,
член Союза
художников
России

За свою жизнь я поездил по России, видел много городов, но всякий раз убеждался, что более комфортного для души и жизни города, чем Хабаровск, не встречал. Не говоря уже о заграничье. Помню, когда я возвращался из Арабских Эмиратов и сошел в Москве с трапа самолета, хотелось упасть на землю и целовать ее. Везде в других местах, даже в таком исконно русском, как Псков, я чувствовал себя, словно в иной стране. А в Хабаровске, удивительном по архитектуре городе, я пророс корнями. Он живой город, мой, здесь прошли моя юность и детство. Работа моя тоже связана с городом. Памятник писателю Н. П. Задорнову — это мой седьмой проект, осуществленный в Хабаровске и крае. Должен сказать, что замахнуться на создание такого памятника — это надо иметь большую наглость и безоглядность. А вдруг бы не получилось. Это же позор навсегда. Талант — еще не все, талантливых художников много. А работать по 15 часов в сутки, не выходя из мастерской, месить глину и гипс, сомневаться, переделывать и довести свой замысел до конца не каждый осилит. Но когда в день открытия памятника сняли покрывало, и в это время впервые после дождливых дней выглянуло солнце, я по реакции собравшихся понял: получилось.

Людмила КОЗЛОВА,
искусствовед

Когда проходит какое-то время, вспоминается детство, проведенное в Хабаровске, и я думаю, что тогда мы были больше горожанами, чем сейчас. 50 — 60-е годы — это взрыв урбанизации, когда начинают застилать асфальтом улицы, которые никогда не застилали, когда появляются новостройки и город изменяется на глазах. Я очень хорошо помню, как ставили высоковольтные вышки, и в районе бывших Плюснинки и Чердымовки бегали дети с серебряными «змеями» из алюминиевой фольги, оставшейся от изоляции вышек. Я помню, как мама вела меня в районе Чердымовки, мы шли по маленькому деревянному мостику, и я уронила куклу, наряженную цыганкой. А навстречу шла толпа настоящих цыган — ярко одетых, веселых. И все это было как-то очень празднично и красиво.

Чуть позже в Хабаровске появились первые пятиэтажки, и мы впервые узнали слово «хрущевка». И все мы так радовались, чувствуя себя соучастниками событий. Но это была такая городская активная строительная жизнь, а рядом с ней протекала еще жизнь вечерняя, размеренная, которую сегодня мы, горожане, практически не имеем. Летом нас, детей, водили на прогулку в парк. Причем парк ПКИО был более семейным и любимым, чем, скажем, ОДОСА. И главным местом, где протекала семейная жизнь города, считался пятачок возле утеса. Там располагалась эстрада — «ракушка» с рядами скамеек. Здесь показывали кино, с концертами выступали артисты и коллективы. И это был какой-то ритуал: несмотря на комаров все собирались и смотрели фильм или концерт. А потом все это обсуждалось, люди делились впечатлениями. И была в этом какая-то благодать, патриархальность, всегда свойственная Хабаровску. И когда сегодня читаешь старые газеты, то понимаешь, что в основе хабаровского стиля жизни лежала та патриархальность, которой не было в других городах Дальнего Востока. И даже в 50—60 годы это еще сохранялось, но сегодня, к сожалению, исчезло.

Сегодня вообще все другое. Хабаровск стал больше городом не для жизни, а для приезжих, туристов. Да, нам можно многим похвалиться, но уютно ли в городе самим горожанам, старикам, детям? Город существует как бы сам по себе, а его жители — сами по себе. Но красивые места, которые в последнее время возникают в Хабаровске, например, Соборная площадь, новый храм, дают надежду на возрождение старых традиций. Они были у Хабаровска, и если не ушли сегодня, то очень-очень размыты. Эти традиции необходимо собрать, чтобы наш город обрел свое лицо.

В ДАР ХАБАРОВЦАМ - от краеведа Жукова

Елена ГЛЕБОВА

Генеалогия, собирая по крупицам и отслеживая отдельные судьбы, складывает их воедино. И потому история не воспринимается как сухой и безжизненный предмет. Она на самом деле наполнена дыханием времени, пульсом тех людей, кто жил и десятилетия, и столетия назад. И чем ближе эта история конкретно к каждому из нас, тем ярче картины прошлого.

Российская ассоциация генеалогии расположена в Перми. Сюда, в головной центр, стекается информация со всех регионов страны. На Дальнем Востоке до недавнего времени генеалогического центра не было. Однако несколько лет назад во Владивостоке при краеведческом музее им. В.К. Арсеньева создано общество «Родовед». Оно объединило исследователей-энтузиастов, многие из которых всю свою жизнь посвятили изучению Дальнего Востока с точки зрения генеалогии. Самый яркий из них — Владимир Павлович Хохлов, живущий в поселке Кавалерово Приморского края. Это имя знакомо, пожалуй, всем краеведам нашего региона. Или Борис Дьяченко — автор книг и многочисленных публикаций по истории Владивостока, а также о знаменитых родах Янковских, Бринер.

В общество «Родовед» входит и хабаровский краевед Анатолий Михайлович Жуков. Он из тех энтузиастов-одиночек, кто, не жалея времени и сил, пишет свою «книгу памяти» о Хабаровском крае. В ней забытые или вовсе неизвестные имена, краеведческие исследования, которые Жуков порой ведет на протяжении многих лет, возвращаясь снова и снова к заданной теме, пополняя ее новыми открытиями. В госархив Хабаровского края нередко приходят запросы по генеалогии. И если это касается дореволюционного Хабаровска, как правило, их переадресовывают Анатолию Михайловичу Жукову. Потому что в его личной картотеке десятки тысяч биографий.

— Цель моей жизни, мой конек — генеалогия хабаровских жителей, — **рассказывает Анатолий Михайлович.** — Вот совсем недавно на меня вышли дворяне Волковинские. Когда-то они были известными в Хабаровске домовладельцами, и до сих пор сохранилось несколько их домов: кинотеатр «Совкино», геологоуправление по улице Льва Толстого, баклаборатория по улице Запарина.

А вот сейчас я вышел на одного из первых гражданских жителей Хабаровска — Немазанникова. Его родственники до сих пор живут в нашем городе, но до недавнего времени они и не подозревали, чьими потомками являются.

— А какой период в истории Хабаровска Вам наиболее интересен?

— Пожалуй, начало 10-х годов XX века — жизнь перед Великой войной, как называли прежде Первую мировую. Хабаровск к этому времени уже был развит и в экономическом, и в культурном отношении. Появилось множество средств массовой информации, велось интенсивное строительство, возводились каменные здания. Именно в эти годы формировались всевозможные общества изучения Амурского края, театральные, военно-экономические и т.д., и часть моей картотеки посвящена этому срезу истории.

— Анатолий Михайлович, Вы всю жизнь занимаетесь генеалогией, открыли для нас множество интересных судеб, имен. И уж наверняка свое родословное древо знаете «от» и «до».

— Свою родословную я знал еще в детстве, расспрашивал маму и бабушку. Женская линия моей семьи идет из западной Белоруссии — Виленская губерния. В 20-е годы она отойдет к Польше. Мужская линия — это военнослужащие из Забайкалья (район Нерчинска). Сюда они были призваны из Пензенской губернии, здесь же их перевели в казачье сословие. Продвигаясь по службе, мои предки по мужской линии попали в Приамурье: сначала в Забайкальское казачье войско, потом в Амурское и Уссурийское. Осели они в станице Киселевской (район нынешнего Комсомольска-на-Амуре) и до революции жили там. Потом, когда корни разделились и рассыпались по всему Амuru, часть родственников переехала в Николаевск-на-Амуре, где я и родился. Наша фамилия Жуковы — по фамилии деда. Большинство моих дедов воевали на стороне белогвардейцев. Один только Михаил в годы Гражданской войны был в Красной армии.

— Увлечение историей, ставшее, по сути, смыслом жизни, это особый дар. Был ли среди Ваших предков кто-то, от кого этот дар, быть может, и перешел к Вам?

— Да, это Дмитрий Иванович Жуков — брат моего родного деда. Он был известным хирургом, заведовал больницей в деревне Прямухино под Торжком Калининской области. В годы юные я с ним переписывался. В своих письмах он буквально засыпал меня вопросами: как живется на Дальнем Востоке, какие здесь люди? Дмитрий Иванович многое рассказывал о моей родословной. Это от него я узнал о своих двоюродных дедах, об

их участия в Великой Отечественной войне.

Конечно же, я знаю и биографии, и характеры многих своих родственников. Недавно вышел в свет четвертый том маркеролога, который издается ФСБ Хабаровского края. Там есть имя моей родной бабушки — Екатерины Григорьевны Жуковой. По сути она меня и воспитывала, приучила к литературе, истории. Много рассказывала о казачьем поселении в Хабаровском крае. А еще я помню раннее детство, когда мы с матерью приезжали в Хабаровск и спускались в «овраг смерти». Тогда памятник партизанам еще строился. По левому склону за штакетником были могилы, и мама приносила туда цветы

— в память о погибшем деду Михаиле.

— В нашей истории много печального и горького. Занимаясь генеалогией, Вы неизбежно сталкиваетесь с разрушенными судьбами. Сострадаете ли Вы героям своих исследований или же поднимаетесь над эмоциями?

— Конечно, человеческое горе отбросить нелегко, тем более что последствия коммунистической идеи отразились и на моей семье. И все же генеалогия такое увлекательное дело, которое постепенно становится образом жизни. Я получаю письма из Южной Америки от потомков баронов Корф, потомков Дзюль — друзей Арсеньева. Мне присылают уникальные фотографии, документы или их копии. К примеру, одна женщина подарила мне подлинники официальных бумаг об окончании харбинских учебных заведений.

— За эти годы Вами собран солидный архив, а как планируете распорядиться им в дальнейшем?

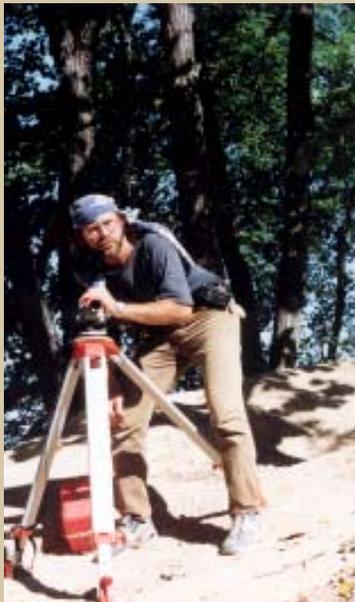
— Два года назад я написал завещание о том, что в случае моей смерти все собранные мной материалы должны быть переданы в Государственный архив Хабаровского края. Выбор этот не случаен. Архив — место доступное. Пожалуйста, приходите, заказы-

вайте материалы, изучайте!

— Анатолий Михайлович, а как бы Вы описали родословное древо Хабаровска, используя обобщенные образы?

— Я бы сказал, что по окраске оно одновременно и яркое, и нейтральное. Хабаровцы мало занимались политикой, даже побаивались ее. Больше надеялись на себя, на свое подворье. Ведь первыми людьми Хабаровска были не переселенцы, а уходящие в отставку солдаты линейных батальонов. Они оставались здесь, обзаводились семьями, получали возможность строить дома, жить отдельно. Благо, леса тогда было много. Во второй половине 80-х годов девятнадцатого столетия пошла волна переселенцев. К нам ехали со всей России, и древо Хабаровска приобрело яркую окраску. А вообще на сегодняшний день осталось не менее 500 потомков семей дореволюционного Хабаровска. И цель моей работы заключается в том, чтобы современные хабаровцы побольше узнали о своей истории.

Владимир ИВАНОВ,
старший научный
сотрудник
Хабаровского музея
археологии
Фото автора

**Краеведы со стажем
помнят, что академик
Алексей Павлович
Окладников любил
проводить историчес-
кие параллели и
сравнивал дальневос-
точные города со
знаменитыми центра-
ми античного време-
ни. Так, по его словам,
Благовещенск по
рельефу напоминает
Неаполь, а Хабаровск
похож на Рим. «И
вообще, — добавлял
ученый, — Хабаровск
— это место, где люди
селились и тысячу, и
десять тысяч лет
назад».**

ДРЕВНЕЕ ГОРОДИЩЕ С ХОЛМАМИ «ВЕЧНОГО» РИМА

Но вот когда в здешних местах и где именно появились первые городища, археологи пока затрудняются ответить. В средневековых письменных источниках упоминается городище, которое предположительно существовало в районе между нынешними селами Корсаково и Казакевичево. Всего же таких укрепленных поселений, датируемых VIII — XIII веками, в Хабаровском крае обнаружено около двух десятков. Самые крупные — Хорское, Болоньское, Кондратьевское. В те времена наш край был менее заселен, чем территории соседних Амурской области и Приморья, где найдены следы огромных городищ. И все же, учитывая важное географическое положение той же Амурской протоки вблизи Хабаровска или предгорий Хехцира, можно предположить, что и тысячу лет назад здесь были сторожевые посты и укрепленные земляными валами селения, жители которых зорко стерегли свои племенные угодья. Конечно же, найти такое городище хотел бы любой археолог, а хабаровский — тем более.

И вот наконец, как считает кандидат исторических наук Игорь Шевкомуд, недалеко от Хабаровска обнаружены следы средневекового городища, причем внушительного по площади, с сотней западин от жилищ и общественных построек, земляными валами и бастионом. Сообщить об этом сотрудники Хабаровского музея археологии могли еще осенью 2001 года, когда были обнаружены первые ямы-западины, но решили не торопиться, дождаться, пока опадет листва, и на склонах сопки проступят смутные очертания древнего городища, и можно будет приступить к топографическим исследованиям.

Так, по снегу, и отправились археологи в пригородную тайгу, «в гости» к далеким и воинственным предкам нынешних тунгусоязычных народностей, чтобы, стоя на поросших лесом земляных валах, пылливо взглянуть в заснеженные дали, откуда веками в наш край с юго-запада пытались проникнуть вражеские отряды и куда сами амурские воины совершали боевые походы.

Разведка на местности дала обнадеживающие результаты. По предварительной оценке, городище, располагавшееся на террасах склона у Амурской протоки, занимало площадь свыше 75 тысяч квадратных метров. Существовало оно в период раннего Средневековья, а поскольку невдалеке, на Большом Уссурийском острове, находится уже исследованный археологами Корсаковский могильник, то и само городище называли Корсаковским.

Вообще этот район представляет большой интерес для археологов. Уже несколько сезонов здесь работают экспедиции, возглавляемые заведующим отделом полевых исследований Хабаровского музея археологии Игорем Шевкомудом. Прошлым летом проводилось исследование нескольких разновременных памятников, когда археологи поочередно «побывали» в Средневековье, раннем железном веке и неолите, сделали множество интересных находок. А старший научный сотрудник музея Максим Горшков во время экспедиции обнаружил в стороне от намеченных для обследования участков какие-то едва заметные углубления. Так археологи и наткнулись на древнее городище.

Впрочем, у некоторых хабаровских исследователей имеются возражения на этот счет. В частности, кандидаты исторических наук Владимир Краминцев и Вячеслав Копытько, приглашенные в качестве консультантов на этот археологический памятник, отметили отсутствие оборонительных земляных валов с тыла поселения, а такой просчет древних «градостроителей», на их взгляд, вряд ли возможен, да и датировка ям-западин нуждается в уточнении. К тому же уже в XX веке дороги, проложенные по склонам сопки, и ямы под фундаментами в некоторых местах могли изменить рельеф участка. И все же территория, поросшая лесом, остается большей частью нетронутой, и нужно быть опытным поисковиком, чтобы в обычных с виду холмистых складках и буераках увидеть контуры исчезнувшего городища.

Конечно, сомнения для археологов — дело привычное. И полемизируя с коллегами по поводу того или иного археологического памятника, трактуя его по-своему, исследователи порой совершают еще более удивительные открытия.

Пока же обрабатываются данные предварительной разведки. Уже обозначены на карте улицы с сотней западин на месте жилищ, а также возвышенные прямоугольные площадки, использовавшиеся некогда под общественные и культовые сооружения. По мнению И. Шевкомуда, это поселение было не только сторожевым и оборонительным, но и имело элементы городской структуры. В предстоящих полевых сезонах здесь будут проведены разведочные раскопки, завершено картирование, а сам археологический памятник поставят под охрану государства.

Так что корни Хабаровска, без всякого преувеличения, уходят в глубокую древность. И сравнение А. П. Окладникова крутых хабаровских улиц с холмами «вечного» Рима не столь уж далеко от истины.

АБОРИГЕННАЯ ИСТОРИЯ

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
главный хранитель Хабаровского
краевого краеведческого музея им.
Н. И. Гродекова,
кандидат исторических наук

В 2002-м Хабаровску исполняется 144 года. Историки ведут летопись города с высадки на амурский берег у подножия утеса солдат 13-го линейного батальона под командованием капитана Дьяченко. Однако территория, на которой сегодня раскинулся Хабаровск, 144 года тому назад отнюдь не представляла собой безлюдное пространство из воды и земли. Задолго до прихода русских она была хозяйственно и духовно освоена коренным этносом здешних мест — нанайцами.

Хабаровск. Типы гольдов.
Открытка. Издатель Д.П.Ефимов (ХКМ)

В прошлом, когда нанайцы ехали в Хабаровск, они говорили, что отправились в Бури. Старшее и иногда среднее поколение нанайцев называют так Хабаровск до сих пор.

Во время сплава по Амуру в 1855 году российский натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока Р.К. Маак посетил стойбище, расположенное ниже выступа Быри. Он и участники экспедиции остановились на дневку в трех верстах ниже этого выступа. В стойбище Р.К. Маак увидел временные летние жилища, а значит оно было обитаемо только в период летне-осенней заготовки рыбы, и то не всегда.

Р.К. Маак писал: «...береговой скат подступает почти к самой реке и представляет несколько обнажений; первое из них называется Быри, и у подножья его расположено небольшое селение. Вся масса воды главного русла Амура напирает на скалистый выступ Быри, и вследствие этого у подножия его образуется водоворот». Береговой скат зарос хвойным лесом. Нанайское селение Быри состояло из трех летних жилищ «под тенью ивовых кустов». 17 июля 1855 г. в этом нанайском стойбище текла обычная жизнь: «Мужчины ездили утром на рыбную ловлю; в их лодках лежала еще живая рыба, а большие осетры были пущены в воду на веревках, продетых сквозь рот и жаберное отверстие; вследствие этого удачного полова все женщины были заняты приготовлением рыбы для сушки; они особенно тщательно вырезывали кривыми ножичками вязигу и отчищали от нее мясо щеточками, сделанными из тростника; большие связки уже приготовленной вязиги висели возле летников; но надо заметить, что эти запасы были сделаны

не для продовольствия самих жителей, а на продажу, так как вязига составляет для них самый выгодный предмет торговли, потому что ее охотно покупают манджурские купцы; она продается на вес и, как известно, занимает важное место в китайской кухне и принадлежит у китайцев к самым любимым яствам». У жителей стойбища Р.К. Маак купил несколько черепах, пойманных ими в водовороте возле выступа Быри, где их водилось очень много.

Р.К. Маак несколько неправильно записал национальное название утеса и стойбища. Нанайцы называли стойбище ниже Хабаровского утеса Бури. Оно стояло при впадении в Амур реки Хэдиэ Бури — Нижняя Бури, переименованная русскими в Чердымовку (также Чардымовка. — *Прим. ред.*), а позднее спрятанная под Амурским бульваром. Реку, вливавшую свои воды в Амур выше Хабаровского утеса, нанайцы называли Верхней Бури — Солиа Бури. Во второй половине XIX века она стала Плюснинкой, а в 60-е исчезла под Уссурийским бульваром.

Китайцы называли Хабаровск Боли. Это китайское название, без сомнения, является производным от нанайского слова «бури». В переводе с нанайского и ульчского языков бури — это «лук, лучок самострела». Красивый изгиб Амура у Хабаровска действительно напоминает форму лука. У уссурийских и верхнеамурских нанайцев названия Хабаровска и «лучка для стрельбы» звучало как бэри. Возможно, именно отсюда у Р.К. Маака появилось слово Быри. Ведь его проводник был из амурских эвенков, хорошо понимавших эти нанайские наречия.

В середине XIX века недалеко от стойбища Бури на спе-

Нино Э. Хабаровск. Бег на лыжах гольдов и гилияков в 1894 году. Фотография (ХКМ)

циальном дереве висели черепа медведей. Они были низаны на ствол через скуловые дуги и имели большие дыры, пробитые в правой или левой теменной кости. Дерево с медвежьими черепами было материальным проявлением веры нанайцев в духа-хозяина гор и тайги. Российский академик Л.И. Шренк как зоолог заинтересовался черепами медведей на этом дереве и даже влез на него, «чтобы добыть наилучшие сохранившиеся экземпляры».

Представители каких нанайских родов жили в селении Бури? Из предания «Нанайские торговцы» мы узнаем о Вэлинэ Онинка — жителя Бури. У него была жена Дыфэнты и два сына: Сурги и Пугэ. Оба стали торговцами. Младший сын Пугэ (в другом источнике Фуга) учился в Хабаровской церковно-приходской школе, после крещения получил русское имя Сергей. В 1890-е годы он возглавлял торговое товарищество, состоявшее из 9 нанайцев, и управлял всеми делами компании. Пугэ Онинка хорошо владел русским, китайским, ороческим языками. Его личный капитал составлял около 15 тысяч рублей. Коренные жители территории между Уссури, Амуром и побережьем Татарского пролива получали товары в основном через товарищество Пугэ Онинка. Среди орочей побережья Татарского пролива С. Онинка торговал с 1887 года. Он субсидировал миссионерскую школу в Хабаровске, в июле 1898 года пожертвовал 100 рублей на покупку муки для крестьян-новоселов деревни Ильинка. В 1896 году Пугэ-Сергей ездил в Москву на коронацию Николая II в составе делегации приамурского генерал-губернаторства. Русская администрация ставила в пример этого нанайского торговца. Совсем другими глазами смотрели на него соплеменники. Согласно преданию «Нанайские торговцы» среди нанайцев и удэгейцев он был известен как самый большой обманщик. Кроме того, Пугэ много пил и пьяным убил своего племянника. Родовой суд якобы вынес решение убить Пугэ. Исполнителем был назначен Сурги. Старший брат выполнил решение суда на неком небольшом озере: «Заведя в озеро, Сурги убил своего младшего брата. Озеро куда не течет. Если озерко самое плохое, само для себя живет».

Символ города — Хабаровский утес — нанайцы называли *Хандако* — остановка. Ниже Хабаровского утеса, в тихой заводи, всегда останавливались нанайцы и совершали моление его духу-хозяину. Сюда специально приезжали верховские нанайцы *аккани*, здесь останавливались нанайцы других групп, шедшие на лодках в заветный маньчжурский город Сан-Син. С Хабаровским утесом нанайцы связывали свою прародительницу Мамелджи, жену

творца Хадау. Якобы когда-то давно они здесь жили.

Другое нанайское название Хабаровского утеса — *Мама хурээни* (Старухина гора). У нанайцев он был местом поклонения его хозяйке-шаманке, которая с помощью бубна давала жизнь людям. Легенду о Хабаровском утесе рассказал нанайский поэт А.А. Пассар. Раньше на утесе стояла большая фанза шаманки, которая исчезла, когда пришли русские. У шаманки был волшебный камень, в котором она держала свой бубен. Этот бубен все видел и все слышал. Старик — муж шаманки — при помощи кузнечных мехов раскалял камень так, что он делался красным, как солнце. Старуха колотушкой ударяла по камню — из него появлялся бубен. Все мэргэны (богатыри) после походов приходили к этому утесу на свет огня. Старуха вылечивала их своим волшебным бубном. Шаманы воспевали этот утес.

В 1855 году Р.К. Маак зафиксировал 10 летних и зимних поселений нанайцев на отрезке пути от впадения Уссури в Амур до современного национального села Сикачи-Алян. Можно предположить, что их было больше, ведь Р.К. Маак и его спутники продвигались вдоль правого берега Амура, а значит могли не заметить всех нанайских поселений на островах и левом берегу. Например, до прихода русских около поселка Корсаковского по реке Уссури было нанайское стойбище Беракан. Согласно легенде, записанной П. Протодьяконовым у уссурийских нанайцев, на острове против будущего села Воронежского стояло нанайское стойбище Хочен-Сусу. Там жили герой повествования Нэмнэ-Моракху, его отец, мать, две сестры и брат. Нэмнэ-Моракху был богатырем. Хэцхирскую гору он «в один день кругом обходил», охотился на Воронежском мысу, Мули-Хонко по-нанайски. В 1859 году российский ботаник К.И. Максимович наблюдал в районе Хабаровского утеса уже два нанайских стойбища: Сиза и Бури. Они располагались «в небольших котловинных долинах» правого каменистого берега Амура.

Через несколько лет после экспедиций К.И.Максимовича, Р.К. Маака, Л.И. Шренка еще один путешественник А. Мичи написал в книге о своем посещении Амура и Восточной Сибири пророческие слова: «Все селения (*нанайцев*. — *Т.М.*) расположены на лучших и удобнейших пунктах и в этом отношении могут служить образцами для будущих русских колоний». Так и случилось...

Строительство Хабаровска и хозяйственное освоение его окрестностей крестьянами вынуждало нанайцев переселяться все дальше и дальше от города. В.К. Арсеньев писал, что водворение русских крестьян на какой-либо тер-

Хабаровск. Езда на собаках по Амуру (зимой).
Открытка. Издатель Н.В. Гутман. (ЖКМ)

ритории распугивало таежных животных, а значит исчезали благоприятные условия для охоты, начинались столкновения из-за рыболовных участков. Кроме того, вырубка леса и вспашка земли воспринималось нанайцами как кощунство, осквернение тайги. О масштабах оскудения фауны в конце XIX века в окрестностях Хабаровска говорят следующие строки из отчета Хабаровского общества любителей охоты за 1898 год: «...из ближайших гольдских селений только изредка привозят теперь одну-две козы, охотничьи команды убьют несколько штук, члены общества — 3, 4 козы за целый год, тогда как еще несколько лет тому назад здесь осенью и весной был ход козы; во время весеннего половодья немало ловили их плывущими близ самого города, и во многих лесных островах они бродили табунами, протаптывая глубокие тропы по мхам через мари».

Утратив промысловые угодья, нанайцы и удэгейцы получили возможность продавать свою рыбную и таежную продукцию жителям. Хабаровчане быстро привыкли к тому, что на улицах города можно было в сезон купить любые ягоды. Поэтому летом 1898 года они были встревожены: «Несмотря на конец июля на рынке и в городе не замечается обилия ягод. Говорят, что высокая вода убила ягоду и теперь по улицам города изредка можно увидеть гольдов (нанайцев. — Т.М.), продающих в ведрах и туесках голубицу; ни малины, ни кислицы, ни смородины, ни других ягод в продаже не видно». В неурожайном 1899 году стоимость ведра голубицы и красной смородины доходила до 1 руб. 20 коп. и даже 1 руб. 50 копеек. Курурмийские нанайцы в конце XIX в. приезжали в Хабаровск на 3 — 4 дня для продажи своей добычи и покупки «нужного по хозяйству». Так, «в большом количестве» они снабжали городских жителей птицей. «Нередко приходилось видеть гольдов в городе совершенно увешанных одними почти клохтунами, — писала в апреле 1899 года хабаровская газета «Приамурские ведомости». — Клохтун — самая вкусная утка в крае, следовательно, любители хорошо покушать, по случаю хорошего лета этих птиц, будут на Пасхе в изобилии иметь за своим столом вкусную дичь». Нанайские семьи, имевшие лошадей, везли в город сено, которое они накашивали летом «в большом количестве». Нанайцы окрестностей Хабаровска доставляли в город сазанов и рыбу других пород, но особенно сигов.

В начале XX века крупными поставщиками рыбы, дров, мехов и т.п. в Хабаровск были некоторые жители Сикачи-

Аляна. Например, нанец Гаврила ежегодно засаливал 5— 6 бочек кеты и несколько бочонков кетовой икры, которые продавал содержателям лавок на хабаровском базаре. Удэгейцы привозили на продажу в Хабаровск пушной товар и панты.

С основания Хабаровска нанайцы, удэгейцы и даже ульчи ездили сюда за продуктами. Например, в 1894 году солдаты первого батальона Восточно-Сибирской бригады встретили 40 удэгейских батов, поднимающихся вверх по реке Кие с продуктами, закупленными удэгейцами в Хабаровске.

Иногда нанайцы из окрестностей Хабаровска приезжали венчаться в Успенский собор. Отец Н.Ф. Бельды ездил в Хабаровск «крестить» детей (но их с собой не брал) в китайской кумирне. Однажды привез оттуда большое *мио* — своеобразную икону из красной ткани, на котором была нарисована вся семья.

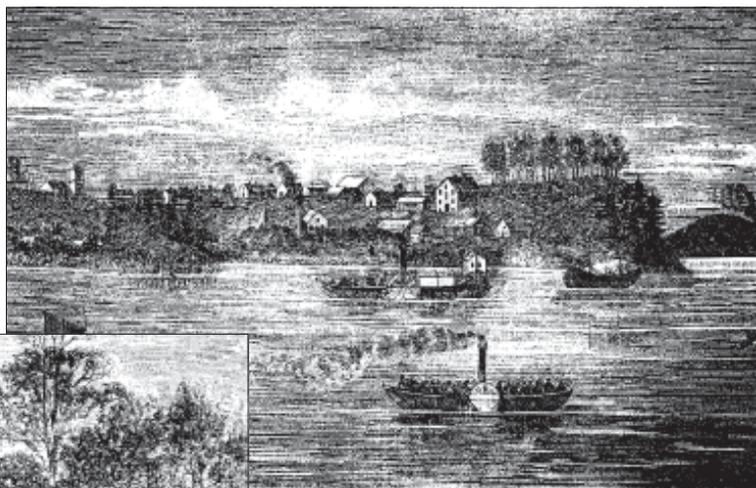
Амурские аборигены были привлечены к участию в Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставке, проходившей в Хабаровске в 1899 году. Некоторые из них удостоены наград. Так, серебряными кубками были награждены Анна Беженка (*скорее всего, Бисянка. — Т.М.*), «жена инородца» из Императорской гавани, за выделанную кожу сазана, нивх Палтакэ из селения Ферма близ города Николаевска-на-Амуре «за выделанные кожи рыбы». На выставке 1913 года был поставлен настоящий эвенкийский чум, в котором жила семья эвенков.

На рубеже XIX — XX веков аборигены были активными участниками различных городских мероприятий развлекательного и спортивного характера. Наблюдатель заметил одного нанайца даже среди первых посетителей дешевой столовой, открытой в Хабаровске 30 мая 1899 года.

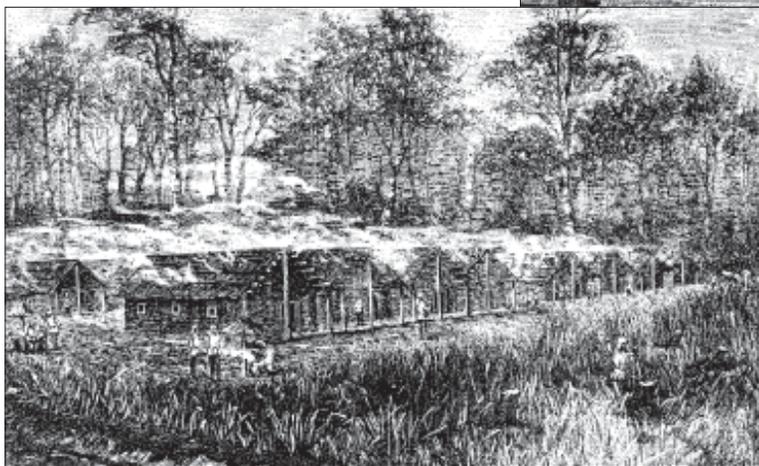
Несколькими днями раньше (25 мая 1899 года) в Хабаровске состоялось «первое народное призовое состязание в стрельбе пулею». В нем приняли участие 13 человек, 9 из которых были нанайцы и удэгейцы. Результаты оказались ошеломляющими. Великолепные охотники и следопыты выступили очень плохо: «до 75 % стрелявших не попали ни одной пулей, остальные дали от 20 до 60 % попаданий». Как нам кажется, такая низкая результативность была обусловлена необычными для таежников мишенями и обстановкой.

С легкой руки Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского в дни Масленицы на льду Амура происходили катания на нартах, запряженных собаками. Нанайцы катили с ветерком всех желающих, что и запечатлел на одной из своих открыток хабаровский издатель Н.В. Гутман.

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА ВЕНЮКОВА

Вид Хабаровски с Амура. Гравюра XIX века

Лагерь 13-го линейного батальона на месте будущего Хабаровска

военных постов при непосредственном участии М. Венюкова.

Граница могла пройти вдоль Китайской стены

Вернувшись в Петербург, Венюков обрабатывал результаты экспедиции, вычерчивал карты и схемы маршрутов. Доклаживал высокому начальству об отношениях с маньчжурским Китаем. Молодой поручик был зорек и наблюдателен, как истинный разведчик. На берега Амура он вернулся весной 1858 года. Опять под началом графа Муравьева. Готовилось очень важное событие — заключение мирного договора с Китаем. Сейчас мало кто знает, что присоединение дальневосточных земель прошло на удивление бескровно. Выполняя указ императора — «чтобы на берегах Амура не было слышно грома пушек», — российские военные, от солдата до генерала, вели себя сдержанно и достойно.

На Западе, в Англии, уже поспешили выпустить карту, где граница между Россией и южным соседом проходила чуть ли не вдоль Великой Китайской стены и заканчивалась у Желтого моря. М. И. Венюков с неподражаемым юмором вспоминал, что во время Айгунских переговоров китайские представители были уверены, что все так и будет. Они униженно умоляли Н. Н. Муравьева не быть слишком требовательным. Даже плакали, «уверяя, что не смеют передать предъявленных нами требований своему послу из опасения, что он велит вздуть их бамбуками. А самому послу якобы грозила петля».

Когда договор подписали, радости

Владимир ВАСИЛИНЕНКО

Кто же отец-основатель Хабаровки?

Давно минули те времена, когда многие хабаровчане наивно полагали, что их родной город заложен самим Ерофеем Хабаровым. Теперь каждый житель знает — 31 мая 1858 года вблизи Амурского утеса высадились солдаты 13-го линейного батальона под командованием капитана Дьяченко. Ему и принадлежит слава основателя нынешней столицы Дальнего Востока. А по праву ли?

Безусловно, капитан Дьяченко был первым и самым ответственным начальником той далекой экспедиции, поскольку закладывался еще не город, а военный пост. И все-таки Дьяченко не являлся, если так можно выразиться, его отцом. Более того, он даже не планировал и не размечал на карте места закладки будущих казарм и домов. Этим занимался другой человек — военный топограф Михаил Иванович Венюков.

А началась эта история в апреле 1857 года. Двадцатилетний поручик Венюков прибыл из Петербурга в ставку генерал-губернатора Восточ-

ной Сибири и Дальнего Востока графа Муравьева. Намечалась грандиозная экспедиция по Амуру. Целью поездки было закрепление вновь открытых земель и закладка по берегам рек военных постов и населенных пунктов.

В конце мая 1857 года два паровых катера и целая флотилия лодок отправились по реке Шилке до места слияния ее с Аргунью. Там находился наш последний военный пост — Усть-Стрелочный караул. Далее начинался Амур. Смешно сказать, но среди высших сановников российского государства бытовало мнение, что Амур — река, не пригодная для судоходства. И вот Венюкову пришлось в утлой лодочке-душегубке плавать от одного берега к другому и производить промеры глубин. Зато он точно узнал, что перед ним — великая река.

В начале июня экспедиция прибыла к устью Зеи. По распоряжению графа Муравьева был заложен военный пост Усть-Зейский (будущий город Благовещенск). На протяжении лета 1857 года в верхнем течении Амура было заложено пятнадцать станиц и

китайцев не было предела. Глава делегации князь И Шань на приеме, следовавшем после подписания протокола, так упился шампанским, что разделся до нижнего белья. Чему граф Муравьев очень веселился...

Но теперь все земли по левому берегу Амура до его среднего течения, а также весь Уссурийский край, вплоть до реки Туманган и озера Ханка, оставались за Россией. А Венюков уже отправился вниз по могучей дальневосточной реке.

Китайский яд наших географов не берет

От поста Хабаровка неутомимый топограф в двух лодках с командой из шестнадцати человек завернул в русло реки Уссури. Перед ним была поставлена задача разведать земли по ее левобережью и найти кратчайший путь к недавно открытой гавани Владимир. Молодой, деятельный, смелый, он не боялся с группой малознакомых спутников под надзором маньчжурских шпионов пуститься в странствие по неизвестной земле. Маньчжуры постоянно забегали вперед и нагоняли страх в туземных стойбищах, запрещая гольдам общаться с русскими. Что же касалось отношения самих маньчжуров к коренному населению, то иначе чем варварским его не назовешь. Дважды в год они являлись в гольдские стойбища, жестоко избивали жителей и забирали подчистую всю пушнину. В селении Чуборки одна из гольдских семей, не выдержав унижительных притеснений, удавилась с отчаяния! Только одинокий старик, которому уже нечего было терять, согласился стать проводником русской экспедиции.

Добравшись до озера Ханка (по-гольдски Кенка), Венюков решил повернуть на северо-восток, дабы пересечь хребет Сихотэ-Алинь и добраться до побережья Японского моря, в бухту Владимир. Оставив часть экспедиции на реке Кубурхани (Кабарга), Михаил Иванович с командой в десять человек отправился в самое сердце горной страны.

Недостатка в проводниках теперь не было — гольды и орочи охотно показывали дорогу. Но в таежной глубинке часто встречались поселения беглых китайцев, а эти относились к русским весьма враждебно. В доме одного из них Венюкова упрямо угощали продуктами китайской кухни. Михаил Иванович не мог отказаться и потом пожалел. Отправившись в путь, он почувствовал сильную тошноту, шум в ушах и резь в желудке. Хорошо, что под рукой оказался рвотный порошок. Приняв его и выпив несколько ковшей воды, отважный путешественник почувствовал облегчение, но вынужден был опираться на руку казака. В последующие дни он с трудом

передвигался и временами ложился прямо на траву. В одну из таких остановок сзади послышался дикий шум. Их догоняла большая толпа китайцев. Они грозили убить проводника-ороча за то, что он показал русским дорогу. Китайцев удалось отогнать.

Через три недели экспедиция после труднейшего, сопряженного с невероятными препятствиями и опасностями перехода сквозь таежные дебри достигла берега моря. А ведь предстояло возвращаться назад, в пост Хабаровка!

Хехцир превратился в трясину

Благополучно завершив путешествие, Михаил Иванович составил карту и обстоятельный отчет. Он был первым русским исследователем, пересекшим Сихотэ-Алиньский хребет. Его зоркий пристальный взгляд, внимание ко многим деталям и, главное, доброжелательное отношение к местным жителям оказали неоценимую услугу будущим российским исследователям и администраторам. Правда, последних Венюков не слишком жаловал и временами едко подсмеивался над их тупостью и самоуправством. Чего стоит его рассказ о губернаторе Оффенберге, которому предложили перебраться из Благовещенска в Хабаровку (куда было намечено перенести центр управления краем). Но Оффенбергу не хотелось бросать насиженное гнездо и отдаляться от богатого и влиятельного тестя, который жил в Иркутске. Он отправил письмо в Петербург, где утверждал, что Хабаровка «лежит на болоте». К сему прилагалась карта, на которой хребет Хехцир... превратился в трясину! И Михаил Иванович вполне по-современному возмущается: «Что такое дела государственных перед семейными нуждами некоторых особ?!»

Вернувшись из поездки на Дальний Восток, Михаил Иванович отправился в Среднюю Азию, где исследовал окрестности озера Иссык-Куль и реки Чу, потом служил на Кавказе и в Польше. Но дальневосточные впечатления не оставляли его. И как только представилась возможность вернуться в места своей славной молодости, Венюков, не колеблясь едет туда. Но едет тайно, под чужим именем. Ведь как-никак он разведчик, сотрудник Генерального штаба. Под видом русского купца, следующего на Сахалин, чтобы заняться торговлей углем, он садится на французский пароход, отплывающий в Иокогаму.

«Когда же русские солдаты будут заниматься чтением?»

А на самом деле Михаил Иванович должен собрать военно-стратегичес-

кие сведения о Японии и Китае. Внешняя политика России нуждалась в корректировке. Через Средиземное море, Суэцкий канал, Индийский, а потом Тихий океаны в начале мая 1868 года «русский купец» поплыл в далекую Японию.

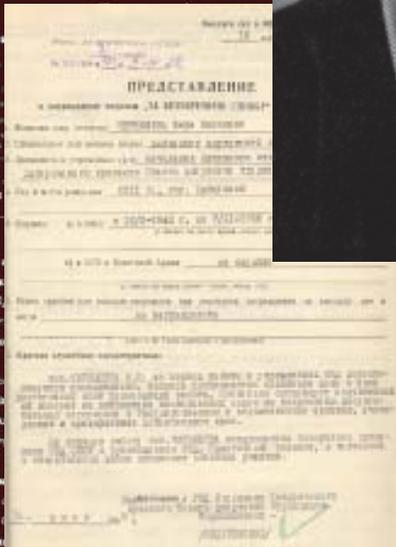
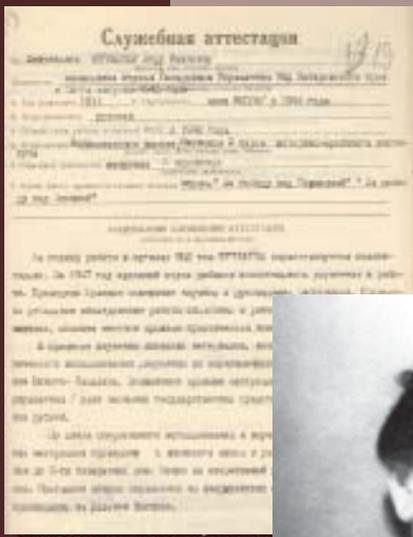
Там в это время произошла революция, свергнувшая власть феодалов-сегунов и приведшая к власти императора. Воспользовавшись ситуацией, Венюков смог узнать и разведать многое, вплоть до обучения и содержания солдат в японских казармах. Его несказанно удивило, что солдаты, свободные от службы, «не предавались азартным играм, спанью или выпивке, как у нас, а читали книги или просто беседовали». И тут Михаил Иванович восклицает: «Когда же русские солдаты будут заниматься чтением, а не битьем друг друга по носам картами, игрой в орлянку и курением вонючей махорки? Двадцать пять, пятьдесят или сто лет потребуются для такой перемены нравов?»

Досконально, насколько позволяли обстоятельства, изучив экономико-стратегические реалии Страны восходящего солнца, разведчик перебрался в Китай. Но здесь осуществить намеченное не удалось — помешали интриги в высших кругах российской бюрократии. О Венюкове попросту забыли.

Сотрудник ГРУ оказался диссидентом

Но тайная полиция (3-е отделение) не забывала о нем никогда. Дело в том, что на протяжении всей своей сознательной жизни сотрудник Генштаба переписывался с Герценом и сотрудничал в его знаменитом «Колоколе». Даже дослужившись до чина полковника. Свободолюбие было его отличительной чертой. А выйдя в отставку, будучи знаменитым в Европе ученым, Венюков навсегда покидает Россию. Путешествует по Америке и Африке. И никогда не забывает свое первое путешествие на восточный рубеж Отечества, где он вместе с Н. Н. Муравьевым-Амурским (тоже по иронии судьбы ставшим эмигрантом) стоял на скромном русском кладбище у истока Амура. И вот какие светлые, высокие чувства переполняли его: «Мы собрались с непокрытыми головами в одной небольшой пади или ложине, где стояло несколько крестов, прослушали унылую молитву и живо вспомнили, что здесь, на востоке Азии, все мы, живые и мертвые, правые и левые, красные и зеленые, — члены одной великой русской семьи. Что когда-нибудь история вспомнит о скромном кладбище и о тех, кто готовился лечь в могилу в том же далеком от родины краю. Утешением может быть одно — что этот край отныне можно считать несомненно русским».

Вера Ивановна (звание ей было присвоено на период пребывания в Маньчжурии), капитан Быков М.Ф., Стребкова М.Б. были командированы в города Харбин, Чаньчунь, Мукден, Порт-Артур для сбора исторических и оперативных материалов.

Поездка оказалась плодотворной. Все, что удалось собрать в Маньчжурии, а это ни много ни мало около трех тонн документов, книг, газет, журналов, отражающих историю русской эмиграции в Китае, поступило в Государственный архив Хабаровского края. Документы были описаны, из них сформировано более 1000 дел, сосредоточенных в десяти фондах. В 1998 — 1990 годах они были рассекречены и переведены на общее хранение. Сегодня это самые востребованные фонды.

Спустя сорок лет В.И. Чернышева в своих воспоминаниях, условно названных «Тени прошлого», написала о той поездке в Маньчжурию. Здесь можно встретить довольно известные фамилии представителей русской эмиграции: последнего генерал-губернатора Приамурского края Н.Л. Гондатти, известного ученого-геолога Э.Э. Анерта и многих других, с кем приходилось встречаться и разговаривать Чернышевой. Была у Веры Ивановны и встреча с походным атаманом казачьих войск Урала, генерал-лейтенантом Г.С. Семеновым. От него она узнала, что «основные документальные материалы ряда учреждений японской миссии и других организаций были вывезены разведкой в Приморье». Однако, что с этими документами случилось на самом деле, осталось неизвестным.

Воспоминания, запечатленные в «Тенях прошлого», как и вывезенные из Харбина документы, представляют несомненный интерес для историков, так как написаны человеком, побывавшим в том далеком от нас мире, и соприкоснувшимся с судьбами тех, кто покинул Родину. Встречи с ними произвели тогда на Чернышеву самые разные впечатления: с одними — приятные, с другими оставили чувство горечи и разочарования. Но это тема особого разговора.

Благодаря энергии и удивительным организаторским способностям Веры Ивановны, ее умению осуществлять все или почти все, что задумывалось, Госархив Хабаровского края, долгое время уютившийся в сырых подвальных помещениях, в 1958 году справил свое долгожданное новоселье в специально построенном для него здании по ул. Нагишкина, 4а (тогда Институтский переулок). Долгий и трудный путь ценнейших документальных богатств в свой замечательный дом, в котором им предстояло прописаться — саванчо, наконец-то был завершён.

В 1969 году В.И. Чернышева ушла на заслуженный отдых, но живую творческую связь с архивом не прерывала до конца своей жизни. Она продолжала писать книги о Хабаровске, выступала с лекциями. Для молодых архивистов она была мудрым наставником, умеющим передать свой профессиональный и жизненный опыт. Многолетний плодотворный труд Веры Ивановны высоко был оценен правительством, а активное участие в общественной жизни города, сохранении его истории отмечено многочисленными почетными грамотами и присвоением звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В.И. Чернышева прожила удивительно яркую жизнь. Личные документы Веры Ивановны, поступившие в архив на вечное хранение, — это результат ее кропотливого труда, вечного поиска и вдохновения. Добрый след ее дел сохранился в памяти хабаровчан, в нашей памяти. И как подтверждение тому — первые научные архивные чтения, носящие имя В.И. Чернышевой, которые впервые были организованы в марте 2001 года по инициативе Госархива Хабаровского края. Теперь они будут проходить каждые пять лет и собирать для серьезного разговора архивистов, общественность, краеведов, историков, всех, кому небезразлично наше прошлое и кого волнует наше будущее.

— перевести документы в Хабаровск. Убеждена, что таким человеком обязательно оказалась бы Вера Ивановна Чернышева, будь она в то время с нами. Ведь удалось же ей в 1945 году, сразу после окончания войны с Японией, вывезти документы из Маньчжурии, хотя добиться разрешения на это было очень непросто. Она буквально засыпала начальника управления УНКВД по Хабаровскому краю генерал-лейтенанта Долгих рапортами следующего содержания: «В период интервенции на Дальнем Востоке в 1918 — 1922 годах и особенно в момент эвакуации японцев и белогвардейцев с территории Дальневосточного края значительная часть наших документальных материалов, имеющих как историческую, так и оперативную ценность, была вывезена за границу. В частности, только по официальному разрешению Министерства иностранных дел ДВР в 1920 году фирмы «Кунст и Альберс» и торговый дом «Чурин и К^о» вывезли несколько вагонов документов в Харбин... На основании вышеизложенного прошу вашей санкции на право выезда с какой-либо оперативной группой, командированной в Маньчжурию для сбора... документальных материалов, ранее вывезенных с территории края».

В свою очередь начальник управления в ответ на эти рапорты направлял шифрограммы в НКВД СССР. И после многократных запросов в Москву долгожданное разрешение все-таки было получено. Капитан Чернышева

1858 - 1926 гг.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Тамара КОСИЦЫНА,
главный археограф Госархива Хабаровского края

Этот материал собран В.И. Чернышевой. Многочисленные факты и события по истории города черпались из архивных документов, газет, журналов, книг, а также воспоминаний старожилов. Вот лишь небольшой перечень источников, которыми пользовалась Чернышева, составляя хронику Хабаровска: собрание узаконений Российской империи (1884 – 1888 гг.), газеты «Иркутские ведомости» (1858 г.), «Приамурские ведомости» (1896, 1909 гг.), «Приамурье» (1891 г.), «Русская старина» (1907 г.), журнал «Русское слово» (1859 г.), книги А. И. Барсукова «Граф Н. Н. Муравьев-Амурский» (М., 1891 г.), А.М. Бодиско «Из жизни Хабаровска», Р. Богданова «Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880 гг.» (Хабаровск, 1900 г.), материалы «Выставки Приамурского края» (Хабаровск, 1913 г.), «Сибирский торгово-промышленный календарь за 1910 год» и др.

Начинается хроника с события, зафиксированного в Указе Сената от **31 октября 1856 года**, в котором говорилось, что для усиления русского влияния на берегах Тихого океана была образована Приморская область с центром в Николаевском посту, созданном в 1850 году Г. И. Невельским. Военная и гражданская власть была сосредоточена в руках военного губернатора контр-адмирала П. В. Казакевича — сподвижника Невельского по Амурской экспедиции.

В январе 1858 года в Иркутске организована Амурская торговая компания с целью развития торговли и промышленности в Приамурском крае. Ее акционерами стали такие известные люди, как Г.И. Невельской, М. Волконский, В.С. Завойко, А.Ф. Миддендорф, Якунчиков. На берегу Амура, в районе Хабаровки, на средства компании были построены три больших дома под торговые и складские помещения. Спустя три года компания распалась, но некоторые ее члены развили частную деятельность в Приамурье. К примеру, Д.Е. Бенардаки, который в **1871 году** имел концессию на содержание срочного пароходного сообщения по Амуру.

В конце мая 1858 года (военный пост Хабаровка еще не создан) генерал-губернатор Н. Н. Муравьев-Амурский распорядился, чтобы с открытием навигации 1858 года всю корреспонденцию, адресованную в Приморскую область и из области, отправляли только по Амуру. Пересылка амурской корреспонденции через Аян и Удский округ прекратилась.

31 мая 1858 года солдаты 13-го Восточно-Сибирского линейного батальона под командованием капитана Якова Васильевича Дьяченко основали военный пост Хабаровку. По указанию Н. Н. Муравьева новым поселениям присваивались имена деятелей, связанных с освоением и изучением амурских земель. Пост Хабаровка был назван в честь русского землепроходца Е. П. Хабарова, который побывал на Амуре в XVII веке.

28 июня 1858 года граф Н. Н. Муравьев, возвращаясь с низовьев Амура из Мариинска, где присутствовал на освящении первого русского православного храма на берегах Амура, остановился в Хабаровке и пробыл здесь несколько дней.

В хронике В.И. Чернышевой отражен каждый год (за редким исключением), и в каждом из них — несколько важных событий. Например, прибытие в Приамурье **в 1859 году** лесоисследовательской экспедиции во главе с ученым-лесоводом А. Ф. Будищевым. В составе экспедиции был топограф Любенский, впоследствии автор первого плана Хабаровки. Сам Будищев жил на Амуре до **1868 года**. **В 1866 году** по собственной инициативе он собрал семена растений Приамурского края и передал их Ботаническому саду Московского университета. Похоронен А.Ф. Будищев в станице Казакевичево.

Военное Собрание

Китайская моельня

Николаевская публичная библиотека

Общий вид города (на среднюю гору)

Дом Городской Управы (Дума)

В 1859 году на Амуре появился первый частный пароход «Адмирал Казакевич». **В 1860 году** по Амуре ходило уже пять пароходов. Один из них — «Генерал Казакевич» — совершал регулярные рейсы от Читы до Николаевска-на-Амуре. В Хабаровке была сооружена первая казенная пристань. Состояла она из трех барж: одна принимала пароходы, на двух других хранились складские грузы. **В 1870 году** на Амуре было уже 25 пароходов.

В декабре 1862 года закончено строительство первой линии телеграфа от Николаевска-на-Амуре до селения Михайловка, **в 1864 году** линия доведена до Де-Кастри и Хабаровки.

В 1864 году в Хабаровке создан сад Рафаилова, который позднее был преобразован в питомник. Он обеспечивал жителей саженцами и семенами. **В 1902 — 1903 годах** питомник с торгов купил А.М. Лукашов. В свободное от преподавательской работы время он занимался выведением новых сортов плодовых деревьев. В годы советской власти, по решению Далькрайисполкома (1934 г.), был создан плодово-ягодный питомник. Его первым директором стал Артемий Максимович Лукашов.

В 1866 году в Хабаровке впервые вырастили огородные культуры и озимую рожь. Озимой было посеяно 40 пудов, собрано 300, картофеля собрали 900 пудов, капусты — 800 вилков, свеклы — 180 пудов, моркови — 160 пудов, брюквы — 150 пудов, редиса — 200 пудов, репы — 140 пудов, гороха — 60 пудов.

В 1877 году в Хабаровке в устье речки Плюснинки появился первый официальный базар («нижний базар»), который просуществовал до 1960 года. А базар в районе речки Чердымовки (также Чердымовка. — Прим. ред.), недалеко от вокзала, появился только в 1912 году.

28 апреля 1880 года согласно указу Сената селение Хабаровка стало городом. Статья указа гласила: «Хабаровку возвести в степень города, открыть в ней окружное казначейство и организовать полицейское управление. Учредить должность особого военного губернатора Приморской области и командующего войсками ... и местопребыванием ему назначить Хабаровку, куда перевести из Николаевска штаб войск, областное правление и окружной суд области».

27 октября 1893 года по приказу Приамурского генерал-губернатора Сергея Михайловича Духовского город Хабаровка стал именоваться Хабаровском. Став административным центром, Хабаровск быстро превращался в чиновничий город. Рабочих и крестьян здесь было мало.

Город строился, и особенно интенсивно в центре. До настоящего времени сохранилось красивое здание из красного кирпича, построенное **в 1882 году** под областное управление и его службы (улица Шевченко). **В 1894 году** построено здание гарнизонного собрания (улица Шевченко), дошедшее до нас в реконструированном варианте. **В 1906 году** завершено строительство Хабаровской электростанции, и вскоре на улицах города появилось освещение. Сегодня в здании бывшей электростанции располагается Дальневосточная студия кинохроники. **В 1906 году** в Хабаровске вступил в строй городской водопровод. Он строился по проекту инженера Малиновского на берегу реки Уссури и давал первоначально 200 тысяч ведер в сутки, но уже к 1913 году мощность его была доведена до 34 млн. ведер.

В 1906 году в Хабаровске открылся первый книжный магазин при торговом доме М. Пьянкова.

Первая начальная школа появилась в Хабаровке **в 1873 году** (дата уточнена краеведом А. М. Жуковым. — Прим. ред.). Из Читы пригласили образованную учительницу Наталью Елизаровну Чернявскую. Она проработала в Хабаровске 25 лет и жила здесь до 1925 года, получая пожизненную пенсию.

В 1899 году для первой хабаровской Алексеевско-Николаевской школы построено каменное здание из красного кирпича на углу улицы Гоголя и нынешней площади им. Ленина. **До 1977 года** здесь размещалась средняя школа № 30, а **в 1978 году** здание было снесено.

В 1895 году в Хабаровске действовало 8 учебных заведений: приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса, созданная **в 1888 году**, техническое железнодорожное училище, открытое **в 1895 году**, городское 2-классное мужское училище, Алексеевское женское училище, приходское мужское училище, женская гимназия, церковно-приходская школа, частное рукодельно-ремесленной училище и детский сад (1894 г.).

Музей Приморского Отдела Императорского Географического общества

Триумфальная арка

В 1910 году в городе работало 17 школ, из них 7 — начальных, 7 — неполных средних, 3 — средних. В шести школах из семнадцати обучались дети привилегированного класса. В Хабаровске существовала практика получения стипендий. Так, в 1911 году, к 200-летию со дня рождения М.В. Ломоносова, городская дума учредила Ломоносовские стипендии хабаровскому реальному училищу (одну — 50 рублей), женской гимназии (одну — 70 рублей), Унтерберговской школе (пять стипендий по шесть рублей).

Несколько раз побывали в Хабаровске представители царской семьи Романовых. В 1873 году — Великий князь Алексей Александрович, в 1887 — Великий князь Александр Михайлович, 29 — 30 мая 1891 года — наследник русского престола Николай Александрович и т.д. Как правило, пребывание царских персон на Дальнем Востоке отмечалось важными событиями: открытием школ, библиотек, началом строительства Восточного участка Великой Сибирской железной дороги, пожертвованием значительных средств на развитие города.

В 1911 году на территории «нижнего рынка» на реке Плюснинке по инициативе общества содействия народному просвещению открыта дешевая столовая для беднейшего населения города. При столовой работала библиотека имени Л. Н. Толстого.

В апреле 1911 года в городе появился первый автомобиль системы «Ландолэ». Его владельцу, инженеру А. Г. Николаеву, пришлось просить у городской думы разрешение ездить по городу. Год спустя появился первый автомобиль общего пользования и три грузовых автомобиля на строительстве железной дороги.

31 мая 1912 года, в день рождения Хабаровска, губернатор Н. Л. Гондатти устроил прием, на котором присутствовали старожилы, прожившие в городе больше 20 лет. Фотограф запечатлел это событие, но, к сожалению, этой фотографии в фотофонде госархива нет.

В 1913 году состоялась Приамурская промышленная выставка, посвященная 300-летию Дома Романовых. Ее подготовка шла два года под руководством генерал-губернатора Н.Л. Гондатти. Открылась выставка 15 июня 1913 года на территории нынешнего стадиона «Динамо» и действовала более двух месяцев. В 61 павильоне были представлены экспонаты, характеризующие состояние хозяйства и культуры Приамурского края.

В 1913 году началось строительство Амурского моста. Он возводился в течение трех лет и восьми месяцев из местных материалов, кроме металлических ферм и частей. Завершилось строительство в 1916 году. В годы Гражданской войны мост частично был разрушен, но в марте 1925 года восстановлен.

События хроники Хабаровска за 1914 — 1917 годы в основном отражают военную тематику. В первых числах августа 1914 года получено известие о начале Первой мировой войны. 5 сентября 1914 года из Хабаровска на германский фронт отправлен 5-й Сибирский армейский корпус и несколько кораблей Амурской флотилии в разобранном виде на Балтику и Дунай. Из Хабаровска в Якутскую область высланы 26 германских и австрийских подданных. В городе открыты курсы сестер милосердия.

В октябре 1914 года (дата уточнена краеведом А.М. Жуковым. — Прим. ред.) в Хабаровск стали прибывать первые партии военнопленных. Их размещали в казармах по всему Хабаровску. К концу войны военнопленных насчитывалось более 20 тысяч. Среди них были болгары, немцы, финны, турки, армяне и др.

В хронике за 1917 — 1919 годы зафиксированы в основном политические события, связанные с Февральской буржуазной и Октябрьской пролетарской революциями: митинги, демонстрации, забастовки, съезды Советов, провозглашение Советской власти, начало Гражданской войны и интервенции.

Хроника за 1920 — 1922 годы — это события Гражданской войны. Создание Красной гвардии, образование фронтов, занятие Хабаровска белогвардейскими и иностранными войсками, борьба партизанских отрядов с белогвардейцами, создание Дальневосточной республики и Народно-революционной армии, освобождение Хабаровска 14 февраля 1922 года и окончание Гражданской войны.

15 апреля 1923 года состоялись первые выборы в Хабаровский городской совет. Его комиссия представила материалы по переименованию площадей и улиц города. Появились улицы имени Карла Маркса, Ленина, Троцкого и др. Во втором полугодии 1924 года из Читы в Хабаровск переехали дальневосточные краевые организации. Хабаровск вновь стал центром Дальнего Востока. В январе 1926 года образован Дальневосточный край с центром в Хабаровске.

Вид на реку Амур

Генерал-Губернаторский дом

Городской сад

Ольга ИВАНОВА,
ведущий методист Госархива
Хабаровского края

Архивные дела различных фондов интересны не только тем, что дают рельефное представление о личности человека, его жизни и окружении. Иногда старые документы, оказавшись в общей массе, попадают в архив благодаря случаю и спустя много лет становятся яркими штрихами истории. И подтверждением тому — письмо неизвестного мужчины из личного фонда хабаровского журналиста Галины Михайловны Рычковой. Нет сведений, каким образом письмо попало к ней. Имеется лишь краткая информация: «переписка найдена на чердаке дома Осколкова по ул. Истомина, он снесен в 1971 году. Находка 30-х годов — 40-х?». К сожалению, до нас дошло только одно письмо, хотя говорится о переписке, но и оно чрезвычайно интересно. На конверте — почтовый штемпель, проставленный 18 мая 1902 года, и адрес: «Хабаровск Приамурской области. Окружное интендантское управление. Его Высокоблагородию Ивану Герасимовичу Карпову. Для передачи Марианне Ивановой Карповой». Судя по всему, отец должен был передать письмо своей дочери.

И что же в этом письме, отправленном сто лет назад в Хабаровск, — город, который, как и само послание, тоже «родился» в мае? Мысли и чувства молодого офицера, который служит вдалеке (предположительно в Подмоскovie) и шлет слова любви своей невесте Марианне Карповой — Муруле. Родители извещены, сделано официальное предложение, и все же, все же... Все влюбленные остро чувствуют хрупкость и незащищенность своей любви. Не избежал этого и наш герой (автор письма) Сережа. Он, кажется, до конца не верит в то, что его счастье возможно, поэтому прислушивается (сердцем и душой тоже) к суждениям окружающих о «предмете своей страсти», как говорили в старину. Те, кто отзывается о ней хорошо, автоматически попадают в разряд его самых близких друзей, почти родных. Сам же он добивается перевода в Хабаровск, изливает на страницы письма целую бурю чувств... А вокруг бушует жизнь. В Подольской губернии бунтуют фабричные рабочие, и Сережин батальон могут послать на «усмирение»...

Как сложилась судьба наших влюбленных? Довелось ли им обвенчаться в одной из хабаровских церквей? Жили ли они в доме по улице Истомина? Об этом можно лишь догадываться. Но вчитайтесь в эти строки, прикоснитесь к чувствам, которым исполнилось сто лет и которые остаются бессмертными.

В ХАБАРОВСК,

С ЛЮБОВЬЮ,

ИЗ ПРОШЛОГО ВЕКА

Милая и дорогая Муруля!
Провел вчерашний и сегодняшний день очень скверно, да и вообще теперь на мою долю счастливых дней не выпадает.

Сегодня пошел в садик (полковой) послушать сплетен и между сплетнями услышал дорогие для меня отзывы о тебе, и, знаешь, кого? Наташи Ефремовой, но это, конечно, для меня не так дорого, как хороший добрый отзыв Людмилы Филипповны Алексеевой.

Я так обрадовался: она, по-моему, так хорошо тебя поняла, и так, знаешь, что я говорил с ней до 8 часов. Она говорит, чтобы я никакого внимания не обращал ни на время, ни на сплетни, и был бы покоен за тебя, что ты меня любишь, и почти невозможно предположить, что ты перестанешь меня любить. Вообще, говорила со мной, как мать.

Я и так был спокоен, а теперь совсем успокоился. Послезавтра сделаю ей визит (я еще у нее ни разу не был) и поговорю о тебе. Ты, моя дорогая голубочка, не можешь себе представить, какое удовольствие слышать хорошее от чужого про любимого человека. Я наслаждался каждым ее словом и не слышал слов мадам ..., однако она тебя, деточка, недолюбливает основательно, ну да черт с ней, а мадам Алексеева меня прямо-таки обворожила, я бы ее прямо расцеловал за отзывы о тебе. Непременно сделаю ей в воскресенье визит: она очень хорошая. Черт знает, что со мной сделалось: слова Наташи, над которой я смеялся всегда, теперь на меня произвели такое впечатление.

Сегодня ждал телеграммы от Ивана Герасимовича, но не получил. Меня надутил новый наш полковник написать дяде о моем переводе, дядя хорош с генералом Фроловым, который может сразу без докладов перевести меня в Хабаровск, с приездом мамы из Москвы напишу дяде, чтобы он замолвил за меня словечко в Главном штабе, и как мне раньше не пришло в голову это.

Как тоскливо, родная, мне одному — места не могу найти. И жду не дожусь, когда придет мама, чтобы ехать в отпуск. Сегодня заговоривал с командиром относительно разрешения жениться, он мне сказал, что если бы я переводился, он бы еще дал разрешение, а теперь, когда неизвестно, перевод он дать не может, потому что нужны бумаги и согласие родителей и твое. Реверс я бы ему представил. У мамы для нас уже приготовлены деньги.

Не знаю, родная моя, как это устроить, но думаю, что как-нибудь устрою. Нет, родная моя детуся, я, когда ною, никуда не гоюсь, теперь, например, это возвращение бумаг сразу, по-видимому, заставило вертеться и работать. В общем, чувствую себя хорошо, потому что осталась какая-нибудь неделя до поездки к тебе, а в эту неделю нужно все сделать. Немножко убивает меня телеграмма Ивана Герасимовича. Иногда думается, а вдруг он телеграфирует, что ты... Ну да что ерунду писать, сам, Муруля, этому не верю, только ты не сердись, да чего сердиться? Ну, Мурунчик, улыбнись этой ерунде, мне, наверное, в это время будет хорошо.

Вот поганые чернила: ужасно плохо пишут, а вот подлил воды, и начали писать лучше. Не хотелось бы тебе писать, чтобы не беспокоить, но буду верен слову, данному мною тебе: писать правду. В Подольской губернии взбунтовалось 8 фабрик сахарных, и 2-й батальон позавчера ушел их усмирять, на очереди теперь мой батальон. Только ты, детуся, не беспокойся: меня солдаты любят и всякое мое приказание исполняют. Как хорошо, родная детуся, когда мы будем вместе. Не умею, детуся, писать — не взыщи, ты уж сама догадайся, что мне хочется сказать про то время, когда мы будем вместе. Ну знаю ведь, что будет хорошо, а описать этого не умею. Фу, гадость какая, уже 3 часа, а в 6 нужно вставать, да теперь еще не заснешь: все буду думать о тебе.

Будь здорова, моя голубка, Христос с тобой. Расцелуй всех крепко-крепко. Я же тебя целую, как будто уже приехал в Хабаровск. Ну, детуся, спи спокойно, будь здорова, не забывай, не забывай горячо любящего тебя Сережу.

17 мая 1902

СТРОИТЕЛЬ ХАБАРОВСКА

-генерал Александров

Анатолий ЖУКОВ, краевед

Хабаровск, заложенный в 1858 году как военный пост генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым-Амурским, развивался как военное поселение. Это уже потом сюда начнут прибывать семьи военнослужащих, торговый люд, поселенцы. Первые пять лет самые необходимые постройки из местного леса возводили солдаты батальона капитана Дьяченко, затем строили склады и магазины Амурская торговая компания, прибывающие поселенцы, купечество. Заменявшая в 1863 году ушедший линейный батальон и значительно расширившаяся полевая команда, прибывший артиллерийский горный дивизион, 2-й стрелковый и 3-й батальоны потребовали увеличения строительства. В 1872 году из Николаевска была переведена Амурская инженерная дистанция, образованная там еще в 1868 году специально для возведения построек военного назначения. Силами этого подразделения в городе и возводились все военные и часть гражданских построек вплоть до конца 1921 года.

Одним из первых начальников Амурской инженерной дистанции в течение пятнадцати лет был замечательный человек, известный в свое время общественный деятель, оставивший значительный след в истории развития Хабаровского края, — генерал Николай Фомич Александров.

Он родился в 21 октября 1851 года в Орловской губернии в семье дворянина. Окончив классическую гимназию в Орле, Александров поступил в военно-чертежную школу, затем во 2-е Константиновское военное училище. Офицерскую службу начал в Варшавском гарнизоне в лейбгвардии в Литовском полку. После трехлетней службы в Санкт-Петербургской Военно-инженерной академии служил в Бессарабии (Молдавия) в крепости г. Бендеры, откуда в 1879 году в чине капитана был направлен в Восточно-Сибирский военный округ в селение Хабаровка на должность военного инженера Амурской инженерной дистанции. С 19 марта 1881 года день в день в течение пятнадцати лет он будет ее начальником. В 1880 году Хабаровка получит статус города, в 1884 году с образованием нового Приамурского военного округа и переводом в Хабаровку штаба войск округа из Николаевска объем работ дистанции значительно увеличится.

На главной улице новой столицы — Алексеевской (нынче Шевченко) — вновь образованного Приамурского генерал-губернаторства под руководством полковника Александрова будут возведены областное правление, дом генерал-губернатора. На Военной горе вырастут каменные казармы 3-го и 10-го линейных батальонов, военно-стрелковой школы, здание штаба округа. На главной площади в 1883 — 1886 годах будет возведен величественный Успенский собор. На Артиллерийской горе поднимутся украшающие город (причем до сих пор!) каменные постройки артиллерийского склада. А сколько было возведено зданий из дерева! По проекту Н.Ф. Александрова в 1891 году возведен пьедестал для памятника Н. Н. Муравьеву-Амурскому. Это он в 1895 году разработал проект здания для Ольгинского при-

юта (ныне детский дом № 1 по улице Ленина).

Генерала Александрова можно по праву назвать одним из основателей Приамурского отдела Императорского Географического общества. Со дня создания Географического общества в Хабаровске Александров был членом его учредительного комитета, затем членом совета, а с января 1902 года и его председателем.

В 1896 году Александров был произведен в генерал-майоры и получил назначение на должность помощника начальника инженеров Приамурского военного округа, став через два года начальником инженеров.

Во время боксерского восстания 1900 — 1901 годов он принимал участие в боях и походах в составе отряда генерала Грибского, где отличился при форсировании Амура у Благовещенска, командовал боевой частью. За эту кампанию Александров был награжден боевым орденом св. Станислава I степени «с мечами». В 1902 году получил звание генерал-лейтенанта.

Жил Николай Фомич с супругой Марией Алексеевной по улице Лисуновской в двухэтажном каменном доме военного инженера В. Г. Мооро. Здесь у супругов Александровых родилась дочь Анна. (В свое время автор этих строк много раз обращался к городским чиновникам с просьбой сохранить этот дом по улице Комсомольской, 73, однако в 1996 году его варварски разрушили, построив на освобожденном месте какую-то современную контору).

С началом боевых действий в Русско-японскую войну Александров будет на должности инспектора инженеров Маньчжурской армии, а затем — главным инспектором инженерной части при главнокомандующем сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. За эту войну генерал Александров получит ордена св. Владимира II степени, Анны I степени и Белого Орла, все «с мечами».

Осенью 1906 года Н.Ф. Александров навсегда покинет наш край, получив назначение на должность начальника инженеров Виленского военного округа. В 1909 году Александров будет отозван в главный штаб в Санкт-Петербург с поста коменданта Ковенской (Каунас) крепости помощником генерал-инспектора по инженерной части, где, получив звание полного генерала, будет утвержден в должности начальника Главного инженерного управления всех войск Российской империи. Вскоре также он будет объявлен почетным членом Николаевской инженерной академии.

В октябре 1915 года жители Хабаровского края были омрачены сообщением местной газеты «Приамурская жизнь»: «...бывший начальник инженеров Приамурского округа инженер-генерал Николай Фомич Александров умер 14 октября в Санкт-Петербурге...».

Память об этом неординарном человеке жива и сегодня. След ее и сейчас виден в зданиях штаба округа по улице Серышева, пьедестале памятника Муравьеву-Амурскому, зданиях музея Приамурского географического общества, детском доме. По сей день они являются яркими штрихами в архитектурной картине Хабаровска.

Та часть моего архива, где собраны сведения о судьбах жителей дореволюционного Хабаровска, в значительной степени обязана памяти старой хабаровки Веры Николаевны Бутынской. О ней и ее семье, в судьбе которой отражена история нашего города, и пойдет этот рассказ.

Анатолий ЖУКОВ,
краевед

Свою героиню я никогда не видел. Познакомился с ней в свое время через газету «Тихоокеанская звезда». Из далекого Львова она откликнулась на одну из газетных публикаций о расстрелянных на Амурском утесе музыкантах как свидетель той трагедии. С Верой Николаевной мы переписывались больше трех лет. Какая у нее была память! Где какой дом стоял, кто в нем жил и каковы их судьбы. Следуя алфавиту, я брал из своей картотеки карточки, переписывал фамилии и вскоре получал от Бутынской письмо с ответами на мои вопросы. Сорок ее аккуратно подшитых писем и составила единственную в своем роде книгу о старом Хабаровске.

Деда Веры Николаевны Игнатия Игнатьевича Бутынского сослали в Сибирь как польского повстанца, лишив дворянского звания и имущества. Его мать распродала поместье и, забрав дочь, поехала за сыном в Нарымский край Томской губернии, уже «обжитый» декабристами и народниками. Там и умерла. Отец Веры Николаевны, родившийся в Нарыме в декабре 1876 года, после смерти родителей стал служить приказчиком в торговой фирме купца Чурина в Иркутске. На его иждивении остались два младших брата и две сестры. В 1901 году Николай Игнатьевич с женой Ольгой Николаевной и детьми, Анатолием, Еленой и Сергеем, переезжает в Хабаровск в связи с переводом в местное отделение фирмы Чурина тоже в качестве магазинного приказчика.

Самая крупная русская торговая фирма Чурина в Восточной Сибири существовала с 1867 года. Ее отделение в Хабаровке открыто в 1882 году на главной Алексеевской улице. Здесь находилось пять больших домов, а вдоль улицы Тургеневской тянулось восемь цинковых пакагузов. Из нескольких жилых домов состоял целый квартал на месте нынешних зданий управления краевой администрации и кинотеатра «Гигант». В магазине Чурина преимущественно были товары иностранного производства, а если и российские, то лучших фирм: «Брокер, Катък, Эйнем, Сиу и К°», «Абрикосов с сыновьями» и другие. Эти фирмы были известны во всем мире. Отмечалась характерная вежливость и внимательность продавцов, жалоб на обсчеты не было, все служащие работали в атмосфере взаимного уважения.

Вера Николаевна Бутынская. 1925 г. Владивосток

Антон Васильевич Воличенко, Нина, Вера, Геня Бутынские. 1913 г. Хабаровск

ПОТОМКИ польского повстанца

Н. И. Бутынский. 1923 г.

Лея, сестра Веры Бутынской. 1926 г.

Паулина Бутынская

Долгое время у Бутыньских своего дома не было, они снимали квартиру у частников. Вера Николаевна, седьмой ребенок в семье, родилась 9 сентября 1906 года в доме Вердеревских на Лисуновской улице. До нее в Хабаровске родились Борис, Евгения и Константин.

Осенью 1914 года Вера в форменном сером платье, украшенном обязательным красным бантиком на груди (во втором классе уже полагался голубой), пошла учиться в первый класс Иннокентьевского женского училища (сегодня его здание находится на углу Уссурийского бульвара и улицы Тургенева, там, где институт горного дела). Окончила первый класс с наградой 2-й степени, а это похвальный лист (к 1-й степени добавлялась еще и книга),

получив из рук начальницы училища Даншиной в присутствии супруги генерал-губернатора Гондатти Маргариты Мечеславовны. На следующий год Вера поступила в старший приготовительный класс частной женской гимназии госпожи Олимпии Леонидовны Около-Кулак. Гимназия эта попросту называлась «зеленой» — по цвету форменных платьев учениц. Старшие классы Вера проходила в 1-й Министерской «коричневой» гимназии, которую окончила уже при новой власти как школу 2-й ступени № 2 имени Ленина.

С первых лет проживания в Хабаровске Николай Игнатьевич Бутынский проявлял себя как активный общественник. Он организует сельскохозяйственное товарищество-колонию «Дружба». Ут-

верждается и издается ее устав (в моем архиве есть эта брошюра). Н.И. Бутынский — член общества торговых предприятий, член городского Общественного Собрания. Слета 1912 года он заведует администрацией военного экономического общества (прообраз современного военторга), где наконец получает казенную квартиру.

Начавшаяся в августе 1914 года война сделала сиротами многих детей, и Бутынский организует для них городской приют. Он также состоит в комитете Сибирского общества для оказания помощи раненым воинам, является членом городской продовольственной комиссии, гласным городской Думы, уполномоченным от Союза городов Дальнего Востока, а после Февральской ре-

Хабаровская министерская гимназия. Е. Бутынская - стоит в первом ряду справа

Нина Николаевна, Елена Николаевна, Евгения Николаевна. 1973 г. Хабаровск

волюции входит в состав Комитета общественной безопасности (орган временной власти в городе).

Осенью 1919 года Бутынский назначен заведующим отделением фирмы Чурина в Хабаровске, сменив на этой должности переведенного в Харбин Топоркова и заняв после него служебную квартиру в доме фирмы на Алексеевской. Его переход на руководящую должность начался с организации столовой для служащих магазина, а также их культурного досуга. В выходные дни нанимались три-четыре лодки для семейных выездов на левый берег Амура.

При белой власти Бутынский — член комиссии по выборам в Областное Собрание, председатель местной Торгово-промышленной палаты. Незадолго до ухода из города красных, в День святого Николая Чудотворца (а этот святой считался покровителем фирмы Чурина), по устоявшейся традиции в Успенском соборе служили торжественный молебен. Этот день, 19 декабря, совпадал с днем рождения Николая Игнатьевича. Но в 1921-м, вспоминает Вера Николаевна, «...папа отменил молебен, так как время было тревожное, на город наступали белые, был объявлен комендантский час с 18.00. Днем у нас были гости, а вечером мы остались одни, сидели и пили чай. Вдруг приходит сторож и говорит, что в магазине пожар. Папа выскочил, и когда вернулся, мы увидели его поседевшим... весь белый. Сторож видел двух человек в ограде со стороны собора, слышал звон стекла. Пожар начался с галантерейного отдела, воды не было. Амур в тот год очень обмелел, напор воды в насосах очень слабый. Так магазин сгорел... Остались только склады из цинка... Ранним утром, когда все уже догорало, к калитке подошел Постышев, и с ним еще двое, и закричал: «Магазин поджег Бутынский, чтобы показать белым, что красные жгут город. Под расстрел захотел?! Мы еще раз-

беремся!». И ушел. Отец прятался до прихода войск генерала Молчанова».

В 1927 году на пепелище, с использованием оставшегося фундамента и части стен, было выстроено каменное здание магазина Чурина. Работала артель каменщиков-китайцев. На фасадной стенке была голова Меркурия — бога, покровительствующего торговле. Автор проекта здания — архитектор Б.А. Малиновский, а барельеф Меркурия вылеплен его супругой — скульптором-самоучкой Марией Дмитриевной. Магазин фирмы просуществовал в этом доме еще три года. Летом 2001 года в связи с реконструкцией Комсомольской площади этот дом по улице Шевченко, 14 был снесен.

В 1926 году семью Бутынских выселили из домов Чурина, и они купили собственный дом по Тургеневской улице. В апреле 1930 года в связи с закрытием фирмы Чурина Николая Игнатьевича уволили, а все имущество фирмы муниципализировали. А далее снова рассказывает В.Н. Бутынская: «...в 30-е годы многих домовладельцев просто сажали по одной для всей многострадальной страны 58-й статье в тюрьму или высылали из Хабаровска. Кто успел — уехал. А кто не успел или не хотел оставлять обжитое место, с теми не церемонились — выселяли в трехдневный срок. В ночь на 14 января 1932 года в городе шли повальные аресты. В ту ночь пришли и к нам на Тургеневскую, 66, где жили родители, родившаяся в 1908 году самая младшая Нина, я с мужем и детьми, Еленой и Ольгой. Забрали папу и моего мужа Василия Мясникова. Осудили мужа на пять лет, а папу на три года. Мне с детьми и мамой в трехдневный срок было велено покинуть пределы Дальневосточного края».

Куда только ни забрасывала судьба Веру Николаевну! Мариинск в Сибири, станция Бурея, Райчихинск. После освобождения мужа жили в Тамбове. Там Вера Николаевна начала ра-

ботать машинисткой, так как печатать умела с детства, и отдала этому делу 30 лет. В 1937 году расстреляли брата Бориса. О его трагической судьбе поведал местный журналист Александр Сутурин в своей книге «Дело краевого масштаба».

Николай Игнатьевич Бутынский срок отбывал в Мариинске, совсем рядом от места ссылки своего отца. Освободившись, жил с семьей в Новосибирске, работал в управлении СИБЛАГа. Однажды, когда Николай Игнатьевич вернулся из очередной командировки в августе 1938 года, его снова арестовали, а 26 сентября он был расстрелян. Справка о его реабилитации, то есть невинности, пришла в семью лишь в 1960 году.

Муж Веры Николаевны прошел всю Великую Отечественную в должности бухгалтера эвакуационного госпиталя. Демобилизовался в 1945 году во Львове, где получил квартиру. Умер В. Мясников в 1954 году.

Братья Веры Николаевны, Анатолий, Сергей и Константин, после Гражданской войны эмигрировали в Китай. Сергей после войны вернулся в Хабаровск, здесь и умер... Сестра Елена в 1924 году вышла замуж за известного в городе доктора С. Н. Здановского. Скончалась в Хабаровске в 1975 году. Родственники живут в нашем городе. Сестра Евгения в 1925 году вышла замуж за Николая Мокржицкого, также погибшего в 30-е годы во время репрессий. Умерла она в 1985 году. Ее дочь, внуки и правнуки по-прежнему живут в Хабаровске. Сестра Нина еще в Новосибирске вышла замуж за инженера Михаила Лаврова, там и жила. Я также получил от нее несколько писем. Умерла Нина Николаевна в 1997 году.

«Живу на Украине много дольше, чем жила на родине, — пишет Вера Николаевна. — Но от этого мне Хабаровск еще милее. Мои земляки по воле судьбы и «товарища» Сталина разбросаны по всему свету — и на земле, и под землей. Еще в 70 — 80-е годы я поддерживала связь со многими подругами, каждый год ездила то в Хабаровск, то в Новосибирск, где поселилось много хабаровцев. А в Москве всегда останавливалась у Ольги Гутман — дочери известного в Хабаровске парикмахера и издателя открыток с видами города. У нее всегда устраивались встречи с земляками. Посылаю вам, Анатолий Михайлович, на память пакет от фирмы Чурина, книгу о Львове, и еще посылаю семена цветов. Таких у вас там нет, посадите их у себя на даче и вспомните меня иногда».

Вера Николаевна Бутынская умерла во Львове 17 февраля 1994 года. А пакет «от Чурина» и несколько ее фотографий я подарил нашему краеведческому музею. Пусть люди помнят.

**«РОД ПРИХОДИТ И РОД УХОДИТ,
А ЗЕМЛЯ ОСТАЕТСЯ».**

ЕККЛЕСИАСТ

ИЗ РОДА Богдановых

**Богданов
Сергей Яковлевич**

Займка Богдановых

Семья Ильи Сергеевича Богданова

Мария БУРИЛОВА,
заведующая отделом истории
Хабаровского краевого
краеведческого музея им. Н.И.
Гродекова

Вниз по Амуру, в шести верстах от Хабаровска, находилась займка хабаровского купца Сергея Яковлевича Богданова, купленная в 1893 г. у прежнего владельца – благовещенского купца И.Р. Рафаилова. На займке в 1906 г. купец построил завод, названный его именем – Сергиевский винокуренный завод (ныне ОАО «Спиртовик» Краснофлотского района Хабаровска). Тут же, на высоком берегу Амура на своей займке был похоронен С.Я. Богданов – почетный гражданин

Хабаровска. Когда-то здесь было два чистых родника, большой сад: росли и сливы, и яблони, и виноград амурский, но больше всего было груш – молодых, раскидистых, плодоносных. Нет уже того сада. Нет и тех людей, что сажали его. Никто сейчас не помнит, почему этот сад называли Богдановским. Теперь на месте займки располагаются военный санаторий и детский санаторий «Амурский», который занимает с 1943 г. красивый богдановский особняк с шестью колоннами. И все это место называют Богдановкой.

Мое знакомство с Ларисой Евгеньевной Богдановой состоялось, когда она уже жила в Благовещенске. Разговор начали с фотографий. Она помогла «опознать» на фотографии своего прадеда Сергея Яковлевича Богданова, купца 1-й гильдии, участника всех трех хабаровских съездов сведущих людей, организованных приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом. Предприимчивые Богдановы целым кланом перебрались на Амур из Забайкалья в числе первых переселенцев. По семейным преданиям, была у них в роду женщина-бурятка. В Сибири удачно занимались пушшиной, на Амуре добавился рыбный промысел. Накопленные средства вложили в строительство винокуренного завода. Богданов Сергей Яковлевич был и членом попечительского совета Хабаровской церкви святого Иннокентия, в этой церкви с супругой Агриппиной Зиновьевной крестил своих детей: Дмитрия, Алексея, Василия и младшего Илью, который имел сына Евгения.

Евгений Ильич, отец Ларисы Евгеньевны, был расстрелян в 1938 году. Лариса Евгеньевна помнит семейные бархатные альбомы, которые затерялись в 30-е годы, помнит и некоторые фотографии: пароход на Амуре, красивая дама в белом, дети на качелях, огромный стол с двумя самоварами, куда усаживалось более 20 человек. Помнит деда Илью, он любил и баловал внучку, бабушку, Ольгу Матвеевну, которая крестила Ларису в Успенском соборе незадолго до его уничтожения.

В детской памяти осела фраза: «Не было бы у васево деда поместья, была бы у вас сейчас комната». Этот момент в жизни она помнит отчетливо: их выгнали из общежития театра на следующий день, как исчез их отец. Он всегда приходил поздно, потому что работал тапером в центральном кинотеатре, но вот в эту ночь его ждали два человека в черном. По какому-то немому уговору в семье Богдановых никогда не говорили о том, что произошло. Лариса Евгеньевна была еще очень мала, чтобы понимать происходящее, а мать ее, женщина чистых и крепких крестьянских кровей, наоборот, слишком хорошо понимала, что неведение — лучший оберег для ребенка. Она росла в неведении, но с очень богатым воображением и с обостренным слухом. Она вслушивалась в звуки, голоса, улавливая ту единственную интонацию, которая выдавала ее тоску по отцу. Он передал дочери свою особенную музыкальность — откликаться на всякий звук. Со временем — это стало свойством ее души — откликаться на людей, на движение их чувств, настроение, на их радости, беды, очаровываться ими и так же сильно разочаровываться в них.

Выйдя на пенсию более 10 лет назад, Лариса Евгеньевна устроилась администратором в Богдановский военный санаторий. Однажды во время страшной грозы произошло кровопролитие: избили солдат, ей пришлось вызывать «скорую помощь». Будучи человеком чутким, верующим, она как бы услышала: «Богдановы не хотят, чтобы я здесь была». Она не стала сопротивляться внутреннему голосу.

Лариса Евгеньевна (ее называли Ляля) отвечала на мои вопросы, вспоминала свой родной Хабаровск. Однажды, возвращаясь поздно вечером с родителями из гостей, она увидела пожар. На улице К. Маркса (ныне Муравьева-Амурского) горела пожарная каланча, как факел (на этом месте сейчас здание управления ДВЖД). Маленькой Ляле запомнились хабаровские извозчики, подпоясанные красными кушаками, которые стояли на улице Запарина, около «Гиганта», а сани были с закрытым верхом (кошева), разукрашены, на сиденье лежали медвежьи шкуры, подбитые красным материалом. Запомнился радиокomiteeт, куда первый раз ее привел

Богданова Лариса Евгеньевна.
Начало 50-х годов

отец, запомнился класс, где шла репетиция хора. Евгений Ильич Богданов, пианист кинотеатра «Совкино», там иногда работал. Михаил Филиппович Тебнев, председатель радиокomiteeта, и Евгений Ильич еще в реальном училище учились в одном классе. Когда радиотрансляция была проведена в городской парк, это было событие для Хабаровска, играл духовой оркестр, и первую трансляцию вел мой отец вместе с М.Ф. Тебневым», — с гордостью вспоминала Лариса Евгеньевна. Мама ее, Евдокия Мироновна Иванченко, родом из крестьян. Родители переселились на Амур из-под Армавира сначала в село Поярково. Бабушка по материнской линии очень любила землю. Все могла — и шить, и печку сложить, и уехать в Николаевск на заработки. Евдокия уехала в Хабаровск в 1924 году на биржу труда. Взяли работать в буфет театра, и там она встретила свою судьбу — пианиста Евгения Богданова.

Сохранился в Хабаровске деревянный зеленый дом по улице Запарина, 86, где прошло детство Ларисы с отцом и мамой. «Было два двухэтажных дома, в которых тогда жила хабаровская элита — артисты, музыканты,

балерины, архитектор города, работники крайкома партии. Веселый был дом, родители придумывали для детей интересные домашние праздники. Тайно организовывали елки, хотя они были запрещены...»

«Первое разорение дома произошло в 1937 году: отсюда забрали почти всех и сразу все выбрасывали на улицу, все вещи и даже пианино. Отца арестовали 24 мая 1937 года. Дома замерли на это время. Сидим на вещах, и как будто мертвое поле вокруг нас. Каждый ждал, что его постигнет та же участь. Подобрал нас Петр Иванович Мишустин, взял в свой дом, расположенный на Чардымовке (ныне Амурский бульвар), устроил маму на работу. На следующий год друзья помогли приспособить под жилье сарай по улице Запарина, 48».

В период расправы с «бывшими» всю семью Богдановых разогнали: Илья Сергеевич и Василий Сергеевич стали «лишенцами», их выслали в Сибирь. Дмитрий Сергеевич Богданов, который после смерти отца стал директором-распорядителем винокуренного завода, очень болезненно переживал разрушение храма, эмигрировал сначала в Харбин, потом в Америку. А ведь дело он поставил широко: продукция завода на европейских и местных выставках отмечалась золотыми медалями. На территории заимки были построены склады, мельница, маслозавод, конюшня, дом для рабочих. В городе он содержал большой универсальный магазин по ул. Инженерной (ныне Шевченко). Много занимался общественной деятельностью, печатал свои статьи в ученых записках Географического общества. Потомки Дмитрия Сергеевича и сейчас живут в штате Калифорния, интересуются Хабаровском, собираются своими глазами увидеть землю предков.

Из четверых детей деда Ильи (Сергей, Евгений, Людмила, Гарий) только Евгений Ильич остался в Хабаровске. Жена, Евдокия Мироновна, говорила: «Евгений, давай уедем». — «Почему я должен уезжать, я ничего плохого не сделал?» Он остался, его расстреляли в 33 года.

«Я проживаю жизнь за отца, — говорит Лариса Евгеньевна, — и дала себе обет — не подходила к инструменту и никогда не меняла фамилию. Во время войны работала на заводе им. Горького токарем, попала не в свое сословие. Потом военкомат отправил учиться на радиста, но при медицинском обследовании обнаружилась близорукость, и Лариса Евгеньевна осталась без дела.

Неожиданно из «черной тарелки» (так называли радио) она услышала, что радиокомитету нужен секретарь. Она пошла, и ее приняли на эту работу. Шел 1943 год, было трудно, голодно, отекали ноги. Но коллектив подобрался талантливый и образованный, молодых здесь опекали. Работали много, существовала жесткая цензура, но надо было делать передачи, помогать фронту. В радиокомитете Лариса Евгеньевна узнала много интересных людей: Н. Задорнова, Д. Нагишкина, С. Бытового, П. Комарова, Ю. Шестакову. Со временем предложили повышение: она стала корреспондентом городской радиогазеты. Позднее она работала литсотрудником газеты «Молодой дальневосточник», но в 1950 году ей предложили уйти. Ярлык «дочь врага народа» витал в воздухе. Тяжело было пережить этот удар. В КГБ вызывали мужа, Ганина Сергея Александровича — главного механика завода «Энергомаш», но он очень любил свою Лялю, только и сказал ей: «Не обращай внимания».

К счастью, Лариса имела много друзей. Ее устроили в школу преподавателем русского языка и литературы — по специальности. Она ведь закончила филологический факультет Хабаровского педагогического института. Благодаря своему природному умению работать с

Богданов Евгений Ильич (справа).
Сочи. 1937 г.

людьми, Лариса Евгеньевна стала директором школы, затем директором музыкального училища, директором театра музыкальной комедии. Она была единственной женщиной-директором этого непростого коллектива.

В советское время Лариса Евгеньевна побывала в Египте, Индии. Туда направляли мужа как специалиста, но она тоже работала: преподавала русский язык.

Возвратившись в Хабаровск, стала ответственным секретарем Хабаровского отделения Всероссийского театрального общества (ВТО). Это еще целый пласт интересной жизни, насыщенной духовными событиями.

Лариса Евгеньевна любит повторять: «Ты можешь встать рано, но судьба встала раньше тебя». Она и сейчас, будучи настоящей пенсионеркой, встает рано, хотя и нет нужды спешить. Так же рано вставали ее предки Богдановы, у них-то было дел по горло. Только вот завершить их не дали: кому-то достроить, кому-то доиграть. Выходит, судьба встала раньше.

Род приходит и род уходит, а земля остается вовеки, как и память по делам человеческим. Лариса Евгеньевна помнит своих прадедов, дедов, родителей, друзей. Они есть, пока есть она.

Юлия ШЕСТАКОВА

Петр Степанович Комаров всю жизнь прожил на Дальнем Востоке и не мыслил себя где-то в иных пределах, возможно, более благодатных, чем наше Приамурье. Для него работал он без устали, жил, горел... и сердце отдал ему, и песни...

“...И ЛУЧШЕЙ

*Сторонка дальняя моя,
С перепелами вдоль обочин.
Твоею славой славен я,
Твоей заботой озабочен.
Благословен мой край, и в нем —
Наш труд, наш дом, где все знакомо.
Я — нитка в знамени твоём
Над черепичной крышей дома.*

(Надпись на книге)

В этом коротком, звучащем как песня стихотворении, которое можно поставить рядом с лучшими образцами лирической русской поэзии, заложено высокое понимание долга, сыновней любви к Родине, а в итоге — смысл человеческого предназначения на земле.

Техе Геринга его усыновил...
(небось к раскуму)

Человек божья раса...
на всем протяжении своей истории...
Почему же мы не знаем...
Почему же мы не знаем...
Почему же мы не знаем...

Это в пещерах не угасло
И языки — не кланется Сил.
Тысяч о вышелем востро дала! —
Герман Вериг пробуждался.

А потом, ослепя против
Посла широко стала,
Крутой земля пл-Вороны
Спра обидной врага.

Эт в пещерах не угасло...
А уже божья раса...
Тысяч, Андерс, божья дала! —
И языки не кланется.

Во ирланде, ослепя туда,
А народ раскумиле придти:
Мел, собла божья раса...
Тысяч о вышелем востро дала!

Почему и ирланде он дала,
Тысяч о вышелем востро дала,
Тысяч о вышелем востро дала,
Тысяч о вышелем востро дала.

Телеграммная Уфа
4 июля 1943

Царской политика
(небось к раскуму)

Раскумиле Андерс о вышелем
На пещерах востро дала,
А ослепя и ослепя
Тысяч о вышелем востро дала.

Директор ослепя в ослепя,
К ослепя ослепя ослепя,
Вот ослепя политика ослепя,
Во кланется, во кланется.

НАГРАДЫ ПОЭТУ НЕ НАДО»

Сугробкин,
Тельканов,
Комаров

Юношеский портрет

Комаров, Ермаков, Драчинский — сотрудники Крайтасс

Друзьям и товарищам его, тем, кто видел, как упорно он боролся с тяжелым недугом, как, преодолевая нужду, работал, искал свою тропу в сложном мире литературных авторитетов, споров, имен, особенно радостно сознавать, что стихи Комарова приобрели широкую известность и стали достоянием русской поэзии.

Рано ушел он от нас, побежденный болезнью. Медицина в то время еще не имела таких мощных средств против туберкулеза, какими она располагает сейчас. Об этом думаешь с болью и сожалением. Как часто нам не хватало его негромкого, но ясного слова, когда неожиданно для всех на различных высотах государственной лестницы стали перемещаться различные величины и на литературном небосклоне тоже меркли одни звезды, восходили другие...

О гражданственности иногда говорят, как о чем-то сверхданном. Критики нередко спорят между собой, определяя меру ее в стихах того или иного поэта. Но ведь она не может быть доексом к таланту! Гражданственность является как отражение души; это — образ мышления, и это — позиция художника, литератора. У Петра Комарова она органична. Его творчество освещено горячим светом Времени, в котором он жил и работал, постоянно осознавая себя сыном сво-

ей великой Родины, а если нужно, и — солдатом.

Не скажешь, что при жизни Комаров был мало известен и не признан. Его стихи печатались в центральных журналах и газетах, звучали по Всесоюзному радио. Имя Петра Степановича, особенно в годы войны и послевоенные, стало появляться в печатных изданиях на Урале и в Сибири, его знало многие читатели Москвы и Ленинграда. Сам он не впадал в восторг от читательских похвал, получая письма из разных городов России.

И все-таки настоящая, широкая известность пришла позднее. Мы это теперь знаем. А тогда просто было естественным предвидеть, что стихи его останутся жить долго. Среди поэтов, своим творчеством связанных с Дальним Востоком, первое место, бесспорно, принадлежит ему.

Петр Комаров родился 12 июля 1911 года в деревне Боево Крестецкого уезда Новгородской губернии. Отец — рабочий Кулотинской брезентовой фабрики, много лет отдавший на предпринятии частного владельца вредному цеху, решил переселиться на Дальний Восток. Ранней весной 1918 года он со всем семейством прибыл сначала в город Свободный, затем с Суражевской пристани подался в заезжие места. Добрые люди посоветовали определиться в Поповке — небольшой деревеньке, из тех, что в одну улицу выстраивались на возвышенном берегу реки. Новоселам-безлошадникам нелегко было обживать таежные земли. Пришлось самим вручную выкорчевывать пни, подкатывать бревна для сруба. К осени кое-как управились, поставили избу, сложили печь. Только бы жить... А тут вскоре началась Гражданская война.

Портрет Петра Комарова работы В. Г. Зуенко

Как похоже складывалось детство у нашего поколения дальневосточников! Ведь многие из нас сели за парты в грозное время. Амурская земля еще не остыла от пожаров. Еще Красная армия освобождала ее от японских интервентов и бело-гвардейских карателей, гнала их все дальше, на восток, к Тихому океану. Горящие избы, кровавые расправы с мирным населением, бездомные сироты, беженцы... На всю жизнь это останется в памяти.

Жизнь шла своим чередом. В девять лет Петя был незаменимым помощником матери, а когда здоровье отца пошатнулось и он слег по весне, мальчик стал исполнять поручения старшего брата Василия.

Кажется, все книги, какие были в его распоряжении, Петр перечитал. В те годы у него была уже заветная тетрадь со стихами. Он писал обо всем, что происходило вокруг и казалось значительным: в деревню пригнали трактор на диво крестьянам, открылась изба-читальня... Впечатления детства и отрочества потом отзовутся в стихах Петра Комарова, когда он повзрослеет и начнет основательно пробовать свои силы в творчестве. Но для того чтобы стать поэтом, ему пришлось многое преодолеть в своей судьбе. Самый первый шаг, который Комаров отважился сделать, был связан с отъездом из Поповки. Комсомольская организация направляла его в школу крестьянской молодежи.

Мать, Татьяна Семеновна, сшила ему рубашку из кумача; Петя обулся в ичиги, взял с собой кое-какие вещички, тужурку, шапку на всякий случай и побежал с котомкой за плечами к пароходу. В то время, да и позднее, по реке Зее ходил старенький колесный пароходик «Брянта». Вот на нем он и отправился в город Свободный.

Много будет у него потом дорог, но эта, как исток в горах, дающий начало большому течению, впервые обозначила его характер.

С 1926 года Петр Комаров стал печататься в газете «Молодая гвардия», затем — в «Набате молодежи». После окончания ШКМ Свободненский райком комсомола направил его в Благовещенский сельскохозяйственный техникум. Он и там учился хорошо, но агрономом не стал. Другая страсть влекла к себе Петра Комарова — журналистика, литература, поэзия. И вот словно кто-то подслушал его тайные думы. Из техникума, который он так и не закончил, Далькрайком комсомола отозвал Петра для работы в редакции молодежной газеты. Это был 1929 год, памятный во многих отношениях. Уже

расходился по земле гул потревоженных деревень, стали известны первые опыты организации колхозов, и противоречивое отношение к ним вызвало разные толки. И без того трудная обстановка осложнялась конфликтом на Китайско-Восточной железной дороге, который, к счастью, был довольно скоро урегулирован, хотя жизнь дальневосточной границы оставалась беспокойной.

Но именно в такое время Петр Комаров и появился на Комсомольской улице Хабаровска в редакции газеты «Набат молодежи». Впервые он увидел двухэтажный дом, с которым будет связано так много в его литературной биографии.

Было бы преувеличением говорить, что Петр Комаров сразу же завоевал читательское признание. Да он и не торопился в начале 30-х годов печататься. Стихи давались ему не так-то просто. Возвращаясь из командировок, надо было выполнить задание, сдать очерк или статью на машинку: работа в редакции требует оперативности. Для стихов оставалось мало времени.

Исследователи творчества Петра Комарова в силу каких-то причин опускали тот период его жизни, когда он работал в молодежной газете. А между тем это были годы взросления, творческого роста Комарова в окружении целой плеяды дальневосточных поэтов. Во Владивостоке: Вячеслав Афанасьев, Георгий Коршов, Александр Артемов, Анатолий Гай, впоследствии переселившийся в Хабаровск. Здесь определилась довольно сильная группа поэтов и прозаиков. Редакция краевой комсомольской газеты, куда поступил на работу Комаров, располагала завидными кадрами литераторов. В разных ее отделах сотрудничали одновременно Григорий Кравченко и Семен Бытовой, Михаил Лесневский и Иннокентий Луговской.

Не имея высшего образования, Комаров должен был сам многое постигнуть в пределах возможного, как считал и как мог. Позднее он пробовал учиться в Московском институте журналистики, однако работа, связанная с командировками, отрывала его от учебных заданий, и с институтом пришлось расстаться.

Осень 1933 года была памятной. В сентябре из Москвы приехал Александр Фадеев. Вместе с кинорежиссером А. Довженко они решили создать художественный фильм о Дальнем Востоке на современном материале. Но не менее важным было и другое: по поручению А.М. Горького Фадеев должен был познакомиться с литераторами Хабаровска и Владивостока, помочь оформиться дальневосточной писательской организации. Его приезд оказался весьма кстати и завершился тем, что с помощью краевого комитета партии утвердили решение — издавать в Хабаровске журнал «На рубеже» (позднее «Дальний Восток»). Фадеев дал согласие быть редактором. А для Петра Комарова эта осень оказалась памятной еще и тем, что в октябре он получил от горвоенкомата повестку и через несколько дней был призван в армию. Служить ему пришлось в Приморье, однако не стрельбища, не учебные занятия на полигоне его ожидали, а привычный труд газетчика.

В Хабаровск Петр Комаров вернулся зимой, накануне нового, 1936 года. Знакомые двери редакции «Тихоокеанского комсомольца» (так стала называться молодежная газета) были для него открыты. Ему предложили должность заместителя редактора.

В эти годы Комаров стал выступать со своими стихами по просьбе читателей. Ездил к морякам Краснознаменной Амурской флотилии, был на погранзаставах. Поездки вдохновляли. В доме на Комсомольской улице писатели проходили своеобразную школу литературного опыта, учились мастерству. На литературных «четвергах» выступали поэты и прозаики. Василий Ажаев вынес на обсуждение свои рассказы, а затем повесть «Далеко от Москвы», ставшую впоследствии романом. Интересно было слушать Е.И. Титова — яркого публициста и литературоведа. В соавторстве с В.К. Арсеньевым он написал серьезное научное исследование об истории тунгусского (эвенкийского) народа. Затем вместе с П.Г. Кулыгиным работал над пьесой «Сергей Лазо» для театра Красной армии. Но постановка не состоялась. Шел 1937 год, по всей стране разворачивалось страшное действие, ставшее ре-

Слева направо: В. Ажаев, П. Комаров, Г. Марков.
Вверху — С. Смоляков

альной жизненной трагедией нашего народа.

Один за другим исчезали в мрачных застенках НКВД талантливые литераторы. У нас на виду был взят, увезен из редакции и отправлен в неведомые круги ада Е.И. Титов. Затем в радиокомитете арестовали П.Г. Кулыгина. Репрессирован был И.И. Шабанов. Все трое — члены Союза советских писателей. Все погибли. Несколько раз Петра Комарова вызывали на допрос. Потом он был уволен из редакции газеты «...за утрату бдительности и связь с врагами народа...». Когда друзья и знакомые при встрече с ним спрашивали, чем он занят сейчас, что пишет, Комаров отвечал не без иронии: «Отдыхаю...» В то время ему было двадцать шесть лет... К счастью, его оставили в покое, не к чему было придраться.

Поездка в деревню Чембары летом тридцать восьмого года была для Петра Комарова добрым жестом судьбы. Он как бы получил увольнительную от городской сутолоки и прибыл на свидание с природой. Впечатления от этой встречи неназойливо войдут в его творчество как обобщенные образы родного края.

Давно уже было замечено, что стихи Петра Комарова музыкальны. В них каждая строфа выверена на звук. Стихи настолько напевны, что многие из них положены на музыку. Но вот что удивительно: никто из нас не слышал, чтобы Комаров пел. Чувство ритма, звуковые образы таились в нем самом и только для стихов, так же, как чувство природы, которое он обычно не высказывал вслух, словно боясь, что, высказанное не стихами, оно расплещется зря и потом утратит для него всякий интерес. Позднее, уже во время войны, когда тяготение к пейзажной лирике не поощрялось, Петр Комаров написал стихотворение «Над Шантарскими островами» — двадцать строк всего лишь, которые и есть сама музыка...

Под крылом самолета — тайга и тайга.

Золотая земля в непромытых бугарах.

Голубые песцы. Голубые снега.

Голубая земля на Шантарах...

В сороковые годы, в самом их начале, творческая судьба Комарова складывалась обнадеживающе. Вышел первый сборник его стихотворений «У берегов Амура» (Дальгиз, 1940 г.). Он работал в журнале «На рубеже», который возобновил свой выход, стихи Комарова печатались на Дальнем Востоке и в Сибири. Во время войны он сотрудничал с краевым отделением ТАСС, печатался в «Тихоокеанской звезде», был активным корреспондентом газеты «Тревога», выступал на радио со своими стихами. В те годы периодически обострялась болезнь Петра Степановича. Врачи категорически запрещали ему поездки, командировки. Но несмотря на это в 1942 году, когда в Комсомольске-на-Амуре вводили в строй завод «Амурсталь» и там работала выездная редакция «Тихоокеанской звезды» в составе А. Пришвина, Ан. Гая, Н. Галунина, В. Павчинского, Петр Комаров присоединился к ним и был до конца строительства.

Объективно поездка Комарова на строительство «Амурста-

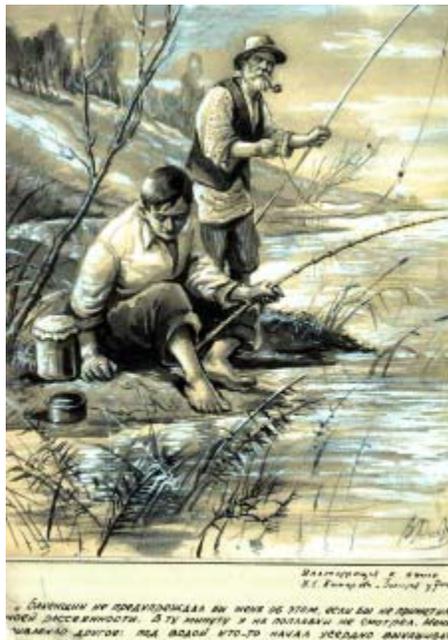

Иллюстрация к книге «Золотая удочка» В. Добровольского

ли» была необходима. И, наверное, лучше всех понимал это он сам. Понимал и оттого не щадил себя. Мысль о беззаветном служении Родине, когда ты знаешь, что труд твой необходим, а цель, поставленная тобой, благородна, много раз в стихах Комарова находила свое образное воплощение. Но, пожалуй, особенной глубины она достигла в «Золотой просеке», задуманной и начатой перед войной и получившей завершение еще в разгар военных событий. Выходят одна за другой его книги: сборник стихов «Время бесстрашных» (1941 г.), сатирические стихи «Как прусак попал впросак» (1942 г.), сборник стихов «С востока на запад» (1943 г.), рассказы «Загадка Кривой протоки» (1944 г.). А в 1945 году вышли его четыре сборника в разных издательствах, в том числе и в Москве.

С большим трудом, преодолев сопротивление и начальства, и врачей, Петр Комаров добился назначения в действующую армию. Вместе с писателем Николаем Задорновым — корреспондентом ТАСС — они проделали довольно большой путь с войсками 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов. На маньчжурской земле многое им открылось тогда. А итогом стала «Маньчжурская тетрадь» — три цикла Петра Комарова, куда вошли стихи о Китае, Корее и Монголии.

В 1950 году Государственной премии были удостоены циклы стихов Петра Комарова, созданные им в последние годы жизни: «Зеленый пояс», «Маньчжурская тетрадь» и «Новый перегон». К сожалению, Петр Степанович не дожил до этого дня. Он умер 30 сентября 1949 года.

Оглядывая мысленно путь, пройденный Комаровым, думаешь о том, как много он сумел сделать за свою недолгую жизнь — трудную и все-таки прекрасную в служении народу.

Вот его последняя исповедь:

**Сторонка родная, где прожиты годы,
И дом, как маяк, у реки.
Войду в поговорку или выйду из моды,
Припомнят меня земляки:
— Он жил для тебя и работал неплохо,
Бродил по дорогам лесным,
Был сыном твоим до последнего вздоха
И верным солдатом твоим.
Они для меня прозвучат как награда —
Простые слова земляков.
И лучшей награды поэту не надо
Во веки веков...**

Р. С. В марте 2002 года не стало Юлии Алексеевны Шестаковой. Это ее последняя статья для журнала «Словесница искусств»

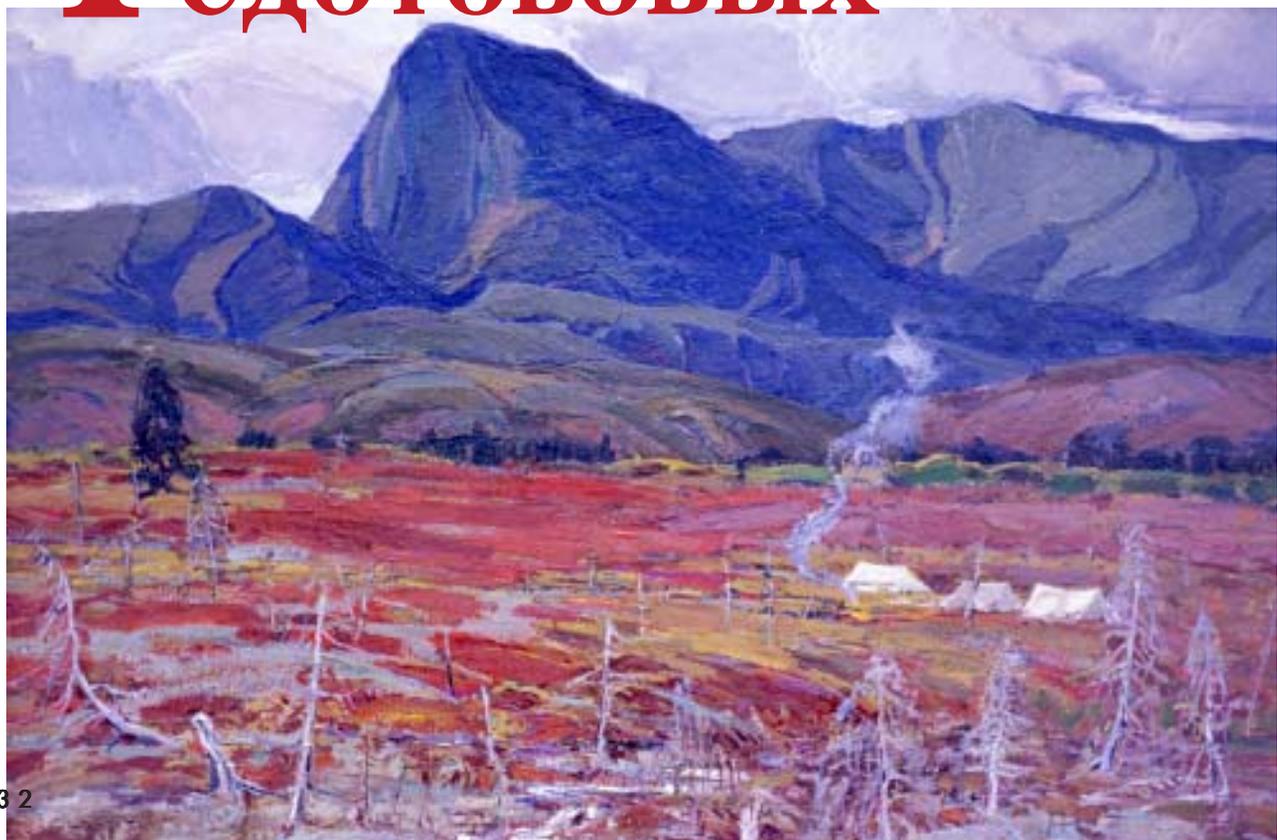
Братья Алексей Матвеевич и Степан Матвеевич Федотовы много сделали для дальневосточного искусства. Алексей Матвеевич создал эпические образы дикой тайги, сурового Амура, фантастически красивого Байкала.

Степан Матвеевич тоже писал пейзажи и тематические картины, но в большей степени он реализовался как художник-педагог. Он окончил академию в Ленинграде и ему было что передать своим студентам.

Александр ЛЕПЕТУХИН, художник

СБЫВШАЯСЯ МЕЧТА художников **Федотовых**

Характеры у братьев разные. Алексей Матвеевич был взрывным, стихийным человеком. Художником до мозга костей. В свой внутренний мир он пускал не каждого. От посторонних людей отгораживался шутовскими выходками, но к своей работе он относился со страстью. Мог за день написать великолепный пейзаж, насытив его пульсирующей энергией. Вся его живопись

— мечта о свободе. Сам он казался порывистым и угловатым.

Степан Матвеевич, напротив, был мягким и не по-современному добрым. Этим он походил на большого ребенка. Чужая бестактность и хамство, на кого бы они не были направлены, причиняли ему боль. Он не мог понять, почему в людях есть злоба и жестокость. «Нельзя так, нельзя так. Не здорово

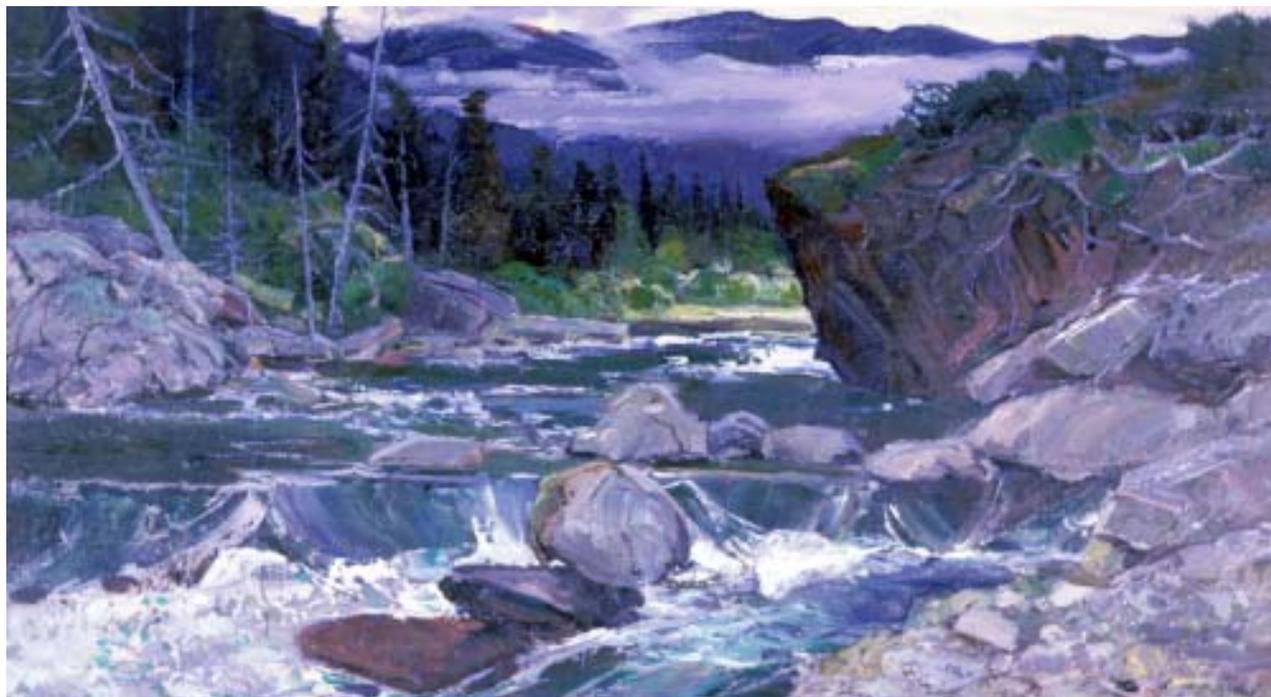

это!» — повторял художник, пытаясь всех помирить и сгладить острые углы в человеческих отношениях.

Степан Матвеевич один воспитывал дочку и сына. Стирал, варил обеды, возил с собой в тайгу на этюды. А сколько сил отдавал он студентам, пытаясь разбудить их к творческой жизни. Он, не задумываясь, тратил дни своей жизни на всякие важные и неважные дела.

Часто Степан Матвеевич говорил о картине, которую скоро обязательно напишет. Она должна была стать главной картиной его жизни. Менялись планы, идеи, делались эскизы, шли годы... Картина так и осталась неосуществленной мечтой. Нельзя на завтра откладывать главное дело своей жизни. Ведь «завтра» — время ненадежное. Будет оно или нет, неизвестно.

Совсем незадолго до смерти, когда жить ему оставалось месяца полтора, Степан Матвеевич неожиданно пришел ко мне в мастерскую. Была ранняя весна. Он положил на стол несколько ярких пучков редиски, хлеб, поставил бутылку водки. Бутылка была только поводом. Несколько часов под-

ряд он под запись рассказывал свою жизнь. Зачем ему нужна была эта исповедь? Почему он выбрал меня? Теперь я уверен, что на уровне подсознания он знал о своем скором уходе и стремился отпечатать свой образ в душе остающегося жить человека.

Благодаря тем давним записям я могу рассказать вам о братьях Федотовых.

Родились братья в Чите. Их отец, Матвей Егорович, столяр-краснодеревщик, был художником в своем деле. Выполнял он и проектные работы. Любил старые вещи. Мечтал, чтобы дети его рисовали. Очевидно, видел в них возможность осуществления собственной мечты.

Детей было пятеро, но семья несла потери. Брат Виктор подростком умер от жестокой простуды. Медицина тогда была очень простая. Парили мальчишку в дубовой бочке, и он не выдержал. Маленькая Маняша умерла от дизентерии.

«В доме была темнота. Тогда считалось, что это как-то помогает при этой тяжелой болезни. Но ни темнота, ни приезжающий на пролетке доктор не смогли помочь. Отец сам сделал маленький гробик, отполировал его и, перекинув полотенцем через плечо, отнес Маняшу на кладбище». Помню, что, рассказывая об этом, Степан Матвеевич плакал. Это было продолжением тех далеких детских слез. Любовь живет долго.

Потом брат Алексей, возвращаясь с этюдов, часто ходил через кладбище. Там выпивал и засыпал на могилке сестры.

Степану было семь, а брату Алексею на несколько лет больше, когда арестовали отца. Во время охоты на людей 37-го года с их улицы забрали почти всех мужиков. Осталось только двое.

«Отца забрали ночью, меня разбудили, чтобы взять ключ. Был у меня самодельный полированный конструктор из обрезков дерева, запертый в сундучке. При обыске потребовали открыть, а ключ был у меня. Вот и разбудили, чтобы замок не ломать. Потом я спрятался за фикус с большими листьями и наблюдал, как гэбэушники в коверкотовых шубах курили «Казбек». Здоровые, мордатые, наглые от вседозволенности... Помню, выскочил босиком на крыльцо, а на снегу след от уехавшей эмки. Мать стоит, прислонившись к стойке крыльца... Помню очереди — одни женщины. Когда подходило время, гэбэушники пинками выгоняли их на улицу».

После гибели отца тяжесть семейных забот разделили мать и старший брат. Мама, Марфа Тимофеевна, работала санитаркой в роддоме. Она поощряла творческие увлечения детей.

«Брат Петька рисовал лучше Лешки. Лешка рисовал хуже. Но он состоялся как художник. В дождь, в любую погоду он писал свои этюды, зарабатывал мастерство. Принесет свежий этюд, поставит к стене, возьмет гитару, присядет на край стола, тренькает и смотрит. Соображает. Играть он толком не умел. Подобралась группа пацанов с этой страстью. Сажали, помню, меня на солнышке и писали маслом. Сидеть было тяжело, и я убежал на рыбалку...»

Марфа Тимофеевна как-то извернулась с деньгами и отправила Алексея в Иркутское художественное училище. Иркутск славился своим музеем. Когда отступал Колчак, то несколько вагонов с картинами из его «обоза» застряли в Иркутске. Так появились там первоклассные холсты Репина, Поленова... Получился музей.

В иркутском училище были академические традиции и прекрасные педа-

гоги: Лебединский — ученик Матте — писал большие холсты. Жебенев Алексей Петрович был ранее футуристом, общался с Бурлюком, и поэтому писал жесткие, левые работы. Их, как и других педагогов, выгнали из столиц революция и последующие репрессии. Подобно декабристам они вынужденно делились с провинцией своей культурой.

Алексей познакомился при поступлении с Григорием Зориным и помог ему на приемных экзаменах. Они стали друзьями на всю жизнь. Потом эта дружба привела Алексея в Хабаровск.

В училище Алексей работал самоабвенно. Жили студенты впроголодь. Буханка хлеба стоила рубль. Стипендия — 30 рублей. Но как-то все-таки жили, и весело жили. На каникулах, приезжая домой, он, как и прежде, писал этюды в компании читинских друзей и незаметно сделался их учителем. Один из его товарищей впоследствии стал членом Союза художников.

После третьего курса парней их училища забрали в армию. Из тридцати человек в живых осталось только четверо. Алексею пришлось воевать всеерьез. Однажды его небольшой отряд врасплох захватил размолввших на солнце японцев. Они разделись. Загорали. Купались. Противников было много больше. Но внезапность помогла. «Что мы с ними сделали!» — вспоминал с ужасом Алексей Матвеевич. Он навсегда возненавидел войну с ее убийствами. Когда было награждение за удачный бой, он отказался от награды, сказав перед строем, что не желает медалей за резню. Его тут же разжаловали. На такой поступок способен только настоящий человек, для которого честь выше инстинкта самосохранения.

А Степан Матвеевич вспоминал свои военные годы: «Было тяжело.

Мама сэкономила хлебные карточки и устроила меня учиться к художнику Малкину. Помню, он был запущенный, жена за ним не следила. Малкин подарил мне свой французский этюдник и все инструменты. Мне казалось, научусь рисовать — все-все нарисую! Нужно было помогать по дому. Оба брата воевали. Пилил дрова, носил воду, а еще уроки, коньки, лыжи... Рисованием занимался допоздна. Помню, в одиннадцатом часу идешь по зимнему городу, вокруг собаки и прочие опасности. Находились садисты-пацаны, травившие меня, сына «врага народа».

Кончилась война. Вернулись с войны братья. Алексей повез подросткового Степана в Иркутск, в свое родное училище. Сам доучиться не мог — финан-

сы не позволяли. Степана взяли сразу на второй курс. Запомнились Степану Матвеевичу послевоенный голод, друзья, учителя и библиотekarь Александр Константинович. Был он маленький, сухонький, в очках и жил при своей богатейшей библиотеке. Квартиры не имел. Книги он давал на свой выбор: «Возьми это, батенька мой, а это тебе еще рано, батенька мой». Студенты спорили об искусстве, а он молча слушал из своего уголка.

Степан Матвеевич запомнил рассказанную библиотekarем историю про шляпу Сурикова: «Чтобы не выглядеть дешевым пижоном, новую шляпу художник сначала потоптал ногами, а после надел на голову».

В голодные послевоенные годы мальчишки исподтишка подкармливали библиотekarя хлебом. А выпускники, приехав в Иркутск, первым делом шли в гости к Александру Константиновичу, чтобы услышать знакомое: «Батенька мой».

Степан Матвеевич полюбил Иркутск, его крытые деревом улицы, парк над Ангарой и музей. А на каникулах его ждали домой. К приезду готовились. Начинался семейный пленэр. Летом братья спали на чердаке с четырехскатной крышей. В ней было сделано оконце, чтобы смотреть на звезды и не прозевать утренний этюд. Рассвет бегали писать в деревню Каштак за пять километров. Тридцать минут бега с этюдником на плече. Мать имела свое мнение о живописи сыновей и высказывала его приходящим любопытствующим гостям: «Этот этюд лучше. А этот моим сыновьям нравится». Марфа Тимофеевна сделала все возможное, чтобы исполнилась мечта уби-

того мужа. Только опираясь на помощь матери и брата Алексея, Степан Матвеевич сумел поступить в Академию художеств. И, как в былые годы, при первой возможности ехал домой к брату на этюды. В Чите делали они какой-нибудь заказ (вроде двухметровой копии Шишкина) и на заработанные деньги отправлялись писать Байкал. Теперь уже Алексей впитывал все академические достижения брата. Однажды, взглянув на этюд Степана, он сказал: «Ну небо ты, кажется, научился писать». У братьев была общая цель в жизни. Они шли к ней через лишения и труд. Они добивались мастерства, помогая друг другу, учась друг у друга по очереди. Много интересного и трогательного вспомнил Степан Матвеевич в тот день. Он рассказал о своей несостоявшейся любви к молодой балерине, которая тоже любила его. Любовь рухнула косвенно по вине брата Алексея. Хотя, возможно, он даже и не узнал об этом. Он вспоминал о тайге, полной ночных криков. По недоразумению он поставил свою палатку у звериной тропы. И оказался в самом центре кровавых звериных разборок. С большой любовью вспоминал он Ленинград, своего учителя академика Иогансона, встречи с актером Р. Симоновым, начало работы на хабаровском худграфу... И снова возвращался к годам своего детства.

Братья Федотовы прожили свои зрелые творческие годы в Хабаровске. Здесь хранятся их картины. Здесь работают их ученики. Своим трудом они нарастили культурный слой в нашем молодом по историческим меркам городе, без которого город — не город, а сборище домов и людей, не объединенных памятью.

P.S.

Собственно, на этом можно было бы поставить точку. Но мне вспомнились две последние встречи с Алексеем Матвеевичем. Когда я узнал, что Федотов-старший безнадежно болен, то пожалел его по-человечески. Издалека. Мне, молодому эгоисту, чужие несчастья не очень были волнительны. Слышал — избили, после побоев — рак. Умирает. Уже не выходит.

Однажды летним днем я, проезжая в автобусе, увидел Алексея Матвеевича. Он сидел на приступочке у витрины магазина «Алмаз». За несколько секунд я заметил, как он чисто выбрит, как наглажена его белая рубашка и как он худ. Трудно было ему сидеть. Он буквально проваливался между собственных вцепившихся в цемент рук. Я понял, что Федотов вышел проститься. Он принимал последний парад. Мимо шли дети, красивые женщины, влюбленные, пролетали воробьи, сквозь листву били яркие солнечные лучи... И он смотрел на все это, впитывая в последний раз! Жизнь для него заканчивалась, но оставалась такой же прекрасной. Автобус круто развернулся и покотился к Амурскому бульвару. А через несколько дней в мастерскую ко мне заглянул художник Владимир Соломенцев: «Помоги отнести Федотова». — «Умер?!» — «Нет, он каким-то чудом добрался до нашей столярки, угостил коньяком своих друзей столяров, а вернуться назад сил не хватило...» Мы взяли одеяло. Положили на него маленькое, иссохшее тело. Алексей Матвеевич посмотрел на меня откуда-то издалека и даже попытался по привычке сказать что-то шутовско-обидное, но через секунду устало закрыл глаза. Мы осторожно вынесли его из подвала в теплую летнюю ночь. Шли, предупреждая друг друга о буграх и ямках. Пересекли улицу. Поднялись на седьмой этаж. Позвонили и внесли беспомощного Алексея Матвеевича в квартиру. Меня поразила яркая белизна стен, блеск лаковых полов и полное отсутствие мебели. Положив художника на топчан, мы пятясь стали двигаться к выходу, говоря какие-то прощальные слова. Пятились мы потому, что над топчаном висела КАРТИНА. Вершина каменного плато, все переплетенное змееобразными корнями деревьев, цепляющихся за жизнь. Стволы, истерзанные ветрами, застыли в мучительных позах, на себе деревья несли золотой и ярко-алый осенний убор. Золотисто-красный аккорд был полон радостного восторга. Было удивительно осознавать, что автор трагической радости — вот этот маленький, беспомощный человек.

Мы вышли на лестницу. «Плохо быть больным и бедным», — сказал Соломенцев. Я с ним согласился, но почему-то в душе продолжал радостью отзываться тот красный цвет. И до сих пор отзывается.

Только через много лет я узнал, что на картине изображено место, где находился сталинский лагерь уничтожения. В этом лагере погиб Матвей Егорович — отец Алексея Матвеевича и Степана Матвеевича.

«Ну, Яшка, ты и вылепил!..»

Виктор БУРЯ,
главный редактор издательского дома
«Частная коллекция»

Решение № 99
Исполнительного комитета Хабаровского городского
Совета депутатов трудящихся

89

от 15 декабря 1952 года.

«О сооружении памятника-монумента
Ерофею Павловичу Кабарову в г. Хабаровске.»

В связи с исполняемым в 1952 году столетием со дня основания города Хабаровска и в ознаменование этой юбилейной даты исполнительный комитет Хабаровского городского Совета депутатов трудящихся — р е ш и л:

1. Соорудить и воздвигнуть в 1953 году в г. Хабаровске памятник Ерофею Павловичу Кабарову.
2. Место сооружения определять на общественной площади напротив здания вокзала у сквера.
3. Принять за основу монумента представленную модель фигуры В.И. Кабарова работы скульптора А.И. Мильчина и поручить ему дальнейшую работу над монументом, определив его высоту от 3,5 до 4 метров.
Разработку архитектурной части поручить архитектору тов. высокому В.С. и Гейзенк А.А. Работу по проектированию и сооружению монумента провести через Хабаровское отделение художественного фонда СССР. «Сооружение архитектурной части поручить тресту «Хабгорстрой»».
4. Утвердить смету на строительство памятника в сумме 130 тысяч рублей, из которой стоимость монумента в бетоне 130 тысяч рублей и сооружения архитектурной части/постамент и планировка 100 тыс. рублей.
5. Финансирование строительства памятника осуществить за счет благоустройства города 130 тыс. рублей и за счет средств Управления № 1 — 100 тыс. рублей: выданы на сооружение памятника в 1952 году ..... руб.
в 1953 — ..... руб.
в 1954 — ..... руб.
6. Заключение договоров на сооружение памятника и контроль за его использованием возложить на отдел культуры Горисполкома. Исполнители

И.С. Прозоров, Председатель Исполнительного Комитета
Хабаровского городского Совета депутатов трудящихся
Секретарь Исполнительного комитета
Хабаровского городского Совета
депутатов трудящихся

В семье Мильчиных живет легенда о происхождении фамилии. Из нее можно узнать, что мильчане — это древние славянские племена, известные еще в X столетии. Название по-разному переводят, но чаще всего — великан, ислонин. Был, говорят, и поселочек такой — Мильчино или Мильчи, а выходцы из него непременно наделены талантами. Подтверждением служит то, что среди носителей таких и подобных фамилий много музыкантов, художников, писателей, искусствоведов и даже — мультипликатор. Однажды в адрес хабаровского скульптора Я. П. Мильчина пришел гонорар за его работу... в мультипликации.

Так вот, семье предков скульптора Мильчина все по легенде. Дед был поэтом, отец скрипачем, брат сочинял музыку, еще один брат (всего в семье было трое детей) рисовал, правда, потом перекавалифицировался в сапожники — профессия денежнее.

Итак, все началось 9 ноября в Бобруйске 90 лет назад, то есть в 1912 году. В семье еврея-музыканта родился третий мальчик, назвали его... Тут необходима пауза — Абрам-Янкель Юдка-Пейсахович Мильчин. Проще — Ян Пейсахович, еще проще — Абрам Петрович, разумеется, все тот же Мильчин.

Семья, в которой появился мальчик, выберем короткое имя Ян, была не просто бедной, она была нищей. Яну не исполнилось и пяти лет, когда умерла его мама... На дворе стоял, вернее, вихрем неся 1917 год, круша и изменяя мир...

Из самого раннего детства Ян Пейсахович четче помнил детский дом в Паричи. Паричи — это белорусское местечко в 40 верстах от Бобруйска вниз по реке Березине. В нем проживало тогда тысяча пять жителей, имелись две православные церкви и три еврейских молитвенных дома, женское духовное училище, а при нем образцовая школа, было еще два начальных училища, две больницы, аптека,

Хабаровские скульпторы Я. П. Мильчин и А. А. Ефимов.

Фото 1993 года

винокурный завод и почтово-телеграфное отделение. Занятие жителей в основном сводилось к торговле лесом.

Детский дом в Паричах новой властью был размещен в женском духовном училище. Там все свободное от учебы и хозяйственных работ время Ян рисовал. Воспитатели заметили эту страсть мальчишки и всячески шли ему навстречу. В ту пору у Яна появились свои собственные цветные карандаши. А еще он попробовал руками глину. Лепка увлекала его не менее чем белые листы бумаги. Сначала это были просто фантазии, затем учебное копирование с лепных форм и скульптур. Однажды, по просьбе преподавателей, Ян попробовал и, к своему удивлению, вылепил небольшой бюст вождя революции. Сделанный руками детдомовца Ленин понравился комиссии, приехавшей из вышестоящей организации. Яна похвалили, рекомендовали продолжить обучение... Но в Бобруйске скульпторов не готовили, а вот фабрично-заводское училище мебельщиков было. Специальность мебельщик хорошая и кормить-ся позволяла...

Что было потом? Переезд в Еврейскую автономную область. Это был уже 1935 год, Яну тогда шел 23-й год.

— Принято считать, что переселенцев на Дальний Восток двигало патриотическое чувство, некий порыв к созданию национальной области для поднятия национальной культуры, — вступила тогда в разговор супруга Мильчина Нина Лазаревна Герцвольф. — Например, еврейская семья Герцвольф бежала от голода на Украину.

Ян Пейсахович еще проще объяснял свой переезд: «Все ехали, вот и я поехал».

В Биробиджане его ждала учеба в педагогическом техникуме. И снова он лепит и рисует, и снова это его занятие привлекает к нему внимание. Ему предлагают сразу два места работы — в отделе иллюстраций газеты «Биробиджанская звезда» и художником-декоратором в театре. Главным в то время в газете был Генрих Казакевич, отец будущего писателя Эмануила Казакевича. Сам Эмка, тогда так все звали восемнадцатилетнего Эмануила Казакеви-

ча, был уже директором городского театра. Главным художником в театре был Гольберг. Под его руководством начал Ян учиться театральному искусству — расписывать задники и делать бутафорию — мебельщик все-таки. Видя, что паренек старается и у него получается, вновь предложили учиться. И не где-нибудь, а в Москве. Сказано — сделано, в 1937 году Мильчин едет в Москву.

Ему тогда невероятно повезло — он попал в студию ВЦСПС, которой руководили, вместе с Верой Игнатьевной Мухиной (кто не знает знаменитого «Рабочего и колхозницу?»), Лебедева и Иванова. Мухиной Мильчин понравился. Он привез тогда в Москву работы на библейские сюжеты и по мотивам повестей Шолом-Алейхема. Она же добилась того, чтобы Мильчина не только оставили в Москве, но и, спустя два года ученичества в студии, еще и приняли в институт. В 1939 году Мильчин — студент скульптурного отделения. Но завершить образование не дала война. Институт был эвакуирован из столицы в Среднюю Азию, а студент Мильчин, отложив инструменты скульптора, добровольцем отправился на фронт.

С 1942 года до победного Мая он на фронте. Весну 1945-го встретил в Праге. Был контужен, временная потеря памяти... Но справками не запасался, откуда ж было знать, что они приобретут такой вес? Даже наоборот, скрывал свои контузии и другие болячки, «подаренные» войной. В последние годы жизни фронтовые отметины часто стали давать знать о себе. Сильно болел, опять частичная потеря памяти... Но мы, извините, забежали вперед.

Отгремела война, он повзрослел, какая может быть учеба!.. Солдат Мильчин возвращается к речкам Бире и Биджану. Вновь работает в газете, теперь уже заведующим отделом иллюстраций в подчинении у редактора «Биробиджанской звезды» Фрадкина и так же, как и до войны, одновременно главным художником в театре. Отца Эмануила Казакевича к тому времени уже расстреляли. Эмка, сын его, едва избежал этой участи. Рассказывали, что кто-то успел предупредить: «Мол, жди, за тобой вот-вот придут...» Но Эмка ждать не стал, а исчез из Биробиджана. Никто не знал, где он, даже его жена. Потом выяснилось — уехал на Украину, где не было знакомых и родных. А во время войны объявился на фронте — дослужился до командира взвода разведчиков.

Работа в театре и в газете не давала Мильчину возможность лепить, но он все же умудрялся заниматься скульптурой дома. Нет-нет да и заглядывал к городскому начальству, просил выделить мастерскую, показывал на выставках бюсты депутатов Верховного Совета СССР от ЕАО, короче — убеждал, мол, дело нужное. И хотя мастерской так и не добился, польза от таких посещений все же была. Однажды получил заказ — не заказ, что-то вроде изготовления памятника самому известному в Союзе еврейскому писателю Шолом-Алейхему. Ради такого дела одну работу пришлось оставить, разумеется, и половины заработка лишиться.

Скульптура получилась, биробиджанское культурное начальство отправило ее на выставку в Хабаровск. Там тоже одобрительное кивание, но дальше... дело не пошло. Работу эту теперь не увидеть, утрачена она, как, впрочем, и бюсты депутатов. В семейном архиве остались только наброски проекта памятника. В самом Биробиджане можно еще найти несколько барельефов, сделанных Мильчиным...

И все же пользу хабаровская выставка принесла. Мильчин понял — Биробиджан ему тесен. Другое дело краевой центр, там есть скульпторы, художники, наконец, художественный фонд. Вскоре получили приглашение переехать. С жильем сразу не получилось, но кое-как устроились. В Хабаровске обзавелись детьми.

Как и в Биробиджане, Мильчин берется за любую работу. Одно время даже в кукольном театре подрабатывал — оформлял спектакли. И вот удача — получен заказ на скульптурную композицию «Последняя граната». Скульптору-фронтовику тема близка и понятна. Поэтому и работа без труда получилась. Жюри выставки 1948 года присудило ей первую премию, но для скульптора было важнее то, что «Последняя граната» понравилась зрителям. Скульптура была выполнена из гипса, разборная. Мильчин надеялся, что будет заказ на перевод ее в твердый материал (бронза или мрамор), но, увы... По словам вдовы скульптора: «Ни одна собака теперь не знает, куда она подевалась. И вообще — с его работами часто творилось что-то непонятное...»

Надо сказать, что Хабаровск очень круто изменил судьбу Мильчина. Он стал очень любопытен, у него появился круг друзей. Особенную роль сыграл Николай Иванович Рябов — ученый-историк, преподаватель педагогического института. Именно он разбудил у Мильчина интерес к истории освоения Дальнего Востока, привлек к изучению великих дел и подвигов первопроходцев. Мильчин твердо решил для себя — необходимо создать серию скульптур русских первопроходцев — Пояркова, Атласова, Дежнева, Чирикова, Хабарова... Первой стала скульптура Семена Дежнева, которая была представлена в 1950 году на всесоюзной выставке. Примечательно, что она вообще стала первой, представленной в Москве скульптурной работой хабаровчанина. Правда, в каталоге москвичи перепутали дату рождения и исковеркали фамилию автора.

Через три года, в 1953-м, Мильчин везет в Москву своего Ерофея Хабарова. О том, что из этой небольшой, до метра высотой, работы будет создан памятник, и мыслей даже не было. Там, в Москве, с помощью своего друга Эмануила Казакевича Мильчин нашел при церкви место для мастерской и многое изменил в композиции скульптуры. Впрочем, то, что сегодня видят хабаровчане и гости города на привокзальной площади, также имеет некоторые отличия от показанного в Москве. У Мильчина была привычка, кто говорит — плохая, а кто — хорошая, но сам он никогда не мог остановиться. Ему всегда казалось, ну вот еще чуть-чуть, и все... Процесс работы над любой его композицией не затишал даже тогда, когда скульптура была уже на выставке. Стоит ли говорить про те, что стояли в мастерской...

Но вернемся к Хабарову. После закрытия выставки скульптура была приобретена закупочной комиссией, и «поехал Хабаров по Европе». Будем честными, маршрут передвижной выставки включал не всю Европу, а только страны народной демократии.

В декабре 1953 года, в преддверии столетия Хабаровска, за пять лет, вроде бы заблаговременно, исполком принимает решение: «...Соорудить и воздвигнуть в 1955 году... памятник Ерофею Павловичу Хабарову... Принять за основу монумента представленную модель фигуры Е. П. Хабарова работы скульптора А. П. Мильчина и поручить ему дальнейшую работу над монументом, определив его высоту от 3,5 до 4 метров». Разработка архитектурной части, проектирование бетонного постамента и планировка площади поручались тресту Хабгорстрой. Здесь уместно заметить, тем, кто ведет разговоры про «нанайский шлем», который якобы «Хабаров топчит», — бетонным основанием памятника Мильчин не занимался.

Мильчин продолжает работать — по инициативе директора питомника Шуранова делает бюст Лукашову на его могиле, потом настал черед бюсту на могиле и самого Шуранова. В 1955—1956 годах не спеша работает над скульптурой «Рыбачка»...

Наконец бюрократические и финансовые заморочки вокруг сооружения памятника Хабарову преодолеваются, зашевелился тот самый петух, который вот-вот может

клюнуть... Мильчину освобождают один из цехов судостроительного завода, набирают штат помощников — процесс увеличения скульптуры до масштабов памятника пошел.

Скульптор работает самозабвенно — ваяет, вносит новые детали и вновь ваяет. Для него такие размеры — дело новое. Ладно, когда высота метр, все смотрится иначе, а когда — памятник...

И вдруг катастрофа, почти готовое сооружение «провалилось». Войдя утром в цех, все, кто помогал скульптору, были повержены в шок. Хабаров как бы присел и наклонился набок. В районе «живота» кольчуга пошла волнами, стала походить на жировые складки. Рука, не выходящая подол шубы, вытянулась... Внутренняя конструкция скульптуры, сделанная без всяческих расчетов, не выдержала веса и рассыпалась... Прутья арматуры оказались тонкими, а так как специалист-архитектор не привлекался, сам же Ян Пейсахович сделать такие расчеты был не в состоянии... Впору сквозь землю проваливаться, а Мильчину все произошедшее вроде бы даже понравилось — можно будет еще что-нибудь изменить или поправить... Он совсем не учитывал сроки, которые уже давно были сорваны. Выручил другой хабаровский скульптор — Бобровников. Он знал в этом деле толк, увидев случившееся, только и смог произнести: «Ну, Яшка, ты и вылепил!..»

Буквально насильно оттащив Мильчина от скульптуры, не давая ему что-либо еще менять, быстро где восстановили, где выправили, где долепили. Закрыли для сушки и вскоре повезли в Мытищи. Хабаров должен вернуться в город своего имени в Бронзе...

Мильчин был бы не Мильчин, если бы все прошло гладко. Мало того что прошли все сроки, еле-еле поспедали к юбилею. Пусть Хабаров фигурой подрос — от намеченной высоты увеличился почти на метр, так еще умудрился к сапогам приклеить десяток сантиметров. Как выяснилось потом, Мильчин даже не подозревал, что те, кто будет отливать скульптуру, сделают форму вместе с рабочим (временным) постаментом-площадкой, оставленной в ногах фигуры. Автор предполагал, что крепежная арматура будет вмонтирована в сами ноги фигуры, и она станет на бетонный постамент без каких-либо промежуточных прокладок. Когда же кран вынул из ящика прибывшую из Мытищ скульптуру и Мильчин увидел под ногами Хабарова отлитую из бронзы площадку, ему стало не по себе. Памятник и так был громадным на фоне того старого вокзала, он составил 11,5 метра с постаментом, но и рушилась задуманная композиция — первопроходец ногами должен стоять на обрыве, а не на ровной бронзовой площадке... Сейчас, особенно весной, заметны постоянно появляющиеся трещины между дном площадки и бетоном постамента. Как не замазывают, не прячут от глаз этот бронзовый довершок, он все равно дает о себе знать.

Недавно еще добавили металла к памятнику — табличку с именем автора. Теперь подошедший может прочесть — Мильчин Ян Пейсахович (1912—1994). Только вопрос возникает, а что же такое произошло после триумфа скульптора? Почему он более ничего подобного не смог создать? Когда-нибудь и эту историю узнаем, кто-нибудь сведущий дополнит рассказ о прекрасном скульпторе, который ушел от нас. На доме, где он жил, коллеги сделали памятную доску.

Главное же его творение — Ерофей Хабаров — все больше и больше приобретает популярность. Его изображения множатся в тиражах и в единичных снимках для семейного альбома. Скоро, возможно, дождемся, площадь подвернется реконструкции, и освободится Хабаров от хоровода дымящего вокруг него транспорта, и помолодеет. Будет выглядеть так, как он и выглядел, когда пришел позировать Яну Пейсаховичу Мильчину в его тесную хабаровскую мастерскую.

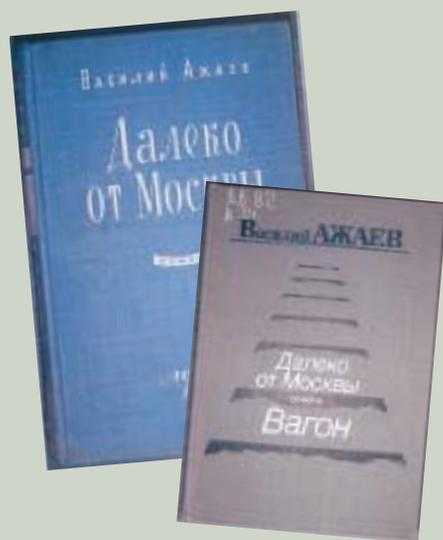
По материалам интервью 1993 года

РОМАН

Василия Ажаева

«ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ»-

классика социалистического реализма?

Валентина КАТЕРИНИЧ,
кандидат филологических наук
Рисунок и фоторепродукции
Николая ХОЛОДКА

В 1949 году в издательстве «Советский писатель» под редакцией Константина Симонова вышел роман Василия Ажаева «Далеко от Москвы» под грифом: «Решением Совета Министров Союза ССР Ажаеву Василию Николаевичу за роман «Далеко от Москвы» присуждена Сталинская премия первой степени за 1948 г.». До этого главы романа печатались в журналах «Дальний Восток» и «Новый мир». В конце 40-х годов прошлого века книга Ажаева стала подлинным бестселлером соцреализма, школьники тех лет, наверное, хорошо это помнят. Книга была не менее обязательна и популярна, чем «Как закалялась сталь» Николая Островского. Причем ее одобряло не только партийное руководство, но любил широкий читатель. За романом последовал кинофильм (1950). За полвека роман Ажаева издавался бесчисленное количество раз огромными тиражами. Были и подарочные издания с красочными иллюстрациями, были и аскетически строгие, как, например, в серии «Мужество» Хабаровского книжного издательства. Интересно, что текст от издания к изданию менялся, так что трудно назвать канонический вариант этого романа.

Дорогому Н.М. Роголь
на добрую память Ажаев

Во время съемок фильма «Далеко от Москвы». Писатель Ажаев беседует с актером Чхейдзе, исполняющим роль главного инженера Беридзе

В новейшем словаре «Биографии» Василий Ажаев представлен как автор романа «Далеко от Москвы», в котором «тяжелый труд заключенных на строительстве нефтепровода в тайге в годы Великой Отечественной войны изображен как трудовой подвиг свободных людей...»

В журнале «Новое литературное обозрение» (№40, 1999 г.) говорится о том, что история написания обоих произведений (имеются в виду романы Н. Островского и В. Ажаева) такова, что их создание заключалось не только в работе конкретного автора, скорее всего, это был результат коллективного моделирования, осуществляемого с помощью многочисленных редакторов. В результате редактирования оба романа превратились в образцовые тексты и стали на многие десятилетия моделью прозы соцреализма.

Однако если отвлечься от жестких оценок, сложившихся уже в постсоветском пространстве, и взглянуть в реальную историю литературы, то надо признать, что у этих книг есть своя судьба, не предусмотренная политическими вождями. Перечитывая сегодня роман Василия Ажаева, прежде всего можно увидеть, что у автора свой писательский почерк, что говорит он с читателем не на языке власти, а на своем собственном языке (разумеется, в рамках советского мировоззрения). Он очеловечивает эту систему изнутри, создает свое «Сказание о земле дальневосточной» — с добрым юмором и сочувственно-восторженным отношением к труженикам тыла.

«Воевать надо там, где тебя поставили старшие товарищи. Наше боевое задание отстаивать Москву на берегах Адуна», — убеждает московского инженера Алексея Ковшова парторг Залкинд. Оказывается, Адун, он же Адун-батюшка — это Амур. Так же зашифрованы в романе Ажаева другие географические точки: нужно доставить нефть по нефтепроводу с острова Тайсин (то есть Сахалин) до города Новинска (а это Комсомольск-на-Амуре). А руководство края находится в городе Рубежанске, который легко можно узнать по краткому описанию: **«Отсюда, с высоты пятого этажа, был виден весь город, привольно раскинувшийся на сопках. Крутонаклонные улицы его щедро освещало солнце, на крышах домов блестел снег. Широкий Адун полукругом охватывал город, и серое пространство замерзшей реки простиралось до горизонта».** Быть может, псевдоним для Хабаровска навеян названием журнала «На рубеже», который издавался в нашем городе? Или же тем очевидным обстоятельством, что автор не мог написать всей правды о лагерях и зеках, которые трудились на строительстве?

Но он сумел сказать очень много и о другом. Недаром Д. Гранин в предисловии к изданию 1989 г. заметил, что роман неожиданно приобрел историчность. В самом деле, едва ли современный читатель сумеет осилить это объемистое (700 страниц) повествование с множеством сюжетных линий и персона-

жей. Но для историка вообще и историка литературы особенно произведение Ажаева интересно, притягательно и даже загадочно.

Как и судьба самого автора знаменитого романа. Ведь Ажаев прибыл на Дальний Восток не по своей воле, а в качестве репрессированного — в вагоне с тюремными решетками на окнах и парашей в углу. Это произошло в 1935 году (по-видимому, на волне репрессий после убийства Кирова). Он отдал этому краю 15 лет своей жизни: работал сначала как зек, потом вольнонаемным, прошел путь от землекопа до инженера. Ажаев был талантлив в строительном деле (до этого уже имел опыт работы на химическом производстве в Подмоскovie). Одновременно он начинал как прозаик: в 1934 году в журнале «Смена» был напечатан его первый рассказ «Пять лет жизни»; учился в Литературном институте им. Горького. Оказавшись в таежной глуши среди строителей нефтепровода, Ажаев сумел реализовать себя не только как инженер, но и как писатель. Написал здесь свою главную книгу. Не только выстоял, но победил — счастливая судьба для того времени.

Ажаев постепенно вписался в Хабаровскую писательскую организацию (а ее представляли в то время такие известные имена, как Николай Задорнов, Петр Комаров, Дмитрий Нагишкин) и стал ответственным секретарем журнала. О первых чтениях рукописи романа, еще не имевшего названия, вспоминает Юлия Шестакова: **«Василий Ажаев внимательно слушал замечания товарищей, записывал то, что ему казалось важным. Порой обсуждения выливались в бурные и долгие споры, после чего автор спокойно собирал листы своей рукописи, складывал в папку и говорил, что услышал много полезного для себя и намерен продолжать работу дальше. Так было несколько раз до того, как в 1946 году журнал «Дальний Восток» начал публиковать первые главы романа «Далеко от Москвы».**

Чтобы проследить литературную технологию конца 40-х прошлого века, обратимся теперь к воспоминаниям Константина Симонова, который заметил публикацию в «Дальнем Востоке» и пригласил автора в Москву. Здесь, уже в редакции «Нового мира», продолжилась работа над романом будущего лауреата Сталинской премии. **«Мы встретились с человеком, очень твердым**

Василий Ажаев.
Рисунок Николая Холодка

в своих взглядах и в то же время очень восприимчивым ко всем тем дружеским советам, которые помогли ему сделать свой роман более цельным, строгим и стройным, — пишет К. Симонов. — *Он порой шел гораздо дальше, чем мы ему предлагали, писал новые главы и куски, в итоге составившие чуть ли не четверть того окончательного варианта романа, с которым познакомился потом широкий читатель... Есть авторы, которые больше всего любят себя и свою рукопись. Ажаев любит ту жизнь и тех людей, что стоят за этой рукописью». И так, четверть окончательно варианта составили переделки и дополнения. Если сравнивать журнальный вариант с книжным, их различия бросаются в глаза. Изменены прежде всего имена многих героев: Алексей Первов стал Алексеем Ковшовым, Абрам Израилевич Залкинд — Михаилом Борисовичем, а Кузьма Кузьмич Туполев превратился в Кузьму Кузьмича Тополева. Если сравнивать тексты отдельных изданий, в том числе посмертных (Ажаев умер в 1968 году), то легко можно заметить, что этот текст приглаживался в угоду политической конъюнктуре. Так, в бамовском издании романа 1976 года в главе «Утро седьмого ноября» опущены наиболее эмоциональные пассажи про то, как строители слушают по репродуктору речь вождя.*

Известно, что в конце жизни Василий Ажаев написал роман «Вагон», который, однако, был опубликован в «Дружбе народов» лишь 20 лет спустя. Здесь описывается, как «вагонезики» едут в тюрьме на колесах, как включаются в строительство БАМа. **«За что же вы меня замкну-**

ли, заточили, замуровали?» — размышляет молодой, ему всего лишь 19 лет, Митя Промыслов. Конечно, в нем угадываются автобиографические черты. Он, как и молодой Ажаев, в конце концов побеждает обстоятельства и становится крупным ученым по мерзлотоведению. Он, как и писатель, **«пронес через все эти испытания глубокую, непоколебимую веру в Советскую власть, в социализм, в правоту наших идей»** (эта цитата из предисловия Симонова 1966 г., и с ней нельзя не согласиться). Но культ личности он осуждает. Размышляя о статье Радека в новогоднем номере «Правды» 1934 г. под названием «Зодчий социалистического общества» (посвященной, естественно, И. В. Сталину), Митя приходит к выводу: **«Лесть доведена в ней до грани, после которой только пародия или карикатура».** Вполне возможно, здесь-то и кроются мотивы сфабрикованного против Ажаева дела.

До прочтения «Вагона» казалось, что роман «Далеко от Москвы» написан вполправды, а полная правда будет сказана в последнем произведении Ажаева. Ожидания, к счастью, не оправдались. Пристальное чтение «Вагона» помогло понять, что тема Ажаева — не обличение режима, а исполненная оптимизма вера в человеческие возможности. Человек Преодолевающий — таков герой обоих романов Ажаева. Конечно, на фоне лагерной прозы Шаламова и Солженицына «Вагон» прошел почти незамеченным. В сознании читателей Василий Ажаев по-прежнему остается автором одного романа «Далеко от Москвы».

Еще раз окинем взглядом роман «Далеко от Москвы». По тематике это образцовый производственный роман. Три богатыря. Три руководителя строительства — Батманов, Беридзе и Залкинд — решают почти невыполнимую задачу: построить нефтепровод не в 3 года, а за один год, причем строить зимой. Техническая сторона дела описана очень четко, ведь Ажаев профессионально разбирался во всех этих стыках, лепестковых муфтах, передвижных электростанциях, трактах и автоколоннах, в проблемах сварки при низких температурах и т.п. Пафос индустриализации, покорения природы — сквозная линия романа, и она подтверждает типовую принадлежность его к социалистическому реализму.

Однако преобладают все-таки черты именно ажаевского стиля. Во-первых, это разнообразие человеческих

характеров, населяющих роман. Не только Батманов, Беридзе Залкинд, но и Таня Васильченко, Умара Магомед и еще десятки персонажей выписаны не только с любовью, но тонким психологизмом. Во-вторых, это добрая улыбка, создающая особенный свет внутри ажаевского текста. Диалоги героев полны взаимного подтрунивания, иронии и самоиронии. В главе «Как они распределили обязанности» строители с юмором говорят о своей работе, а парторг даже позволяет себе такую реплику: **«Мое дело и того проще... с людьми разговаривать, развлекать их понемножку, чтоб не скучали».** А смешные речи сварщика Умары Магомета сделали его чуть ли не самым популярным действующим лицом романа. В-третьих, это своеобразный литературоцентризм Ажаева и его героев. Пушкин, Толстой, Маяковский, Горький — постоянные собеседники и помощники тружеников тайги, порою с классиками и спорят. Иногда на страницах романа разворачиваются литературные дискуссии. В главе «Двое на лыжах» Беридзе и Ковшов рассуждают о литературе и жизни. Из монолога главного инженера:

—Недавно я прочитал кое-какие книжки здешних писателей. Можешь себе представить, почти в каждой умильное воспевание тайги! ...Обо всем этом в свое время здорово написал Арсеньев, — зачем же его повторять? ...А мы с тобой годимся в герои романа?

—Не знаю, годимся ли именно мы. Но убежден, что наш нефтепровод — куда более достойный объект для литературы, чем все прелести первобытной тайги... Помоему, литература, когда в ней одни птицы и растения, а человека нет, — это не литература, это фенология в стихах и в прозе!

Даже с позиций сегодняшнего дня трудно упрекнуть Василия Ажаева в моделировании персонажей согласно нормативной поэтике социалистического реализма, настолько это живые люди. Кстати, они еще и патриоты далекого от Москвы края. **«Человек, охавший Новинск и удирающий с Дальнего Востока, — мой личный враг»**, — говорит мудрый Залкинд инженеру Ковшову. Но писатель Ажаев все же вернулся в Москву, в Москву, в Москву.

Выражаем благодарность Хабаровскому краеведческому музею им. Н. И. Гродекова и Кларе Николаевне Зиловой за предоставленные материалы.

У микрофона дикторы Бэлла Попович и Валерий Еремин

Х Г О В О Р И Т ! Хабаровск!

19 сентября 1927 года в эфире впервые прозвучали слова — «Говорит Хабаровск!». Это день рождения Хабаровского радио, день, когда началось регулярное вещание на Дальнем Востоке.

Лариса Ивановна Долгополова — один из старейших звукооператоров. Она и по сей день не расстается с родным Хабаровским радио

Людмила МИЛАНИЧ, член Союза писателей России

Няня, рассказывающая замечательные сказки; театр, где ты не видишь актеров, зато можешь, доверяя воображению, представить героев, какими придумаешь их сам; оперный театр, где — надо же! —

никто не разговаривает, все только поют, да так красиво. И все это было — радио. Над моей кушеткой висела черная тарелка, одаряющая всем этим волшебством. Она никогда не выключалась, и держала

нас в строгом временном измерении, сообщая постоянно, который теперь час. Я просыпалась с первыми звуками, которые (тогда я еще этого не знала) были «Интернационалом», нашим государственным гимном. И звала мелодия эта к чему-то высокому, омывала душу и заряжала бодростью. «Говорит Хабаровск» — слова звучали как пароль, пропускающий в удивительную страну, открывающий несказанные чудеса.

Отец мой был кларнетистом в симфоническом оркестре при Хабаровском радио, и как-то взял меня с собой — попросили привести ребенка прочитать стихи. Поставили меня на стул перед микрофоном (конечно, тогда я названия этого не запомнила), и после репетиции велели читать. И читала я про девочку, которая говорит о своей старости. И про то, что когда старость эта придет, она станет старенькой, седой и, надев очки, свяжет внучаткам одному — перчатки, а другому башмачки.

Игру «Летающие колпачки» и ватного Деда Мороза — свой первый гонорар — я

Макарий Петрович Зайкин. Именно он стоял у истоков Хабаровского телевидения, антенна которого вначале размещалась на крыше радиокомитета, и был первым его директором. Но через некоторое время Макарий Петрович вернулся на радио — режиссером. Его сын, Виталий Зайкин, потомственный телевизионщик, — один из первых телеоператоров Хабаровской телестудии

1955 год. С набережной Амура идет трансляция военно-морского парада. Репортаж ведет Михаил Филиппович Тебнев. Он один из первых дикторов радио, ставший учителем для многих дикторов, которые позднее приходили сюда. Тебнев — автор книги «Глазами старожил», посвященной дореволюционному Хабаровску

запомнила на всю жизнь.

Радио было воспитателем, утешителем, просветителем. Менялось и меняется очень многое, но таким я считаю радио и теперь. И когда привела меня судьба на родное Хабаровское радио — уже работать, — испытывала я трепет, как, впрочем, и по сей день, как будто добрый, но требовательный учитель доверил мне делить с ним труды его.

Людей нашего радио всегда отличала удивительная доброжелательность и умение радоваться удачам других. И — высокий профессионализм. Это была и есть замечательная школа жизни. И человек че-

Владимир Иванович Диордиенко — председатель Хабаровского радиокomiteта с 1946 по 1964 годы. Благодаря этому удивительному человеку в историю нашего радио вписаны яркие страницы. Именно Диордиенко привлекал для выступлений знаменитого трубача Эдди Рознера (правда, под другой фамилией), когда тот отбывал срок в ГУЛАГе. По тем временам это был очень рискованный шаг

1958 год. Трансляция первомайского парада. У микрофона засл. арт. РСФСР Мария Андреевна Протасова. Слева — М.Ф. Тебнев. В центре (в шляпе) — Дмитрий Александрович Сугробкин — диктор экстра-класса, талантливый чтец, выступавший со своими литературными концертными программами

ловеку (сейчас, увы, отношения стали несколько иными) был друг, товарищ и без всяких нотаций — пример.

Хотела я написать что-то вроде коротких воспоминаний, но поняла, что мне хочется назвать всех, кто был для меня Хабаровским радио. А еще — приехавших к нам и работавших во время гастролей замечательных актеров МХАТа, театров Вахтангова, Советской армии, прекрасных чтецов, музыкантов, певцов... О каждом по слову — и, пожалуй, журнала не хватит. Наша фонотека хранит живые голоса многих давно ушедших земляков и тех, кто бывал в гостях у дальневосточников. Это — золото, живые души, приносящие нам сквозь время и пространство непреходящее, вечное. Спасибо тебе, родное радио, за уроки добра и справедливости, за то, что открыло и открываешь прекрасное, за людей, ставших дорогими, за радость причастности к родной земле и ее людям. Пусть звучат эти два слова всегда — «Говорит Хабаровск!»

*И куда б судьба ни заносила
Нас на нашей маленькой планете,
Пусть даруют нам и свет, и силу
Дорогие позывные эти.*

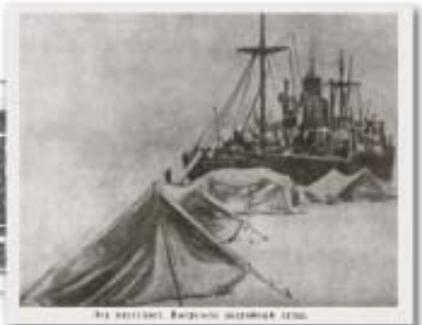
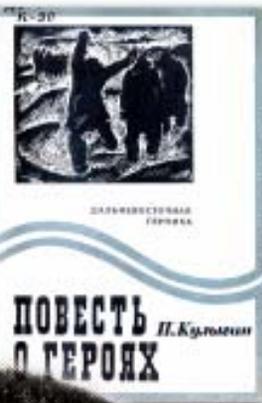

Дикторы Геннадий Павчинский, Бэлла Попович и заслуженный артист РСФСР Виктор Михайлов ведут репортаж с праздничной демонстрации на главной площади города

Иван Андреевич Никитин — радиожурналист. Сегодня на радио он ведет авторскую программу для ветеранов войны и труда

Безделье — страшный враг полярных зимовщи-
ков, прод...
Ва...
ра в...
поле...
ту...
набл...
для...
Ка...
ход...
во. Ему в этом акте...
конца изобретающие...
собы наиболее экон...
ва на тепло и свет...
деятивно в специал...
но...
вк...
ко...
по...
ух...
ш...
С...

ЗАВТРА первое
апреля. Заснули в тре-
воге, — а вдруг погода
испортится снова?

Петр Гаврилович Кулыгин, талантливый журналист и писатель, с 1932 года работал в хабаровской газете «Тихоокеанская звезда» и в краевом радиокомитете. Он был единственным из пишущей братии, кто принял участие в спасении челюскинцев. Его репортажи, передаваемые по радио из Уэлена, печатались в газетах «Известия» и «Тихоокеанская звезда».

МЫ ВСЕГДА ДОЛЕТИМ...

Клара ЗИЛОВА,

старший научный сотрудник литературного отдела Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова

Родился П. Кулыгин в 1906 году в Красноярске и с семнадцати лет стал газетчиком. Работал в «Красноярском рабочем», потом в «Советской Сибири», а с 1929 года в архангельской газете «Правда Севера». В 1932 году вместе с И. Шацким, И. Шабановым и А. Гайдаром он приехал в Хабаровск. Шацкий был назначен главным редактором «Тихоокеанской звезды», а Кулыгин его заместителем. Петр Гаврилович был настоящим журналистом, много ездил по краю, умел оперативно откликнуться на события. Через много лет В. Королев, работавший в тридцатые годы вместе с Кулыгиным в «ТОЗе», вспоминал: «Этот человек умел делать в газете все — от яркой передовой до острого фельетона. Очеркистом он был одним из самых лучших».

В 1933 году у Кулыгина вышла книга «Отступление дебрей» — одно из первых произведений о социалистическом строительстве на Дальнем Востоке. Автор прошел теми же дорогами, которыми ходил В.К. Арсеньев, и рассказал о переменах, происшедших в этих местах. Спустя год в Хабаровске вышла книга дальневосточных рассказов Кулыгина «На краю сердца». А в 1934-м П. Кулыгин как специальный корреспондент «Известий» и «Тихоокеанской звезды» стал непосредственным участником челюскинской эпопеи.

В то время корабль «Челюскин» отправился в путь с научной экспедицией О.Ю. Шмидта с целью за одну навига-

цию пройти Северный морской путь. К середине октября судно достигло уже мыса Ванкарем, однако сложная ледовая обстановка не позволила «Челюскину» подойти к берегу. Корабль оказался в ледовом плену. Южный ветер погнал льды на север, и «Челюскин» стал дрейфовать, все дальше уходя от берега. 13 февраля в 15.30 в 155 милях от мыса Северного и в 144 милях от Уэлена судно затонуло, раздавленное льдами. Научная экспедиция Шмидта и члены экипажа корабля (всего 104 человека, из них 10 женщин и 2 ребенка) высадились на льдину и образовали лагерь. Для страны было делом чести снять со льдины всех челюскинцев. На помощь послали дальневосточный ледорез «Литке», из Ленинграда через Атлантику и Панамский канал шел ледоход «Красин», из Хабаровска, прокладывая новую трассу Хабаровск — Ванкарем (6 тыс. километров), спешил М. Водопьянов, из Якутска прилетел И. Доронин, в Америку, для закупки самолета, посланы М. Слепнев и С. Леваневский, из Владивостока вышел корабль «Смоленск» с пятью экипажами и самолетами.

Сдав экстерном экзамены на должность моториста на пароходе «Смоленск», Кулыгин был прикомандирован к экипажу летчика Б. Пивенштейна. С великими трудами добравшись до лагеря челюскинцев, Петр Гаврилович принял самое деятельное участие в спасательных работах. Он рас-

чищал от снега взлетные дорожки, грел воду, скалывал лед с самолета. А ведь помимо этого у Кулыгина была главная задача: готовить и передавать репортажи в Москву и Хабаровск. Вся страна с замиранием сердца следила за рассказами журналиста о событиях в ледовом лагере. Два месяца потребовалось для спасения челюскинцев.

В июне 1934 года в Хабаровске проходила первая творческая конференция писателей и литкружковцев Дальнего Востока. По предложению Т.М. Борисова, старейшего писателя и ученого-рыбовода, Кулыгина избрали делегатом с правом решающего голоса на I Всероссийский съезд писателей. Здесь же его приняли в Союз писателей СССР. Очерки и рассказы Кулыгина печатались в журнале «На рубеже», который стал выходить с 1934 года (сегодня «Дальний Восток»). Петр Гаврилович собрал вокруг журнала актив, добился того, чтобы в газете «ТОЗ» была создана литературная консультация для авторов, сам работал с молодыми литераторами.

Еще во время челюскинской эпопеи П. Кулыгин задумал написать книгу и осуществил свою мечту. «Повесть о героях» впервые увидела свет в 1934 году, однако, повторяя трагическую судьбу автора, более четверти века она оставалась в безвестности. В 1936 году Кулыгин уезжает в Омск, а вернувшись в Хабаровск, работает литературным редактором на краевом радио. В одной из своих передач для детей, в которой шла речь о Маяковском, журналист использовал статью К. Радека. Накануне эфира К. Радек был арестован как «враг народа». В апреле 38-го дошла очередь и до Кулыгина. Его арестовали, обвинили в заполнении газеты «ТОЗ» вредными очерками. Приписали ему и то, что он якобы состоял в контрреволюционной организации и занимался шпионажем в пользу Японии.

Закрытое заседание суда прошло 7 августа 1938 года. После оглашения обвинения Кулыгин сказал: «Виновным себя не признаю, показания, данные мною, отрицаю, участником контрреволюционной организации не был. Ложно себя оговаривал. Больше ничем не желаю дополнить следствие и прошу суд о вынесении мне справедливого приговора...» Но все уже было решено: высшая мера наказания. Через десять минут после оглашения приговора Кулыгина расстреляли во внутренней тюрьме Хабаровска. А в августе арестовали жену Петра Гавриловича — Евгению Федоровну Марченко. Правда, через полгода ее выпустили, но потрясение не прошло для нее бесследно. Евгения Федоровна умерла очень рано — в 1947 году, когда ей было всего 38 лет. И только в 1957 году Петр Кулыгин был реабилитирован.

В Хабаровском краеведческом музее в собрании литературного отдела есть небольшой фонд П.Г. Кулыгина. Эти материалы передала его дочь, Мария Петровна Кулыгина, по крупицам собиравшая все, что можно было собрать об отце. Ее мать, Евгения Федоровна, сумела сохранить книгу мужа «Повесть о героях», совместную фотографию, сделанную во время отпуска в Кисловодске, вырезку из газеты «Правда», где на снимке 1934 года вместе с А. Фадеевым запечатлены П. Кулыгин, И. Шабанов, Эми Сяо, Б. Пивенштейн, А. Гай, Н. Пысин, Ф. Зуйков — делегаты I съезда писателей от Дальнего Востока. Сохранила Евгения Федоровна Марченко и рукопись поэмы Кулыгина «Про Дальний Восток», которая так и не была опубликована. Поэма Петра Гавриловича написана от руки в школьной тетрадке в линейку, на первой странице — посвящение: «Моей дочке — дальневосточнице Маше, которая тоже будет богатырем».

Маша сохранила память об отце. А Петр Гаврилович оставил дочери и всем нам замечательную книгу о подвиге научной экспедиции О. Ю. Шмидта, команды корабля «Челюскин», летчиках, ставших первыми Героями Советского Союза. Когда-то, на митинге в Уэлене в 1934 году, летчик М. Водопьянов сказал: «Мы встречаем 1 Мая, как и всюду в нашей стране, победой!... Рядовые советские самолеты донесли нас сюда и вывезли всех людей со льдины. И всегда так будет! Мы всегда долетим до любой точки, какую нам укажет Родина!»

И хотя у Петра Кулыгина был прерван полет, он все равно долетел до нас своими книгами, мыслями, мечтами.

Н. П. Каманин (справа), П. Кулыгин и Я. Гаккель, картограф-геодезист экспедиции на «Челюскине» в день возвращения во Владивосток

Группа дальневосточных делегатов с А. Фадеевым. Слева направо: Шабанов — прозаик, Фадеев, Эми Сяо — поэт, летчик Пивенштейн, П. Кулыгин — писатель; стоят сзади: Анатолий Гай — поэт, Николай Пысин — прозаик, Ф. Зуйков — поэт. Газета «Правда», 1934 г.

П. Кулыгин с женой Е.Ф. Марченко. 30-е годы

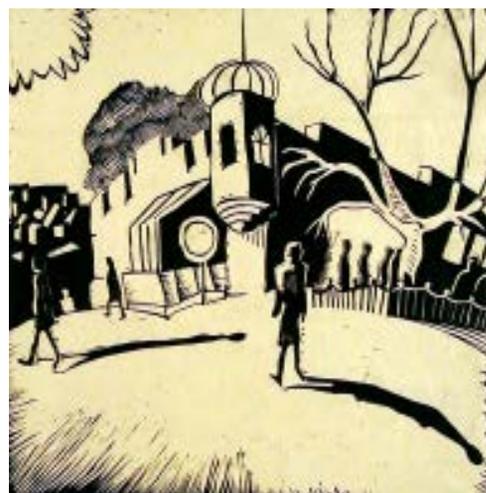

КОГДА ДЕРЕВЬЯ БЫЛИ МАЛЕНЬКИМИ...

Светлана СОЛОВЬЕВА,
искусствовед, заведующая отделом современного искусства
Дальневосточного художественного музея
Фотографии **Валерия МАЙОРОВА**

Уже много лет Дальневосточный художественный музей формирует свои тематические коллекции. Их несколько, и условно они носят рабочие названия, отражающие содержание произведений: «Военная», «Автопортреты и портреты художников», «Аборигенная», «Нон-конформисты», «Эротика в искусстве», «Дальневосточное искусство», «Русское зарубежье», «Искусство социалистического реализма». Тематический принцип, лежащий в основе отбора экспонатов для этих коллекций, дает возможность серьезно и в широком диапазоне знакомиться с историей искусства.

Шишкин А.В. 1898-1963. «Стадион им. Ленина». 1961. Бумага, акварель (ДВХМ)

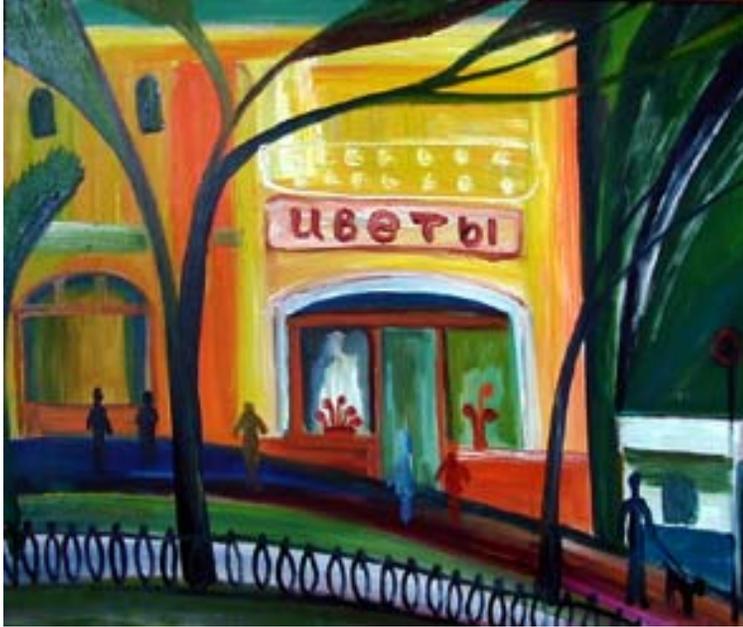

Лепетухин А.П. Р.1948. «Улица». 1970. Бумага, линогравюра (ДВХМ)

Лепетухин А.П. Р.1948. «Фотограф в парке». 1981. Бумага, восковая пастель (ДВХМ)

Немногочисленные экспонаты живописи и графики, объединенные в тематическую коллекцию под условным названием «Хабаровск», не отличаются масштабностью авторских замыслов и зычным парадным воплощением. В большинстве своем это небольшого формата этюды и наброски, воссоздающие образ Хабаровска в разные годы. Наиболее ранние произведения из этой коллекции датируются концом XIX века. Не богато здесь и с именами. Для большинства местных художников эта тема не стала основной в их творчестве. Объяснение этому простое — в свое время в масштабах искусства государственного, именуемого соцреализмом, эта тема считалась мелковатой и не была востребована. Постперестроечный период вывел в лидеры искусство формальных поисков и экспериментов, где не было места реалистическому городскому пейзажу с его повествовательностью и лиризмом. Но именно эти качества способствовали переходу городского пейзажа в разряд коммерческих жанров, что несколько ослабило его общий художественный уровень. «Пейзаж на продажу» стал обычным «оригинальным» туристическим про-

Бирюков В. Д. Р. 1955. «Сумерки». 1994. Холст, масло (ДВХМ)

Борисов В.И. «Вид Хабаровска». 1927. Бумага, акварель (ДВХМ)

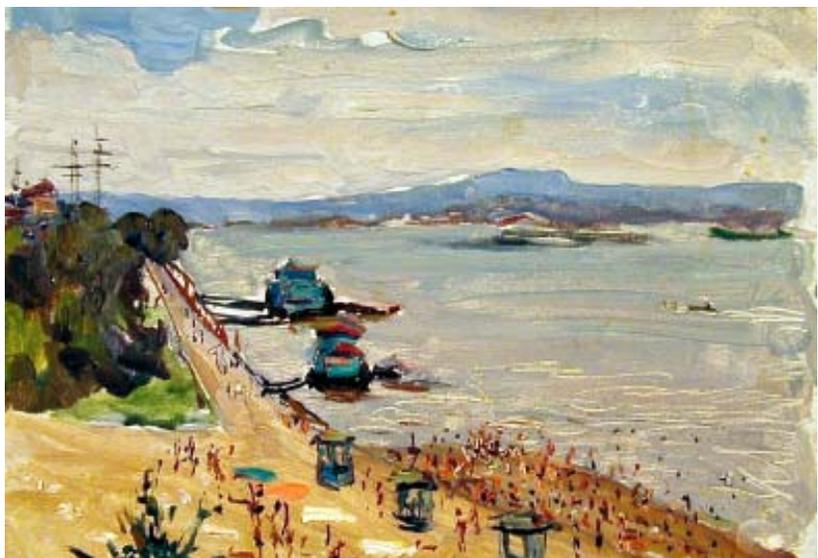
по своей достоверности соперничать с любым архивным документом, а по силе своего эмоционального содержания и пластической выразительности превосходят любое репрезентативное полотно.

Свойственные этому непосредственность, спонтанность и живость действительно заставляют думать, что «картинка» живая, что еще мгновение, и мы услышим голоса летнего «пля-

дуктом, призванным компенсировать отсутствие в городе сувенирной полиграфии.

Но далеко не всякий художник может позволить себе поставить на поток подобное «изопроизводство». Для человека творческого это невозможный процесс. Художник интересен тогда, когда он непредсказуем, когда может удивлять и удивляться, когда каждое мгновение для него неповторимо и чудесно, а мир необъясним. В этих условиях на свет появляются подлинные шедевры, способные на протяжении многих лет и веков сохранять чудесную силу искусства, дух времени и образ творца. Возможно, пафос здесь не совсем уместен, но уж очень хотелось сказать о главном предназначении художника и о его ответственности перед самим собой и будущим.

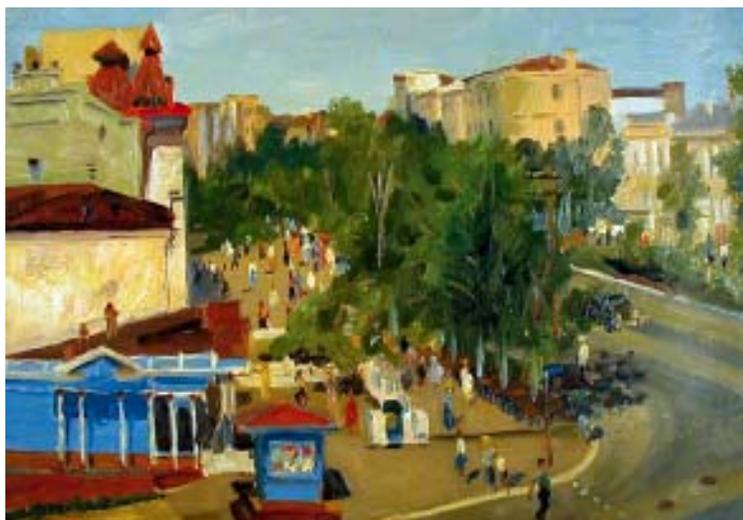
Авторы, чьи имена упомянуты ниже, вряд ли специально ставили такие задачи, скорее всего, они так жили, так творили и иначе не могли. Именно поэтому их далеко не программные произведения покоряют нас свежестью красок, оригинальным видением и мастерством исполнения. Этюды А.В.Шишкина, В.П.Беляева, В.И.Борисова запечатлели виды старого Хабаровска. Эти уникальные и бесценные художественные произведения 20 — 30-х годов способны

Гусак Г.В. 1900-1981. «Хабаровск. пляж». 1963. Картон, масло (ДВХМ)

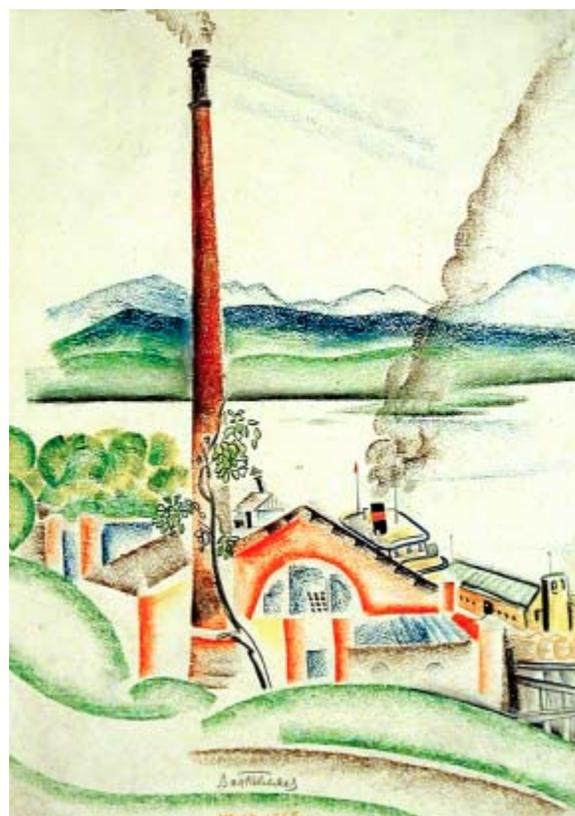
Шофман Д.С. 1919-1976. «Улицы Хабаровска. Конец 50-х».

Картон, масло (ДВХМ). Дар Кретовой Н.Г.

Беляев В.П. 1901-1942. «Хабаровск». 1928.

Бумага, карандаш (ДВХМ)

Шишкин А.В. 1898-1963. «Хабаровск сегодня». 1960-61. Бумага, акварель (ДВХМ)

жа», шум «Муравьева-Амурской» улицы, вдохнем запахи «новой набережной» и «затона». Рассматривая старые рисунки и акварели, иначе осознаешь свою жизнь в этом городе, и почти физически ощущаешь непрерывность течения времени и неизбежность грядущих перемен.

Счастливым и беззаботным предстает Хабаровск в этюдах 50-х годов Г.В.Гусака и Д.С.Шофмана. И в этом есть большая правда: победа в войне вселила в сердца наших людей невиданный энтузиазм, сподвигла на трудовые подвиги и подарили все радости мирной жизни. Советские города преобразались и хорошели. Временем большого социалистического строительства стали для Хабаровска 60-е годы. В акварелях А.В.Шишкина город дышит здоровьем и молодостью. Праздничными интонациями заряжен каждый мазок, мажорная цветовая гамма создает настроение приподнятости и сладкой ностальгии по «коммунистическому раю».

С немалым размахом страна переживает 70-е. Это десятилетие стало эпохой БАМа.

Шишкин А.В. 1898-1963. «Китайская слободка». 1936. Из цикла «Старый и новый Хабаровск». Бумага, тушь, перо, кисть (ДВХМ)

Тема «всесоюзной стройки» стала главной в творчестве дальневосточных художников. Почти все они равнодушно пробежали по своему городу, а их возбужденное творческое «я» билось в поисках образов «бамовской» романтики. Результат превзошел все ожидания. В их творчестве нашел свое полноценное воплощение авангардный творческий метод, окрещенный искусствоведами «монтажной графикой». Великолепные графические серии Ю.Быкова, В.Амельянчика, В.Смирнова, В.Чайки, В.Артеменко, А.Гурикова прозвучали гимном дальневосточному искусству. Многие из этих авторов успешно работали и с тематикой менее героической. В середине 80-х Александр Гуриков создает свою замечательную серию офортов «Город», где впервые Хабаровск предстает в облике современном и непривычно агрессивном: резкие очертания домов с доминирующими вертикалями, строгие локальные темные цвета, четкие контрасты света и тени, ломаная перспектива и совсем другой жизненный ритм. Хабаровск 80-х воспринял динамику нового времени, а художники мгновенно ощутили его драматическое содержание. Цикл офортов Роберта Юрьнова «Про-

Хрустов В.П. Р.1954. «Кирпичные дома». 1989. Холст, масло (ДВХМ)

Патехина Н.И. 1948. «Дорога». 1990.
Бумага, тушь (ДВХМ)

гулки по городу» по-блоковски мрачен и тревожен: улицы опасны, люди одиноки, воздух пропитан мистическими страхами.

Сказочно наряжен, приветлив и беззаботен город в работах Вадима Федорова, Александра Лепетухина и Владимира Бирюкова. Авторская непосредственность и нарочитая наивность возвращают зрителя в мир счастливого детства, в мир каруселей, игр и лакомств. Мотив периферийного хабаровского двори-

Смелов А.П. 1911-?. «Под Казачьей горой». 1930-е (?). Бумага, карандаш, белила, гуашь (ДВХМ)

ка с неизменными лавочками, песочницами и тополями стал одним из любимых в творчестве хабаровской художницы Нелли Патехиной. Традиционно работая с легкими материалами, она с большим мастерством передает на бумаге состояние незыблемой патриархальности, душевного комфорта и умиротворенности. Явный топографический уклон в выборе жанра характерен для сегодняшнего творчества Владимира Хрустова. Используя весь свой арсенал живописных средств, он без устали воспроизводит милые сердцу горожан виды. Его богатый этюдный материал часто находит воплощение в полноценных форматных и законченных произведениях.

Однако приходится заметить, что в последние годы состояние этой части музейного собрания почти не меняется. Коммерческий спрос значительно упростил подход к художественным трактовкам городского пейзажа. Второсортные, средненького уровня штампы почти вытеснили то настоящее, что помогает многим поколениям хабаровчан видеть и со-

Гуриков А.В. 1941. «Комсомольская площадь». 1985. Из цикла «Город».
Бумага, офорт (ДВХМ)

Федоров В.И. Р.1947.
«Площадь». 1970-е.
Бумага, цветной
карандаш (ДВХМ)

здавать уникальный образ родного города.

Сегодняшние живописные «дворики», «домики» и «улочки», возможно, и не обладают музейной ценностью, но для многих могут стать предметом страстного коллекционирования. Ведь предаваясь этой благородной страсти, каждый из нас может создать свой уникальный музей, музей своих чувств и воспоминаний, своих вкусов и ценностей. И уверяю вас, что вопреки расхожему обывательскому мнению, музей — это не мертвое хранилище экспонатов, а живой и очень творческий организм, дарящий человеку удивительную радость общения с прекрасным.

Юрьнов Р.А.
1941-2001.
«Зимний день». 1987.
Из цикла «Прогулки по
городу». Бумага, офорт
(ДВХМ)

ПАЛИТРА ХАБАРОВСКОЙ КЕРАМИКИ

Светлана ЖУК, искусствовед

Именно Дальний Восток является регионом древнейшей в мире керамики, образцы которой найдены археологами на местах Селемджинской и Осиповской стоянок по берегам Амура и датированы эпохой ледникового периода (10 — 13 тысяч лет назад). Археологические раскопки, проводимые во второй половине XX века известным российским ученым А.П. Окладниковым на территории Хабаровского края, явили миру удивительные образцы художественного творчества древних гончаров, населявших Приамурье в эпоху неолита 5 тысяч лет назад. Амурская посуда изготавливалась без применения гончарного круга и была украшена узором или спиралевидным орнаментом. Следы древнего творчества и сегодня можно созерцать на амурском берегу у села Сикачи-Алян в наскальных антропоморфных изображениях и масках, получивших назва-

**Блюдец
«Хабаровск». 1998 г.
Авторы Л. Т. Плаксий и
Г. В. Кун**

**Хабаровский завод
художественной кера-
мики — центр гончар-
ного народного худо-
жественного промы-
сла Приамурья, кото-
рый поддерживает и
развивает традиции
керамических про-
мыслов на Дальнем
Востоке.**

ние «личины». В орнаментах декоративно-прикладного искусства аборигенов Приамурья — нанайцев и ульчей — также прослеживаются аналогичные антропоморфные и зооморфные изображения.

В середине XIX века территория Дальнего Востока заселяется русскими и украинцами, которые принесли свою культуру и традиции, в том числе и гончарные. Нарядная керамическая посуда — горшки, крынки, миски и кружки — производилась в селах кустарным способом на потребу дня, но тем не менее на Приамурской промышленной выставке 1913 года работы тех мастеров были отмечены похвальными грамотами. В период революции, Гражданской войны и укрепления обороны дальневосточных границ гончарные промыслы зачухали. Потребность в керамике восполнялась за счет ввоза посуды из центральной части России и из-за границы.

В 1923 — 1927 годы правительство стало принимать меры по возрождению погибших народных художественных промыслов: в Москве созданы единый координационный центр и Музей бытового искусства, восстановлен столичный Кустарный музей.

С целью возрождения и развития кустарных гончарных мастерских на территории Хабаровского края в 1973 году в Хабаровске построен завод художественной керамики, вошедший в структуру производственно-экспериментального объединения народных художественных промыслов и сувениров местной промышленности. Этому предшествовала большая работа специалистов Московского научно-исследовательского института художественной промышленности, которые, начиная с 1962 года, разработали технологию изготовления керамических изделий на основе красножгущихся глин Корсаковского и Даргинского месторождений Хабаровского края и в лабораторных условиях изготовили опытную партию изделий с нанесенным по сырцу декором нанайских орнаментов.

В 1973 — 1975 годы первый директор Г. Я. Павлей привлек в творческую группу завода семью старейших гончаров Зыковых из горшечной мастерской хабаровского «Зеленхоза», выпускнику художественно-графического факультета Хабаровского пединститута Л. Т. Плаксий и гончаров из окрестных сел, которые разработали об-

**Набор «Цветение».
1992 г.
Авторы Л. Т. Плаксий и
Т. Г. Немченко**

**Ваза «Фиеста». 2000 г.
Автор А. С. Ячменникова**

разцы первых глиняных изделий. Выпускаемые заводом в небольшом ассортименте наборы для кваса, кашпо, небольшие вазы для цветов, штофы для вина, кружки и миски быстро раскупались и пользовались спросом. Формы изделий варьировались в традициях русской и украинской керамики, декорировались поливами разноцветной майоликовой глазури и росписью ангобами. Сюжеты и колорит росписей черпались в многоцветной палитре дальневосточной природы.

С приездом в 1976 году выпускницы Абрамцевского художественно-промышленного училища И. А. Оркиной завод начинает выпускать декоративные вазы, пельменницы, жаровни, мелкую пластику, декорированную гравировкой по сырцу с росписью окислами металлов, аэрографией цветными майоликовыми глазурями. В живописной посуде 1976 — 1980 годов начинает ощущаться самостоятельность и независимость. Живопись подчеркивает пластические достоинства ваз и сосудов, акцентирует внимание на рельефе, выполненном процарапкой, создает занимательный элемент в керамическом изделии.

Творческий коллектив завода, совершая многочисленные экспедиции по краю, привнес в изготовление керамических изделий неповторимую экзотику искусства коренных народов Амура: тотемные «личины» тигров, медведей и рыб органично вошли в орнамент и сюжетные росписи. Таковы вазы «Сикачи-Аляна» (1976 г.), «Петрографы Сикачи-Аляна» и «Праздничная» (1979 г.), где в единое целое слиты личные впечатления от другого вида искусства, наблюдения за природой Дальнего Востока и плоды авторской фантазии.

В конце 70-х — начале 80-х годов XX века хабаровские мастера создавали свой неповторимый стиль в форме и росписи декоративной и бытовой посуды, который включал не только формовку и литье, но и свободную художественную лепку, не только декорирование поливами и ангобами, но и сочетание росписи с нанесением «процарапки» по сырцу — стиль, который вырабатывал свой метод нанесения изображения, определял красочную палитру, утверждал свои темы и образы, осваивал композиционные приемы и способы написания пейзажей, растений, животных.

С 1985 по 1989 годы на заводе работает О. П. Коковцева, выпускница Абрамцевского училища, практиковавшая некоторое время на одном из гжельских предприятий. В изделиях появляется новая форма, близкая русской традиции: наборы для молока, квасники, расписанные глазурями по мокрой терракоте кистью.

В живописных росписях изделий перед нами предстает эпическое многообразие дальневосточной природы. Майоликовые и глазурные росписи выполнены в реалистическом стиле. Умение владеть линией и отчетливым мазком, создавать гармонию цвета — все это составляет достоинство хабаровской керамики. К 1990 году складываются каноны, отличающие хабаровскую керамику от глиняных изделий других промыслов. Во-первых, для всего разнообразия росписи изделий наиболее характерны несколько композиционных схем. Во-вторых, выделение фона композиции с учетом круглой поверхности формы и сплошное его распи-

Блюдо «Сувенирное».
1999 г.
Авторы Л. Т. Плаксий и
В. Ф. Зорькин

Вазочка «Казачок».
1999 г. А. С. Ячменникова

Ваза «Тигриной тропой».
1998 г.
Авторы Л. Т. Плаксий
и А. С. Кун

сывание животными, пейзажами, букетами, орнаментами. В-третьих, простые, но постоянные мотивы природы Дальнего Востока, национальных орнаментов славянских народов и народностей Амура, носящие обобщенный характер.

В 1992 году завод возглавил новый директор Н. С. Гришин. В это же время создана экспертно-творческая группа специалистов для разработки новых форм и видов керамических изделий и повышения их качественного уровня в традициях существующего народного художественного промысла. В целях экономической целесообразности завод перешел на глину Матвеевского месторождения близ Хабаровска. Пришедшие на завод в 1995 — 2001 годах выпускники худграфа Хабаровского ледуниверситета Е. Н. Чарыкова, О. В. Морозова, А. С. Ячменникова создают новые формы (напольные вазы, настенные блюда и тарелки, пасхальные яйца, подсвечники, панно-композиции), декорированные лепной цветовой, нарезкой и гравировкой по сырцу и росписями, совмещающими ангобы и майолику.

Сегодня в ассортименте Хабаровского завода художественной керамики более 200 наименований изделий. Коллектив предприятия использует все традиционные способы изготовления изделий: литье шликерной суспензии в гипсовые формы, формовку по шаблону из пластичной массы на формовочном станке, свободное формование из пластической массы на гончарном круге, жгутовый метод, литье основы с последующей художественной лепкой, свободную лепку из пластической массы. Разнообразные способы украшения керамики придают ей неповторимый колорит ручной художественной работы. Художники освоили многоцветную мазковую роспись ангобами, которая наносится по терракоте и покрывается сверху глазурью. Сочетание художественной аэрографии и сложной многоцветной кистевой росписи с элементами сграффито (процарапки) дало возможность использовать в декоре керамических изделий богатейшую растительную и пейзажную тематику Дальнего Востока.

В последние годы на заводе используются смешанные способы декорирования гончарных изделий, достигая таким образом эффектов самобытности и очарования. По напыленному черепку наносится роспись черного цвета, а затем следует процарапывание тонкой иглой мельчайших элементов рисунка. Обводка тонкой кистью проявляет роспись: на листьях появляются прожилки, цветы оживают. Способ декорирования по «живой» глине уходит своими корнями в глубокую старину. По археологическим обломкам керамической посуды, найденной на территории Хабаровского края, мастера завода возродили технику, суть которой сводится к нанесению орнамента или рисунка по сырцу стеками различного профиля. Таким образом декорированы кашпо «Арго», горшки для цветов «Конус», «Ромашка», «Тутти», «Овальный», ваза «Чудачка».

По-прежнему Хабаровский завод художественной керамики — гордость города и края. Он неоднократный дипломант городских, региональных, республиканских и зарубежных выставок, представитель коллективного народного творчества в Российской ассоциации художественных промыслов.

Яростный Цициновский

Хабаровск 60-х — это деревья, устремленные в небо, широкие улицы, ранние фонари и поток зрителей, спешащих в театр. Там в сдержанном гуле голосов, блеске глаз, шелесте программ — ожидание. Вот сейчас тяжелый бархатный занавес вздрогнет, поплывет в стороны — и любимый театр покажет свою новую премьеру.

Осенью 62-го коллектив краевого театра драмы возглавил заслуженный артист Армянской ССР, ученик Н. Охлопкова Ян Цициновский — красивый человек в безупречном костюме с аристократическими манерами. Костяк труппы к тому времени составляли такие артисты, как М. Барашкова, А. Кирикова, М. Храбров, Н. Медведева, Р. Каненко, А. Егоров.

Цициновский, зрелый мастер, три года назад поставивший на сцене столичного театра им. Маяковского спектакль по пьесе Сарояна «В горах мое сердце», принес в театр творческую неуспокоенность, повышенные профессиональные требования, взыскательность. Новый главреж не искал проторенных путей в создании репертуара. Об этом можно судить по афише тех лет. На сцене хабаровского театра были осуществлены постановки таких редко идущих пьес, как трагедия А. Толстого «Царь Федор Иоаннович», хроника Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети», трагедия Шекспира «Король Лир» (оформление спектакля было выполнено по эскизам московского художника К. Кулешова, музыку написал Д. Кабалевский, песенку шута хабаровский композитор Ю. Владимиров), чеховский «Иванов». Театр работал также и с местными авторами. Именно Цициновский, смело преодолевая драматургическую слабость, поставил одну из пьес Валерия Шаврина «Семья Плахова». Пьесу, изруганную критиками, но неизменно тепло принимаемую зрителями всех возрастов. Кстати, дебют Шаврина-актера на хабаровской сцене совпал с режиссерским дебютом Цициновского в спектакле по пьесе С. Алешина «Палата», где наряду с признанными мастерами Егоровым и Храбровым критики отмечали обязательнейшего Шаврина в роли Гончарова. Его герой «по-солдатски прямой, душевно открытый завоевывает безоговорочное расположение зрителей».

Таким образом, к 1965 году, сформировав труппу, которой был по плечу разнообразный репертуар, театр начал готовиться к отчетным гастролям в Москве. Для этого надо было пересмотреть спектакли сегодняшнего репертуара и пополнить афишу новыми названиями. К 20-летию хабаровского драматического Цициновский взял в работу пьесу Е. Яновского «Ярость» — почти забытую старшим поколением и вовсе не известную современным зрителям не только молодого, но и среднего возраста.

В Москве состоялась премьера «Яро-

Сцена из спектакля «Семья Плахова». Народная артистка РСФСР Е. Паевская, народный артист России М. Кацель

Ян Цициновский

Как же надо было верить в свои силы и возможности труппы, чтобы дерзнуть повезти в Москву нигде донине в стране не ставящуюся пьесу Шона О' Кейси «Костер епископа», неизвестную «Ярость» и спектакль «Царь Федор», памятный москвичам по работам в нем Хмелева и Добронравова! К тому же август в столице — месяц нетеатральный. Кто пойдет смотреть спектакли неведомого театра из Хабаровска. Однако и на «Царя», и на «Короля Лира», и даже на пьесу начинающего хабаровского драматурга Валерия Шаврина «Семья Плахова» зал собирал аншлаги. Слухи о том, что приехал хороший театр, разнеслись быстрее, чем развернули свою работу критики и рецензенты.

«Царь Федор Иоаннович». Артист М. Седнев и заслуженная артистка РСФСР М. Барашкова

сти». Это был риск, но риск оправданный. Перед открытием занавеса волновались все — участники спектакля, работники цехов, руководство. Однако спектакль «страстный, наполненный какой-то взрывной силой, — писала московская газета «Известия» от 8 сентября 1965 года, — явился двойным открытием, вторым рождением несправедливо забытого драматургического произведения и открытием интересного талантливого коллектива, сумевшего придать новый смысл событиям 35-летней давности. Пьеса в режиссерском прочтении Яна Цициновского прозвучала как гимн человеку, свободному от эгоистических устремлений...»

Надо отметить, что спектакля равного «Ярости» по выразительности, страстности, темпераменту не было ни у га-

стролировавших в тот год в Москве горьковчан, ни у оренбуржцев. Это была победа, которой по праву можно гордиться.

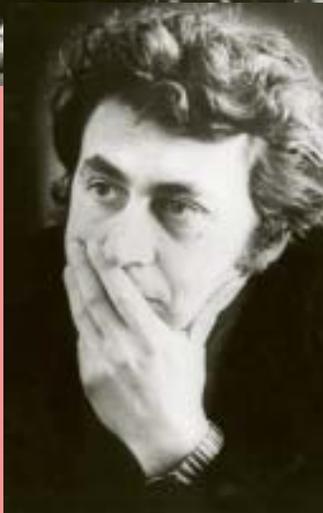
Образом спектакля «Ярость» стало оранжевое раскаленное небо и крутой горб деревенской улицы. В сценографии художника Бориса Локтина воплотилась сама эпоха, сложная, вздыбленная, героическая, с яростными схватками двух противостоящих друг другу сил. Эпиграфом к спектаклю можно было смело поставить слова одного из персонажей: «Мы всю нашу жизнь по-новому перепашем». Ян Цициновский поставил «Ярость» как героическую драму, в которой жили, боролись, действовали простые люди, труженики. Казалось, что, ратворясь в актерам, режиссер заразил их своим вдохновением, одержимостью.

«Дракон».
В. Ангарский

Станислав Таюшев

«Дракон».
В. Ангарский,
А. Волжина

«Вглядитесь в его лицо, — писал рецензент «Молодого дальневосточника», — с первых минут он поражает необычайной романтичностью и даже нереальностью. Душа, полная достоинства и отваги, — выше этих жалких униженных душ. Он профессиональный Герой, он жаждет битвы с врагом, он говорит возвышенно, он чисто любит — он рыцарь».

ХАБАРОВСК ПО-МОСКОВСКОМУ ВРЕМЕНИ

Светлана ФУРЦОВА

Любой театр за свою историю переживает как периоды расцвета, так и череду будней, в которых каждодневный труд, репетиции, невидимые миру слезы кажутся нескончаемой однообразной полосой. Однако ценность театра определяют те редкие мгновения творческого подъема или триумфа (кому как повезет), выделяющие из безликой массы яркие личности.

Два режиссера, работавшие в хабаровских театрах с разницей в семь лет, оставили после себя легенду. С пожелтевших газетных полос, фотографий, афиш словно сквозь время проступают черты людей, в разное время составивших славу и гордость театрального Хабаровска. Ян Цициновский и Станислав Таюшев... Знаменитые 60-е в драме, когда триумфально прошли в Москве гастроли театра, и 70-е в ТЮЗе, годы, о которых еще долго будут вспоминать очевидцы, украшая свои рассказы новыми подробностями.

«С приходом Цициновского в театр, — писал Борис Волгин в «Московской правде» от 4 августа 1965, — хабаровский театр живет по-московскому времени... Чувства здесь пронизаны страстью, мысли остры и открыты, движения души энергичны и решительны, речь ясна и полнозвучна».

Судя по отзывам, в спектакле не было полутонов, ибо высокая правда, накал страстей определили его решение, обеспечив успех. Спектакль явился триумфом хабаровцев в столице, а сами гастроли на сцене прославленного Малого театра знаменательнейшим событием, которое еще раз доказало, что понятие «театральная провинция» весьма условно. Ибо личность режиссера, способного сделать сцену кафедрой, с которой жизнь предстает перед зрителями в художественных образах, определяет успех коллектива и позволяет говорить о состоятельности труппы.

Представив такой спектакль, как «Ярость», единодушно решили критики, хабаровский театр лишил себя внутреннего права работать ниже этих возможностей.

...И вновь толпы людей у входа. Вздохи у закрытой кассы: «Билеты проданы до 15 октября». Особая торжественность на лицах зрителей, радостный шум в фойе...» В обстановке настоящего праздника начал вчера сезон Хабаровский театр драмы», — писала газета «Тихоокеанская звезда» 22 октября 1965 года.

И это было. Осталось в пожелтевших афишах, фотографиях, газетных страницах. Осталось в памяти очевидцев. Было...

Рыцарь в драконовом царстве

Мы учились в институте, когда в группу стали поступать слухи о новом режиссере, который возглавил ТЮЗ. Самый молодой главреж в стране, Станислав Таюшев был родом из Саратова. Окончив режиссерский факультет ГИТИСа с красным дипломом, приехал на Дальний Восток.

Это было любопытно. Тем более что Хабаровский ТЮЗ, в течение нескольких лет остававшийся без творческого лидера, выглядел безнадежно провинциальным — вроде того изъеденного молью бархата, которым была завешена сцена. Да и труппа — сплошной средний возраст, что с ними можно поставить!

Однако премьеры первых таюшевских спектаклей в Хабаровске перевернули все представления об уровне и творческом потенциале тюзовской труппы. Актеры, которые еще вчера неуклюже изображали мальчиков и девочек, вдруг оказались способны передать сложнейшую гамму переживаний шварцевских героев, азартно овладевали искусством мюзикла. А спектакль по рассказу Бориса Лавренева «Сорок первый», в котором Таюшев был руководителем постановки и автором инсценировки, вызвал волну

давно забытых споров вокруг театра. Одни восторженно принимали новое искусство, другие столь же бурно ниспровергали увиденное.

Наверно, это были первые наглядные уроки режиссуры, которые, сам того не подозревая, Таюшев преподавал студентам института культуры. В антракте мы собирались в фойе, обмениваясь впечатлениями. Таюшев проходил мимо отрешенный, и казалось, что вся эта суэта его ничуть не трогает. Но когда взгляд его серых глаз встречался с нашими откровенно любопытствующими, улыбался весело и понимающе.

Первые годы театр Таюшева искал свое лицо, свой язык, на котором хотел быть понят зрителями. Шло формирование труппы, в театр пришли новые актеры — Валерий Ангарский, Геннадий Храпунков, Алла Волжина, Юрий Юрченко. При Таюшеве пришла в театр и заняла свою нишу блистательная Татьяна Гоголькова.

В ТЮЗ потянулись москвичи: художники Станислав Бенедиктов и Владимир Колтунов, в лице которого труппа обрела главного художника и единомышленника, режиссер Феликс Берман, критики, специалисты по речи. По долгу службы они бывали, конечно, и в других театрах, но местом их постоянной дислокации неизменно становилось уютное помещение ТЮЗа, где поселилось творчество. Кроме внутренних преобразований театр менял и свой внешний облик. Первым делом Таюшев избавился от пыльных кулис. Нарастил сцену, выдвинув ее в первые ряды. Вместо традиционных кресел в зрительный зал поставили деревянные скамейки, оставив посредине пустое пространство для актеров.

В поисках новых форм открыли малую сцену. Это было необычно для Хабаровска. И хотя первый спектакль в фойе по пьесе Теннесси Уильямса «Стеклозверинец» поставил дипломник ГИТИСА Александр Шельгин, в его утонченно-эстетской форме чувствовался почерк художественного руководителя. В довершение актеры во главе с Таюшевым, вооружившись кисточками, выкрасили зрительный зал в черный цвет. «Чтобы ничто не отвлекало от творчества», — объяснял новшество Таюшев.

К сезону 1979 года театр приготовил ряд премьер — «Дракон», «Однажды субботним вечером», «Кошка, которая гуляла сама по себе». Восстановил лучшие спектакли прошлых сезонов — «Тень», «Остановите Малахова!», «Женитьба», «Бумбараш».

Открылся сезон спектаклем по пьесе Шекспира «Ричард III» в постановке Бермана. Казалось бы, совсем не тюзовский репертуар. Однако политический театр нужен юным, считал Таюшев. Именно сегодня надо говорить с молодыми зрителями о проблемах государственной важности. «В «Ричарде» Берман раскрывает механизм тирана, превращающий одного чело-

века в тирана, другого — в того, кто молчит».

Берман поставил кровавую трагедию Ричарда в жанре балаганного театра. В этом был взгляд на историю глазами современного человека.

Тему политического театра Таюшев продолжил в своем спектакле «Дракон», вызвавшем огромный резонанс в городе. Главная ценность спектакля, что он заставлял размышлять о том, что такое человеческое достоинство. Ибо нравственность, утверждал театр, состоит в глубокой вере в высокое предназначение человека. Ведь что такое дракон? Тиран, забирающий самых красивых девушек, держащий в страхе город. Но почему они молчат, эти странные жители? Почему безропотно приносят дань и дев в жертву? Значит, рабство внутри них. И мало уничтожить чудовище о трех головах. Надо еще изжить собственного дракончика, который притаился в душе. А это не всем под силу. И тогда появляется странствующий рыцарь Ланцелот в алом плаще (прекрасная работа Валерия Ангарского) и освобождает город.

Поистине, как бы ни был унижен народ, он всегда найдет силы, чтобы выделиться из серой массы того, кто сумеет подняться над трусостью, страхом, забитостью, взвиться факелом в небо и показать путь к спасению. В спектакле «Дракон» театр определил свою тему, обрел лицо. И это было лицо Ланцелота.

Но «Дракон» был и последним таюшевским спектаклем в ТЮЗе. Произошел парадокс: режиссер, известный своими новациями и смелыми взглядами, был оторван от своего детища и почти насильно водворен на место главного режиссера в театр драмы. Вроде бы все справедливо: передовой режиссер пошел на повышение, да и драму спасать надо. А на самом деле он оказался чужим в коллективе, где были свои игры и правила. И хотя Таюшев сумел обновить репертуар и поставить на сцене краевого театра драмы интересные спектакли, работа не сложилась. Он уехал из Хабаровска. Работал в Саратове, Ярославле, Казани. Ставил спектакли в Москве и Вологде, снял картину на Одесской киностудии. Были у него свои театры и коллективы. Но ни про один из них не сказали, как про Хабаровский ТЮЗ: театр Станислава Таюшева.

Механизм творчества — вещь сложная и хрупкая, иногда достаточно одного неосторожного движения, чтобы маятник качнулся в другую сторону и пошел обратный отсчет времени. Впрочем, кого волнует сломанная человеческая судьба? Но это уже другая история.

В статье использованы материалы из книги А. Иванова «Дорога, длиною в век».

Фото из архивов Хабаровского фонда культуры и ТЮЗа.

Н. Бармина, С. Стукова, В. Пономарева, В. Соломонова. 1958 г.

«У Варвары Степановны был прекрасный, «полетный», удивительный нежный голос. Она имела огромный репертуар, включающий все известные партии лирико-колоратурного сопрано. Особенно часто Соломонова исполняла свою любимую «Снегурочку» из одноименной оперы Римского-Корсакова, ведь певческую карьеру в оперной студии консерватории она начала именно с этой роли.

Варвара Степановна преподавала и в Хабаровском музыкальном училище. По моей просьбе меня зачислили к ней в класс в 1957 году. Для себя я твердо решила перенять у Соломоновой великолепную вокальную культуру и приемы вокального исполнительства. И в итоге получила мощный фундамент настоящей школы. С ним уверенно чувствую себя всю свою творческую жизнь. Это со мной, когда я пою «жестокий романс» в одноименном фильме Эльдара Рязанова, когда пою классику и даже джаз...»

Валентина ПОНОМАРЕВА, народная артистка России

ШЕМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА

«Варвара Степановна Соломонова осталась в моей памяти как человек, излучающий свет и гармонию. Те нечастые встречи с ней в училище искусств, где я учился в 60-е годы, или у нее дома сохранили в душе след, не стираемый годами, — ощущение доброжелательности, материнской заботы, профессиональной опеки. Будучи прекрасной певицей, она знала обо всех музыкальных событиях в жизни Хабаровска, внимательно следила за развитием юных талантов. Варвара Степановна была человеком неумным, осознающим меру профессиональной ответственности за все происходящее в музыкальной жизни города и края. Она стремилась внести в нее максимальный вклад. Велика ее заслуга в развитии музыкальной культуры Дальнего Востока как музыканта и как матери, воспитавшей дочь — доктора искусствоведения, профессора Хабаровского государственного института искусств и культуры Наталью Алексеевну Соломонову. В своей дочери она продолжила себя и сохранила».

Алексей НИКИТИН,
кандидат искусствоведения,
доцент

— У нас уже четыре колоратуры на Всесоюзном радио... Но мы можем Вам предложить работу в Московской филармонии. А что касается радио — есть возможность работать на периферии, в Хабаровске. Там очень нужны профессиональные вокалисты. Так как Вы решите?

С такими словами известный дирижер Николай Семенович Голованов, председатель комиссии по распределению выпускников Московской консерватории 1939 года обратился к молодой вокалистке Варваре Соломоновой. И она ответила: «Я выбираю Хабаровск». Так она и связала на долгие годы свою судьбу с Хабаровским краевым комитетом радиотелевизионной информации.

Нужно ли говорить, что в то время радио было основным источником коммуникации, а его работники — дикторы, чтецы, солисты-вокалисты, инструменталисты — имели большую популярность в городе. Естественно, роль Хабаровского радио в пропаганде классической музыки, популяризатором которой и являлась Варвара Степановна Соломонова, наш педагог, была очень велика. Мы росли на «Музыкальном словаре» лучших достижений русской и зарубежной классики, впитывая в себя это богатство.

Первое выступление артистки Соломоновой на Хабаровском радио было очень успешным: звучал вальс Штрауса «Весенние голоса» и другие известные произведения в исполнении симфонического оркестра. После этого дебюта один из режиссеров театра музыкальной комедии сказал Соломоновой с большим пафосом и убедительностью, что ей лучше уехать из Хабаровска, поскольку здесь ее просто не оценят.

Оценят, не оценят... Знаю только, что Варвара Степановна была очень независимым и гордым человеком. Ее документы на присвоение звания так и пролежали у какого-то чиновника в столе, но трудовая книжка пестрела благодарностями, а любовь радиослушателей была истинной — сотни писем буквально обрушивались на обладательницу изысканного голоса.

Кроме арий из опер в репертуар Варвары Соломоновой входили камерные произведения русских и зарубежных авторов, которые она исполняла сольно и с вокалистами, своими коллегами М. Зубчаниновым, Н. Занковым, Т. Бисовой, А. Даниловой, а также с инструменталистами И. Миланичем, Г. Ледневым, Ю. Ворониным. Довольно часто она пела с симфоническим оркестром под руководством М. Шаевича, М. Бенедиктова, с оркестром русских народных инструментов под управлением Н. Агафонова. Любимым композитором Варвары Степановны был Римский-Корсаков. Позднее на надгробии Соломоновой ее дочь Наталья — ныне доктор искусствоведения — выгравировала мелодию партии Шемаханской царицы, с которой когда-то Варвара Степановна, молодая певица, поступила в Московскую консерваторию.

В 1953 году Совет Министров СССР издал постановление, которое упраздняло все коллективы, существовавшие при радиокомитетах. Вещание переводилось в основном на механическую запись. Варвара Степановна стала реже выступать на радио, однако начала работать в Хабаровском музыкальном училище педагогом по вокалу. За четыре года мы, студенты, прошли около двухсот произведений, всегда держали их в репертуаре: повторяли, дорабатывали. Ее педагогическое мастерство в полной мере я могу оценить только сейчас, когда сама стала зрелым педагогом.

Прекрасная певица с богатой московской школой, Варвара Соломонова оставила свой след и в педагогической деятельности, воспитав десятки учеников. Это, в первую очередь, вокалисты, а также дирижеры-хоровики, с которыми она занималась постановкой голоса. Некоторое время по просьбе В. Румянцева Варвара Степановна работала с солистами Ансамбля песни и пляски Дальневосточного военного округа. Всегда спокойная, доброжелательная, но очень требовательная, она привлекала своим жизнелюбием, оптимизмом, постоянным поиском новых исполнительских задач.

Я очень благодарна судьбе, что она свела меня с Варварой Степановной Соломоновой. Закончилась моя певческая деятельность, а педагогическая продолжается уже около сорока лет. Мои ученики — выпускники вокального отделения педагогического колледжа Е. Заряднова из Санкт-Петербургского дуэта «Bell canto», О. Пергачева из ансамбля «Дальний Восток», Ю. Лакомая из Хабаровского театра музыкальной комедии и многие другие — это уже музыкальные внуки нашей Варвары Степановны Соломоновой.

Елена ДОБРОВЕНСКАЯ

Лидия Гемма когда-то написала в своем дневнике: «Без впечатлительности стиха не сложить». И еще: «Недавно ночью с особым детским наслаждением слушала дождь...» Это в ней было всегда — впечатлительность и «детскость». Те самые качества, о которых Гумилев сказал в начале XX века: «Для поэта важнее всего сохранить детское сердце и способность видеть мир преображенным». Думается, для поэта важно еще и то, чтобы его берегли и любили. (У Цветаевой: «Послушайте, еще меня любите за то, что я умру!»)

А сама Лида писала:

*Вновь опасен подъем и крут —
Получаю по вере.
От огня, воды, медных труб
Береги меня, берег!*

*Позади переломный год.
Высоту кто измерит?
Ты от осыпей и невзгод
Огради меня, берег!*

*И раскинутся два крыла,
И воздастся по вере.
И закружится голова,
Не жалея меня, берег!*

Берег ее не пожалел, а люди, может быть, мало берегли и любили. Прочитайте строки из дневника Лидии Геммы. Они интересны не меньше, чем ее поэзия.

«Не жалея меня, берег»

23.10... Поэзия — это вино жизни. Иначе назвать не могу. Счастлива, когда пишу. Сама добрею, и мир добреет вокруг. Или он вместе со мной чувствует рождение стиха?

24.10... Как бездонно все же Слово! Только прикоснись к нему, и начинают всплывать другие слова, рождая совсем неожиданные мысли. Поэт — свет — завет — привет... Почему Слово приходит к одним, к другим — не приходит? Чем поэт отличается от непоэта? Талант... Что это такое? Особый ум? Но в житейском смысле поэты зачастую наивны. Сужу по отцу и его друзьям-поэтам. И все же это действительно особый ум, отличный от обычного человеческого ума. Безумный ум? Что-то в этом есть... Точнее, ум парадоксальный. «Куда ни глянь, везде, во всем есть некий замысел великий». Ум, связующий воедино, казалось бы, совершенно противоположные сущности.

26.10... Без впечатлительности стиха не сложить. Сколько, сколько из-за нее страданий и восторгов! Мелочь, пустяк потрясают, властно захватывают сердце и заставляют его биться с удвоенной силой. Через пару минут любой человек на твоём месте забыл это, а ты ходишь несколько дней под впечатлением и все события настоящего пропускаешь через потрясенное этим пустяком сердце. И результат! «Странная она!» — говорят окружающие. Эх-эх-эх! «Когда присутствуешь при чуде, причуда прочный щит от зла». Чудо — рождение стихотворения. Пустячок. Мгновение. «Продлись, мгновенье!» — во-о-от оно откуда! Впечатлительность и позволяет остановить мгновение. Прав-

да, сам поэт, как мне кажется, при этом не думает, что делает особенное. Просто его природа такая.

27.10... На одном празднике вместе со мной выступал воин-«афганец», читал свои стихи, которые назвал почему-то «гремучей смесью». Стихи несовершенные, бесхитростные, вроде и не стихи вовсе. Но зал тепло воспринимал «афганца». Был человек перед людьми, была судьба. Сам воин объяснил позже так возникновение стиха: «Когда в глаза смерти каждый день смотришь, эта горячая смесь в тебе возникает. Не выплеснешь, не запишешь — разорвет». Что-то в сердце моем отозвалось острой радостью. Радостью объяснения тому, что делаю. Да! Тысячу раз — да! Подсознательно живу каждый день так, точно он у меня последний. Потрясенность близостью бытия и небытия. Отсюда и стихи. Не пишу — переживаю болезненно. Время, время уходит. Уходит навсегда! «На лошадином значит — не спеши, когда по-человечьи — «чуть помедли!». По-человечьи ленюсь садиться за стол, но лошадь, та, что внутри, не дает покоя, рвется вперед, боится опоздать. Иногда меня спрашивают: «Как ты успеваешь и работать, и писать?». Господи! Да благодаря этой хрупкой лошади!

30.10... Стихи случаются, это верно. Но Случай надо работать. Как? Каждому — свой рецепт. Каждый находит свой путь к Случаю. Я его просто люблю, Случай. И верю ему, не зная, чем он может обернуться. Случай — риск...

05.12... Волнует магия стиха. Открытие: зерно ее — в нравственности. Несколько раз пыталась несчастную лю-

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ТВОРЧЕСТВА

Наталья СОЛОМОНОВА,
доктор искусствоведения, профессор
Фото Сергея АЛЕКСЕЕВА

В середине 50-х у нас, в центральной музыкальной школе Хабаровска, появился новый преподаватель музыкально-теоретических дисциплин — Ирина Павловна Соболевская. Она была настолько очаровательна, что мы сидели на уроках и заворуженно смотрели на нее .

После случайных педагогов-хоровиков к нам пришел настоящий теоретик с высшим образованием (Свердловская консерватория), да к тому же с такой внешностью! И мы проявляли себя как могли: я старалась самой первой написать музыкальный диктант, Витя Нестеров (сейчас он доктор педагогических наук) тоже не отставал, кто-то вообще ничего не писал — надо же как-то заявить о себе!

Позднее, уже в музыкальном училище, мы вполне смогли оценить высокий профессионализм Ирины Павловны. Ее критический ум осмысливал различные явления и тенденции в искусстве 60-х годов, давая им неординарную оценку. А мы с помощью нашего педагога учились правильно реагировать на новую культурную ситуацию.

Сейчас, когда прошло так много лет и я давным-давно окончила и консерваторию, и аспирантуру, стажировалась в лучших вузах и научных учреждениях столицы у видных российских ученых, пришло понимание того, какое большое значение для нас, многочисленных учеников Соболевской, имело общение с этой удивительно мощной творческой личностью. Именно с приездом в Хабаровск Ирины Павловны здесь создалась основа для появления новой музыкальной специализации — музыковед-историк. Позднее приехали другие талантливые педагоги — Э. Красинский, Ж. Фрейтор, — и теоретическое отделение училища заработало весьма интенсивно.

Большую часть своей творческой жизни Ирина Павловна отдала педагогической деятельности, а в последние годы работала в краевой филармонии и Дальневосточном художественном музее. Как лектор-музыковед она и сейчас с особым мастерством умеет изложить самую суть произведения, помогая слушателям осмыслить его.

Стоит отметить и музыкально-критические статьи Ирины Павловны. Их диапазон довольно широк — от вопросов музыкального воспитания до сложных проблем, связанных с работой музыкального театра. Ее острое перо бьет в самую цель. К примеру, о постановке «Баядеры» в Хабаровском театре мюзикомедии в 1981 году читаем: «...в спектакле не происходит ни завязки, ни кульминации, и «журчит» действие, «как ручеек». И это — в оперетте!.. Одни уходят, «отпев» свое, другие приходят... Отсутствует взаимозаинтересованность в действии, отсутствует психологическое взаимодействие».

Сегодня И.П. Соболевская, заслуженный работник культуры России, возглавляет жюри ежегодного театрального фестиваля, итоги которого по традиции подводятся к Международному дню театра. Вместе со своим мужем, замечательным пианистом В.Л. Соболевским, Ирина Павловна часто бывает за границей, где они пропагандируют русскую и современную отечественную музыку. Вячеслав Львович называет Ирину Павловну «перпетуум мобиле», и не без основания. В этой женщине на самом деле неиссякаемый источник энергии и творчества!

бовь сделать через стихи, которые, как говорят, сбываются, сделать счастливой. Писала стихи, пророча себе счастье. И что же? Стихи получались беспомощные. Когда их писала, каждый раз сомневалась: имею ли право заставить другого себя полюбить? Совесть лася. В личных целях творением своим не воспользуешься. Может быть, поэзия и выбирает того, кто корысти в своем сердце не имеет.

23.12... Почему так не люблю публичных выступлений, но для «узкого круга» на кухне читаю стихи с удовольствием? Наверное, потому, что слово произнесенное имеет другую функцию, чем написанное. После поэтов-символистов возникли массовые выступления поэтов на огромных аудиториях. Учитывая эстетику толпы, поэт как бы выкрикивал свои стихи. Выкрикивать не хочется...

30.01... Ночью думала о роке. С парадоксами и слухаем дружить можно. Но не с роком! Рок, думаю, — это поэзия смерти. Смерть — Антитворец. Что мне нравится в личности Высоцкого? Мужество, упорство, стремление во что бы то ни стало преодолеть препятствие. Лошадь! Вера в себя лошадиная. Лошадиная работоспособность.

17.03... Три закона драматургии: единство времени, единство места, единство действия. Современная драматургия не нуждается в единстве времени и единстве места. Остается единство действия. Разрушенное триединство... От чего-то мне плохо. Не хочу разрушенного времени. И места своего на планете Земля менять не хочу. Куда ведет тогда действие вне времени и места? Над чем задумался Великий Драматург?

22.03... Утром вышла на улицу. Небо бирюзовое! И даже уродливый дым из заводской трубы его не в силах изуродовать. Бирюза — камень влюбленных. Сколько в небе любви!

01.04... Если для меня и есть сейчас «пунктик», так это слово «время». Какое-то непонятное пристрастие к часам, ощущение секундной стрелки внутри себя...

Люди сердца. Люди интеллекта... Люди сердца несут в себе совокупную истину, а люди интеллекта — частную. И уже в этом они обречены.

03.07... За окном ветер. Деревья, трава в его власти. Гнутся к земле. Деревья, зеленые великаны, словно кого-то высматривают на дороге. Точно очнулась от тяжелого сна. Недавно ночью с особым детским наслаждением слушала дождь. Он незаметно вырос на улице, из маленького превратился в большой. Запахи, цвета, звуки воспринимаются до поразительности жадно, всем существом.

19.09... Любопытно: чем отличается комнатное растение от того, что за окном? Незащищенность первого (кактусы здесь не в счет) и мужественной мудростью второго. Все мы до поры до времени комнатные растения. Но жизнь в большинстве случаев выставляет цветочные горшки из уютного тепла под зоркие взгляды строгих звезд и закаляющий, а порой ломающий ветер судьбы. Тревожное чувство приземленности.

02.10... Вот интересно: почему люди, действительно, не летают? Почему крылья положены только ангелам и демонам, а человеку нет? Каким бы он был с крыльями? Наверное, сильно бы изменилась его психология. Высота, взгляд на мир с высоты, иное ощущение сути бытия. А часто бы человек летал? Летать — это труд, напряжение. А как бы человек был прекрасен с крыльями.

Мысль — это изменение, незаметно, исподволь. Изменение сущности человека. Если этого нет, то, значит, человек не желает мыслить. Надо больше смотреть на людей, вникать в их души. А почему-то больше смотрится на деревья, на птиц, животных. На небо... Безопаснее, что ли? Спокойнее?

16.05... Посмотрела я на слово «жизнь». Посмотре-

ПЕЩЕРА-ХРАМ Павла Оглуздина

Елена ДОБРОВЕНСКАЯ

Театром «Триада», руководит которым Вадим Сергеевич Гогольков, хабаровчане по праву гордятся. Несомненно, это одна из достопримечательностей нашего города. Войдем же вместе в «Триаду», увидим пресловутую вешалку и пойдем дальше – в фойе. Там, на стенах, – эскизы к спектаклям главного художника театра Павла Оглуздина. Поднимемся по ступенькам в зрительный зал, где даже стены соответствуют духу театра. Они в петроглифах и росписях, и это воспринимается как часть декорации, создающей особую атмосферу.

Стены расписаны Павлом Оглуздиным и Алексеем Сахно. Их творчество родилось из идеи создать пантеон истоков искусства. Может быть, потому и складывается впечатление, что ты – в пещере искусства, пещере-храме.

Какой же он, главный художник этого храма Павел Оглуздин? А такой же, как этот театр, – уникальный! Павел скромн, и многие попросту не знают, что вот уже тринадцать лет он бок о бок работает с известным нашим режиссером Вадимом Гогольковым. А декорации Павла работают наравне с актерами, потому что всегда являются действующими лицами постановки. «Страсть» – один из самых любимых моих спектаклей «Триады». Его цвет – черно-белый, фактура – бумага. Пока публика рассаживается на свои места, Герман, сидящий в сумасшедшем доме, заключенный в куб (тоже бумажный), рвет газету – делает деньги.

В основе спектакля – «Пиковая дама» Пушкина. Куб-клетка – ворота страсти, откуда вылетают карты, деньги, кони. Кони – воплощенная страсть, а бумага как действующее лицо спектакля говорит о непрочности того, к чему так стремится Герман. Не потому ли этот герой не может противостоять страсти, что страсть эта – всего лишь страсть к бумаге, к тому, что не может и не должно быть в жизни

главным? Нестандартное решение режиссера и художника этого спектакля завораживает.

Оглуздин вообще нестандартен. Его сценография всегда лаконична, в ней нет ничего лишнего. В «Страсти» — это куб, три карты, в «Чайке» — качели, стол, осенние цветы, сдержанные пастельные тона. Именно «Чайка» — любимый спектакль Павла Оглуздина. Спектакль, в котором художник с блеском сыграл роль доктора Дорна. Неправда ли, удивительный ход режиссера? И особенно удивительно то, что художник органичен как артист. «Сыграть свою первую роль можно на обаянии и личном опыте», считает сам Павел. Так-то оно так, но вряд ли любой из театральных художников вдруг выступит в новом качестве да еще в спектакле по пьесе знаменитой чеховской «Чайки». Когда Оглуздин репетировал доктора Дорна, а в перерывах делал декорации к спектаклю, он настолько погрузился в атмосферу Чехова, что вместе с другими триадовцами говорил только чеховскими фразами. К слову, задолго до появления «Чайки» Акунина актеры «Триады» придумывали продолжение «Чайки» Чехова.

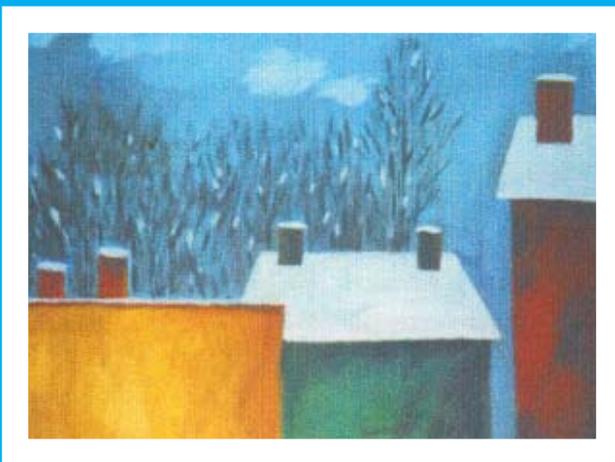
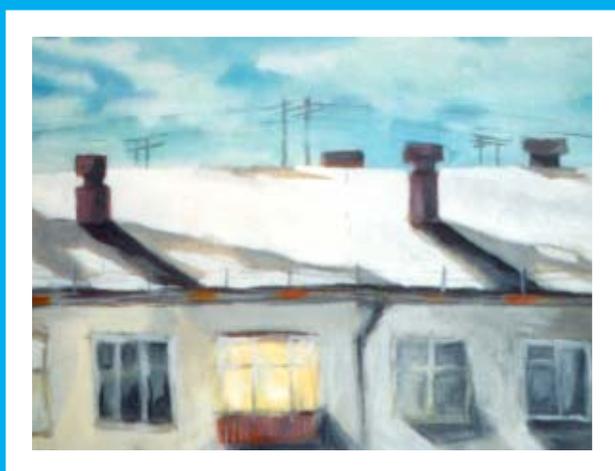
Теперь Павел играет в «О! Блин, шоу!», и это уже никого не удивляет.

Не потому ли спектакли в «Триаде» живут так долго, что рождаются они в удивительном переплетении пластики, музыки и сценографии. Не потому ли, что художник — не заезжий сценограф, а человек, работающий с режиссером от и до, когда идет перетекание чувств, мыслей из души в душу, из идеи в идею.

Лучшей своей работой Павел Оглуздин считает сценографию к «Вишневому саду», где все строится на полутонах. К сожалению хабаровчан, спектакль этот был поставлен Гогольковым в Благовещенске.

Есть такое понятие — театральный человек. И верится, что пока есть такие театральные люди, как Павел Оглуздин, будет жив и Театр — их настоящая Страсть.

БЕЗБРЕЖНАЯ РЕКА ХАБАРОВСКОЙ ВЕСНЫ

Елена ГЛЕБОВА

Силуэты домов и людей, бирюзовое небо с облаками-странниками, нахолившиеся крыши, глаза окон и теплый свет, запутавшийся в портьерах. Множество штрихов, разных по тональности и цвету, составляют большое и единое полотно. Это – «Хабаровская весна» И Де Дона, художника из Республики Корея. Его персональная выставка состоялась в Арт-подвальчике Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры в 2002 году.

И Де Дон родился в Восточной Азии, в небольшом городке Республики Корея в 1956 году. Тогда только-только закончилась война. Его студенческая пора прошла в Сеуле, где И Де Дон получал образование дизайнера, и была светлой и счастливой, как, пожалуй, у многих. Удивительно, но Хабаровск, куда он впервые приехал два года назад, очень напомнил Сеул. Правда, было ощущение, что лента времени прокрутилась лет на тридцать назад. Возможно, поэтому персональная выставка в Арт-подвальчике «Хабаровская весна» стала посвящением полюбившемуся городу.

Ностальгия о юности, новые ощущения, которыми автор напитался на незнакомой до сей поры земле, — из всего этого у корейского художника сложился его и только его взгляд на Хабаровск. Он одел его в сказочные одежды и наделил каждый фрагмент большого полотна своими эмоциями.

В Сеуле И Де Дон является директором дизайнерской фирмы, но в настоящее время он работает в Хабаровске, тоже как дизайнер. И одновременно стажировается в Хабаровском государственном педагогическом университете, где изучает живопись, рисунок и русский язык. Наставник И Де Дона Александр Иванович Иконников, заведующий кафедрой изобразительного искусства ХГПУ, доктор педагогических наук, профессор, считает, что его стажер — уже сложившийся художник. Он успешно осваивает основную программу, глубоко изучает традиционное европейское искусство, но помимо этого много занимается самостоятельно, экспериментирует. Выставка «Хабаровская весна» явилась своего рода итогом, где представлено 157 картин. Работы, выполненные в технике, когда сухая краска наносится на негрунтованный картон, по тональности получились слегка приглушенными. Будто художник набросил на них полупрозрачную вуаль. В иных читается печаль, в других, сквозь матовость поверхности, пробивается радость. И это не случайно. Потому что «Хабаровская весна» — откровенный рассказ художника о незнакомом и вначале чужом городе, который настораживал и даже пугал. Когда жизнь наполнилась новыми знакомствами, встречами, контактами, настороженность ушла, появились новые линии, новые краски.

По словам Александра Ивановича Иконникова, художнику удалось почувствовать Хабаровск во времени и выразить свои впечатления в красках. Причем это не конкретные визуальные образы, а чувственные, новые грани.

Совсем не просто показать тонкое состояние души словом, линией, живописным мазком. Художник И Де Дон попытался рассказать хабаровчанам о своей печали, о светлых минутах. Как говорит сам художник, он рано соприкоснулся с американской культурой, любил слушать классическую музыку, рок и джаз, занимался живописью, но однажды, всерьез увлекшись европейской культурой и глубоко проникшись культурой России, у него возникла потребность передать через свою душу весь свой опыт, накопленный за 45 лет.

— В своих произведениях я хочу показать, что стоячая вода, как символ человеческой алчности, рано или поздно становится светлой и чистой, — размышляет И Де Дон, — Хабаровск встретил пору цветения — светлую и живительную. И чистая вода, наполняющая наши души, соединяясь, становится безбрежной рекой. И белые облака все также плывут по голубому небу...

Людмила КОЗЛОВА,
заместитель директора по
научной деятельности
Дальневосточного
художественного музея

**Длинный, невообразимо
длинный, почти бесконеч-
ный ряд картин-пейза-
жей... Присутствие челове-
ка скорее ощущается, чем
выдает себя зримо. Цвет-
ная мозаика образов то
складывается в единую
картину, то вдруг рассыпа-
ется, словно напоминая,
что любая ценность всегда
относительна.**

ГДЕ-ТО ЕСТЬ ГОРОД, ПОХОЖИЙ НА СОН...

Что это? То ли чудом уцелевшая архаика в сердце стеклобетонного азиатского мегаполиса? Или старинные улочки тихого европейского городка, еще не исчерченного маршрутами туристов? Фрагмент ли поэтической баллады о златовласой Лорелее, обронившей здесь, на вершине скалы, кольцо цвета морских вод? Или ожившие образы славянских преданий, где причудливой формы ожерелье, брошенное на песчаной отмели, повествует о ночных забавах речных дев? Чей образ? Каких мест? Собирается из этих множественных осколков бытия, в котором правда и вымысел соединились в столь изумительные пропорции, что следствием этого союза могло быть лишь

рождение чего-то еще более совершенного.

Фотосюита московского художника Владимира Купцова раскручивается не в раз и не до конца, постепенно вовлекая зрителя в этот магический процесс всматривания, вникания, вчувствования, который незаметно и ненавязчиво, спустя мгновения, становится уже его — зрителя — собственным творческим процессом. Еще точнее, процессом сотворчества с художником, автором работ. Так как особенность этих оставленных фотокамерой мгновений скрыта в

том, что конечной целью их вхождения в реальную, проживаемую нами жизнь является вовсе не трансформация в материальные отпечатки, а совместное восхождение со зрителем на те пики эмоций и эстетического прозрения, с вершин которых художник, собственно, и увидел наш город.

От начала и до конца Владимир Купцов правдив в своем отношении к Хабаровску, так же, как были правдивы и другие фотохроникеры, журналисты, художники, задолго до него пытавшиеся

узнаваемых мест действия раздвигает конкретные рамки фотосюжетов, позволяет автору представить свои объекты, пейзажи как места уникальные. На фотографиях Купцова нет ничего нарочито нарядного, что намеренно свидетельствовало бы об обустроенности и счастливом течении всеобщей жизни. Но и одного панорамного кадра (строительство собора)

выразить свое отношение к этому городу. Но «правда» Купцова — это суть, иное качество творчества, иной образ Хабаровска. Строительным материалом в его создании здесь служат не праздничная иллюстративность и убедительная договоренность, а сверхтонкое чутье и азарт художника в попытке уловить дыхание, энергетику и дух города.

Отсутствие определенных типографических привязок,

просветленный покой, которым наполнена дальневосточная природа, присутствие автора почти не ощутимо, и тем не менее именно он создает особую музыкальную наполненность фотосюиты. Смелые диссонансы голубого с лилово-розовым, контрапункты золотистого с бирюзой, мягкое легато сиреневых туманов, перетекающих в серебристые вечерние ландшафты, — все это фрагменты музыкальной партитуры, авторс-

достаточно, чтобы понять, что у города есть своя история, своя жизнь, своя аура.

Собирательный портрет Хабаровска складывается в единое художественное целое как бы сам собой. Это впечатление естественности, схваченное объективом, возникает и от торопливой манеры бесфабульного повествования, в котором превалируют общие планы, а переходы от одной картины к другой, от портрета к пейзажу, от драгоценных украшений к шероховатости бревна и упругости корабельного каната так пластичны, что почти неощутимы.

Художник не отделяет Хабаровск от его окрестностей. Город в

В ноябре 2002 года в залах Дальневосточного художественного музея хабаровские зрители получают возможность знакомства с новой тематической коллекцией произведений ювелирного искусства Натальи и Алексея Бабуровых. Фотоработы московского художника Владимира Купцова станут частью новой художественной экспозиции на правах равноправного партнерства. Три художника, три мнения о красоте, природе и искусстве.

уникальном природном ореоле — это та самая жемчужина, которая становится произведением искусства в умелых руках ювелира. Именно поэтому столь точно найденный образ творчества — город в его естественной красоте и красота искусства, создаваемого человеком, — варьируется Купцовым на протяжении всей сюиты.

Каждый снимок московского автора имеет свое дыхание, свой ритм. Он слегка, как во сне, замедлен, подчеркивая тот

кого монолога о городе, исповеди глубоко личной и поэтической. Исповеди, похожей на признание в любви к открытому для себя и нас городу, к творчеству, к жизни.

Московский фотохудожник Владимир Купцов создал для нас новый мир Хабаровска. В этом мире отсутствует причинность, да и нет в ней нужды, поскольку единственной причиной всего, его источником и конечным пунктом служит любовь. Та самая, что движет солнце и светила.

В 2001 году журнал “Словесница искусств” стал лауреатом Всероссийского конкурса “Золотой Гонг” — традиционного смотра профессионального мастерства для журналистов печатных средств массовой информации России. Впервые “Золотой Гонг” проходил в рамках открытого фестиваля СМИ “Гонг Масс-Медиа” в сентябре 1994 года. Учредители и организаторы конкурса — Ассоциация руководителей региональных СМИ России (АРС-ПРЕСС), Бюро общественных связей Republic и Национальная информационная палата (НИП).

Решением компетентного жюри, в состав которого входят ведущие журналисты и руководители общероссийских изданий, отметило журнал “Словесница искусств (№ 8/2001г.) в числе лучших в номинации “Лучшее специализированное региональное издание по проблемам национальной культуры и духовного возрождения”.

В оргкомитет конкурса поступило более полутора тысяч работ, и только 32 признаны лучшими, их авторы названы победителями, а 67 — лауреатами “Золотого Гонга-2001”.

